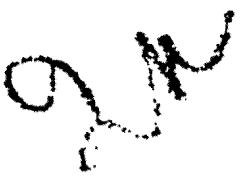
РУССКАЯ
СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА

П. Лавровъ.

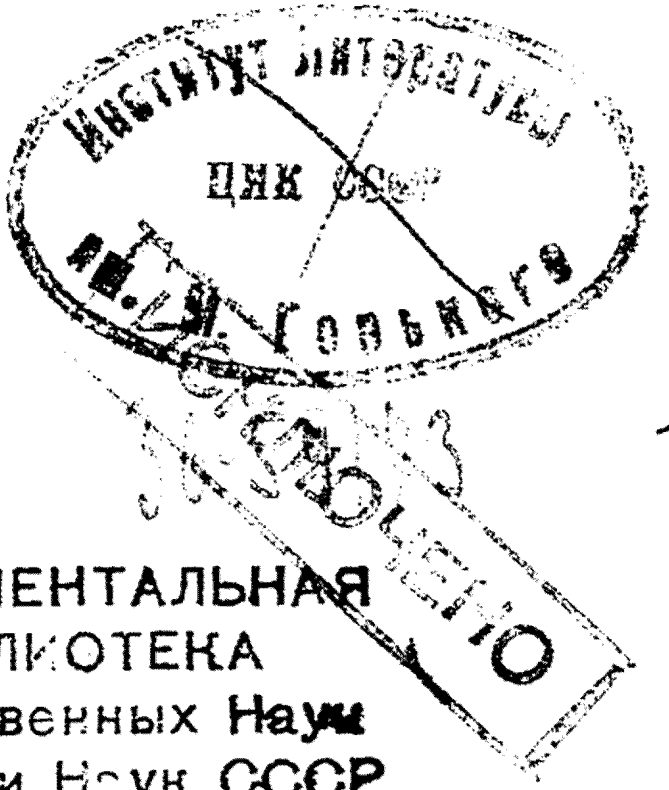
18 МАРТА

1871 ГОДА



ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДЫ»
—
1880

Клюка
Павлович



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

840
56

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

17 марта 1879 г. собралось у меня нѣсколько русскихъ и я сказалъ по поводу Парижской Коммуны нѣсколько словъ, которыя составили основу того, что я теперь предлагаю читателямъ. Впослѣдствіи мнѣ выразили желаніе, чтобы сказанное было напечатано. Я имѣлъ сначала въ виду напечатать лишь то, что я говорилъ, но впослѣдствіи мнѣ захотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобы обработать болѣе полно и основательно то, что въ продолженіи полуторачасовой бесѣды могло быть изложено лишь въ очеркѣ, съ устраненіемъ всякихъ цитатъ и въ возможно-сжатой формѣ. Оставляя вступленіе и послѣднія двѣ главы почти совершенно такъ, какъ онѣ были первоначально изложены, и сохраняя даже характеръ произнесенной рѣчи въ расположеніи цѣлаго, я принялся за переработку первой главы (Факты Парижской Коммуны) на основаніи всѣхъ доступныхъ мнѣ матеріаловъ. Незамѣтно для меня самого работа разрослась далеко за предѣлы, которыя я имѣлъ въ виду ей дать первоначально. Если читатели найдутъ, что она разрослась излишне, я признаю себя заранѣе виновнымъ.

Я счелъ нужнымъ указать источники, которыми пользовался, и приводить самыя слова авторовъ, особенно тѣхъ, которые, какъ личные свидѣтели и участники событій Коммуны, могутъ заслуживать болѣе другихъ довѣрія. Но, для сбереженія мѣста, я не выписывалъ въ текстѣ полныхъ заглавій цитированныхъ сочиненій, заглавій, которыя привожу здѣсь, чтобы объяснить употребленныя мною сокращенія.

Lefr. — « Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871 » par G. Lefrançais; 1871, Neuchatel.

Mal. — « La troisième defaite du proletariat français », par B. Malon; 1871, Neuchatel.

Arn. — « Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris », par Arthur Arnould; 1878, Bruxelles.

Liss. — « Histoire de la Commune de 1871 », par Lissagaray, 1876, Bruxelles.

Lanj. Corr. — « Histoire de la Révolution du 18 Mars », par Paul Lanjalley et P. Corriez; 1871, Paris.

Fiaux. — « Histoire de la guerre civile de 1871 », par Louis Fiaux; 1879, Paris.

« 3me Congr. » — « Troisième Congrès de l'Association Internationale de travailleurs ». Compte rendu officiel, 1868, Bruxelles.

« 4me Congr. » — « Compte-rendu du IVe Congrès International tenu à Bâle en Septembre 1869 »; 1869, Bruxelles.

« 3me Proc. » — « Troisième Procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris »; Juillet 1870, Paris.

« Enq. 4 Sept. » — « Enquête parlementaire sur les actes du gouvernement de la defense nationale» 1872.

« Enq. 18 Mars ». — « Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 Mars » 1872, Versailles.

« Mur. Pol. » — « Les Murailles politiques françaises », 1874, Paris.

« On the War ». — « The General Council of the International Working-men's Association on the war ». — I. 23 July 1870. II. 9 Sept. 1870, London.

« Civ. War ». — « The civil war in France ». Address of the General Council of the International working-men's Association, 1871, London.

« Homm. et Ch. de la Comm. » — « Hommes et choses du temps de la Commune » ; 1871, Paris.

Считаю достаточно ясными указанія на разные журналы, которые мнѣ пришлось цитировать; замѣчу только, что статья М. А. Бакунина въ „Общинѣ", которую я цитировалъ ни разу не назвавъ ее, напечатана въ № 5, 6 и 7 „Общины" подъ названіемъ: „Парижская Коммуна и понятіе о Государственности".

Въ то самое время, когда я кончаю эту работу, русское правительство употребляетъ противъ русскихъ соціалистовъ мѣры, которымъ могли бы позавидовать версальскія судебныя коммиссіи надъ коммунарами. Русскіе соціалисты-революціонеры объявили непримиримую войну современному экономическому строю. Они объявили войну всѣмъ формамъ современнаго государства, а даже между этими обезсиленными политическими формами самовластіе русскаго императорства составляетъ позорную аномалію, отсталый анахронизмъ. Поэтому русскіе соціалисты не просятъ и не ждутъ отъ своихъ враговъ ни пощады, ни справедливости. Но современные судебные порядки въ приложеніи къ процессамъ противу

„нигилистовъ“ представляютъ юридическое безобразіе, которое выставляетъ непормальность русскихъ государственныхъ порядковъ даже въ чисто формальномъ отношеніи слишкомъ ярко и выпукло на позоръ всему міру, считающему себя цивилизованнымъ, и сохранившему хотя бы нѣкоторую стыдливость предъ юридическими формами. Аргументація прокурора Стрѣльникова и его товарищей едва ли имѣла себѣ подобную въ юридической практикѣ. Ефремовъ былъ осужденъ на смерть и *помилованъ* на безсрочную каторгу при такомъ полномъ недостаткѣ юридическихъ доказательствъ, который не позволилъ бы сколько нибудь добросовѣстному суду даже признать его виновнымъ въ какой либо степени. Лизогубъ былъ повѣшенъ по уликамъ, которыя еще годъ тому едва ли были бы признаны достаточными для приговора на ссылку на житье въ Сибирь. Другіе сосланы на безсрочную каторгу при совершенномъ отсутствіи уликъ. На поселеніе сослана 15-ти лѣтняя дѣвочка... Но невозможно перечислять всѣхъ совершаемыхъ безобразій—безобразій въ чисто *формальномъ* смыслѣ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ правительствомъ и съ его высшими и низшими пособниками, къ которымъ неприложима никакая *нравственная* мѣрка, никакое требованіе *осмысленной* дѣятельности.

Горько, страшно горько слышать, какъ падаютъ эти мученики подъ ударами животной силы. Совершенно понятно становится то чувство мести, которое вооружаетъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей кинжаломъ и револьверомъ. И тотъ, кто положилъ перо, считая это оружіе, можетъ быть, несвоевременнымъ, чувствуетъ необходимость приняться за него снова. Расходясь въ оцѣнкѣ употребляемыхъ средствъ, мы должны, каждый, дѣлать свое дѣло, бороться тѣмъ оружіемъ, которое мы считаемъ луч-

шимъ и удобнѣйшимъ для данной минуты. Намъ нечего повторять, что мы враги этого правительства, что мы ненавидимъ его, что намѣрены употреблять противъ него всѣ средства, которыя каждый изъ насъ считаетъ для себя дозволенными: мы все это доказываемъ нашею дѣятельностью. Но что говорятъ, какъ поступаютъ, какъ намѣрены поступать тѣ, которые обвиняютъ насъ въ излишней рѣзкости задачъ и мнѣній, тѣ. которые гордятся тѣмъ, что стремятся къ лучшему будущему на почвѣ *возможнаго*, на почвѣ настоящихъ порядковъ?

Что говорятъ, что думаютъ русскіе либералы о томъ нагломъ проявленіи отрицанія всякой законности, всякихъ ограждeній личности, которое имѣло мѣсто въ Россіи въ нынѣшнемъ году? что говорятъ, что думаютъ они о той каррикатурѣ юридическихъ формъ, которая фигурируетъ подъ именемъ суда? что говорятъ, что думаютъ они о всѣхъ жертвахъ русскаго императорскаго самовластія, воплощеннаго не только въ Тотлебенѣ и въ Гурко, но во всякомъ исправникѣ и становомъ, во всякомъ урядникѣ и дворникѣ? — И замѣтьте, я говорю не о тѣхъ жертвахъ, которыя становятся гордо предъ судомъ, заявляя свое убѣжденіе, отрицая судъ, который произнесетъ имъ приговоръ, отрицая власть, которая измучитъ ихъ, отрицая весь общественный порядокъ, который основанъ на притѣсненіи народныхъ массъ Нѣтъ, ихъ я не осмѣлюсь называть жертвами. Это не жертвы, это — исповѣдники правды, это — судьи своихъ судей, своихъ палачей, судьи того общества, которое трепещетъ и корчится предъ ихъ блѣдными лицами, предъ ихъ гордымъ заявленіемъ.—Я говорю о сотняхъ и тысячахъ жертвъ, которыхъ унесла волна правительственнаго террора изъ семьи, изъ школы, изъ кабинета ученаго, изъ мастерской ремесленника въ Мезень, въ Нерчинскъ потому лишь,

что какое нибудь неосторожное слово, какая нибудь отмѣтка въ записной книжкѣ революціонера, какой нибудь адресъ, какой нибудь нелѣпый доносъ сдѣлали ихъ „прикосновенными“, „подозрительными“...

Если васъ, русскіе либералы, русскіе патріоты, не потрясаетъ, не возмущаетъ позоръ русской жизни, позоръ русской родины при настоящихъ условіяхъ, то что осталось въ васъ человѣческаго?

Если же это потрясаетъ и возмущаетъ васъ хотя бы въ сто разъ слабѣе чѣмъ тѣхъ, которые заявили себя словомъ или дѣломъ врагами современныхъ порядковъ; если вы ненавидите то, что навлекаетъ позоръ на русское имя, хотя бы въ тысячу разъ слабѣе чѣмъ ненавидятъ его люди, идущіе на каторгу и на висѣлицу изъ-за этой ненависти, то гдѣ слѣды вашего возмущенія? гдѣ дѣла вашей ненависти?

Что сдѣлали вы чтобы низвергнуть, или потрясти, или хотя бы ослабить тотъ строй, который разворилъ Россію, наполнилъ грабителями наши земства, нашу администрацію, наши дворцы, погубилъ даромъ 300.000 нашихъ солдатъ въ послѣднюю войну, наполнилъ самоубійцами и идіотами наши школы, оставилъ пустыми каѳедры нашихъ университетовъ, и теперь расцвѣлъ въ такое самоуправство полиціи всѣхъ степеней, въ такое гласное безобразіе судовъ, которому примѣры рѣдки въ исторіи?

Ученики и товарищи Грановскаго и Бѣлинскаго, почитатели Герцена, ученики и товарищи Чернышевскаго и Добролюбова, не краснѣете ли вы предъ именами этихъ людей, не краснѣете ли вы за себя, не краснѣете ли вы за Россію, какою ея сдѣлала *ваша* безхарактерность, *ваша* неумѣлость, *ваша* трусость, *ваш* эгоизмъ?

Да; если иностранные финансисты смѣются, когда говорятъ о русскихъ финансовыхъ операціяхъ, если

иностранные дипломаты рѣшаютъ дѣла Европы не обращая вниманія на имперію въ 90 милліоновъ жителей, если въ будущемъ грозитъ Россіи еще большее пролитіе крови, еще большее раззореніе, то помните русскіе либералы, русскіе дѣятели, русскіе мыслящіе люди, *вы* будете виною этому, потому что правительство русское, не имѣющее ни одной государственной идеи, опустилось уже ниже того уровня, на которомъ начинается нравственная и политическая отвѣтственность. И *вы* позволили ему опуститься ниже этого уровня. Какъ члены версальскихъ палатъ и сенатовъ *всѣ* виновны въ майской бойнѣ Коммуны, такъ на *всѣхъ* васъ, русскіе мыслящіе люди, которые молчите и терпите, на всѣхъ васъ лежитъ вина позора Россіи, лежитъ пятно крови разстрѣленныхъ, повѣшенныхъ, замученныхъ...

Соціалистовъ вы считаете безумцами, но они, эти безумцы, протестовали *одни* противу безобразій русскаго государственнаго строя, какъ Коммуна протестовала *одна* противу безобразій бордосскаго и версальскаго собранія. Эти безумцы *одни* заявили словомъ и дѣломъ, что русскій государственный строй терпимъ быть *не можетъ* и что его терпѣть *не должно*. Они *одни* пошли на каторгу и на висѣлицу во имя протеста противу гніенія русскаго общественнаго строя.

Какъ въ борьбѣ Коммуны, рядомъ съ соціалистическими требованіями пролетаріата, лежалъ слишкомъ большой процентъ патріотическаго негодованія противъ господствующихъ классовъ, которые выростили вторую имперію, ползали передъ нею, а затѣмъ захотѣли захватить себѣ ея наслѣдство, когда она развалилась, такъ и въ пропагандѣ русскихъ соціалистовъ, въ выстрѣлахъ русскихъ современныхъ красныхъ террористовъ, рядомъ съ идеею экономической борьбы, гнѣздится, можетъ быть, не мало не-

нависти къ нынѣшнему русскому императорству, позору русской земли, какъ бордосское собраніе было, по словамъ Кремье „стыдомъ Франціи".

Коммуна погибла среди бойни, подобныхъ которой исторія представляетъ немногіе примѣры, но ея красное знамя, потопленное въ ея собственной крови, стало святынею для всего воинствующаго рабочаго пролетаріата міра. Соціалисты русскіе могутъ гибнуть сотнями, но ихъ память одушевитъ ростущія поколѣнія и ихъ дѣятельность станетъ святынею для ихъ преемниковъ. Эти преемники научатся примѣрами ихъ ошибокъ, какъ дѣйствовать цѣлесообразнѣе, какъ *подготовлять* побѣду, точно также какъ рабочіе соціалисты всей Европы въ дѣлахъ Парижской Коммуны учатся тому, какъ упрочить свою побѣду, если историческія комбинаціи сдѣлаютъ ее снова возможною.

Изучая факты этого бурнаго времени, я жилъ въ то же время въ *той* бурѣ, которая реветъ въ моей родинѣ. Люди Коммуны потерпѣли болѣе страшное пораженіе и они не отчаиваются побѣдить, они рѣшительно несутъ въ будущее свое красное знамя. У насъ еще битва продолжается, и то же самое знамя „обездоленныхъ" несетъ небольшая группа смѣлыхъ борцовъ, которые тоже не опустятъ руки въ отчаяньи даже при самыхъ страшныхъ жертвахъ.

Отчаяваться и недолжно и нельзя. Гибнуть могутъ личности, но *народъ* не гибнетъ, а у нашихъ соціалистовъ, какъ у людей Коммуны, одинъ крикъ: *за народъ*!

П. Лавровъ.

Парижъ
$^{28}/_{16}$ сентября
1879 г.

НАШЕ СОБРАНІЕ.

Мы сошлись сегодня, чтобы вмѣстѣ вспомнить о Парижской Коммунѣ 1871 г. Я позволилъ себѣ прервать наши бесѣды объ исторіи XVIII-го вѣка, чтобы обратиться, хотя бы съ небольшою группою слушателей, къ воспоминанію объ эпохѣ, мысль о которой заставляетъ волноваться не только парижанъ, пережившихъ и день провозглашенія коммуны и кровавую недѣлю; не только французовъ, которые считаютъ десятками если не сотнями тысячъ своихъ братьевъ и товарищей, потерпѣвшихъ тяжелую кару и раззореніе за эти 72 дня общественной независимости; но составляетъ торжественное воспоминаніе для всѣхъ группъ пролетаріата, затронутыхъ растущею волною рабочаго соціализма, остается яркимъ метеоромъ и для всей мыслящей Европы. Мнѣ напомнили, что до сихъ поръ еще ни разу русскіе въ Парижѣ не привѣтствовали по русски этотъ торжественный день. Искренно желаю, чтобы въ будущіе годы подобное собраніе имѣло мѣсто по общественной иниціативѣ и не въ тѣсной комнатѣ небольшой частной квартиры, Теперь приходится примириться съ неудобствами этого собранія.

Но есть ли въ этомъ случаѣ для чего сходиться русскимъ людямъ? Русскіе не охотно думаютъ о прошломъ,

не охотно останавливаются на торжествѣ мертвыхъ; они говорятъ часто, что ихъ дѣло — дѣло жизни, и что имъ некогда и нечего вспоминать: это только задерживаетъ стремленіе къ будущему. Многіе русскіе говорятъ, что у нихъ *особое* дѣло и какъ никто изъ европейскихъ дѣятелей не пойдетъ помогать горю сѣраго русскаго мужика, то и намъ нечего останавливаться на воспоминаніи о герояхъ, которые умирали подъ всемірнымъ краснымъ знаменемъ при звукахъ всемірнаго гимна Марсельезы, при привѣтахъ или проклятіяхъ всего цивилизованнаго міра: они должны концентрировать свою мысль, свои силы, свою дѣятельность на бѣдномъ батракѣ, у котораго нѣтъ знамени, нѣтъ возбуждающаго народнаго гимна; на мужикѣ, который уже долгіе годы умираетъ хронически съ голоду, умираетъ въ острогахъ, умираетъ подъ пулями усмирителей, и едва удостоивается нѣсколькихъ строкъ въ телеграммахъ или въ faits divers самой передовой прессы гордой и чуждой ему Европы. Намъ, говорятъ, нечего праздновать *ихъ* праздники, нечего прислушиваться къ *ихъ* рѣчамъ, нечему у *нихъ* учиться. У насъ будутъ *свои* праздники, которые мы когда нибудь отпразднуемъ, но теперь надо готовить возможность когда либо отпраздновать ихъ. У насъ *свои* рѣчи, которыя мы еще не высказали. Передъ нами *свои* задачи науки, задачи познанія того народа, изъ котораго мы черпаемъ всѣ наши силы, которому должны посвятить всѣ наши заботы, такъ какъ все, что мы выработали въ себѣ, всѣ наши знанія, вся наша культура добыта трудами, оплачена страданіями этого народа.

Но точно ли намъ нечему научиться у парижской коммуны?— Я не употребляю здѣсь термина *научиться* въ смыслѣ отвлеченной отъ жизни науки. Конечно, всякій надлежащимъ образомъ понятый фактъ жизни человѣчества есть уже пріобрѣтеніе и тѣ, которые собираются сюда слушать мои бесѣды о временахъ болѣе отдаленныхъ, тѣмъ самымъ доказываютъ, что они согласны съ этимъ

положеніемъ. Но лишь та наука имѣетъ человѣчное значеніе, которая нераздѣльна отъ жизни, и когда я поставилъ вопросъ: точно ли намъ нечему учиться у парижской коммуны? когда я припомнилъ вчерашній фактъ, послѣ котораго еще кровь не обсохла, раны не закрылись, я спросилъ въ сущности: нѣтъ ли для насъ *жизненныхъ* уроковъ, которые мы могли бы почерпнуть изъ этого историческаго эпизода?

Мы.... Но кто же это «мы»? — Я вовсе не разсчитываю на то, чтобы въ сегодняшней аудиторіи я имѣлъ около себя исключительно убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Здѣсь могутъ быть также русскіе соціалисты, которыхъ еще пугаютъ кровавыя картины, связанныя съ терминомъ: революція. Здѣсь могутъ быть люди, проникнутые желаніемъ блага народу русскому, проникнутые симпатіями къ героизму русской молодежи, но еще слишкомъ скованные традиціями и привычками либерализма, чтобы признать, что соціализмъ, и именно рабочій, революціонный соціализмъ, представляетъ единственный возможный путь для достиженія сноснаго существованія рабочимъ классамъ, т. е. большинству человѣчества. Я обращаю мои слова не исключительно къ единомышленникамъ или къ людямъ, которыхъ, расходясь съ ними въ частностяхъ пониманія соціально-революціонной задачи, я тѣмъ не менѣе признаю товарищами по соціально-революціонному дѣлу. Я обращаюсь ко всякому, кто сознаетъ, на сколько онъ обязанъ народу русскому въ прошедшемъ и настоящемъ за всякое благо матеріальное и умственное, которыми пользуется; ко всякому, кто считаетъ своею обязанностью посвятить свои мысли и свои силы русскому народу и средствамъ для его вывода изъ его нынѣшняго тяжелаго положенія; ко всѣмъ истиннымъ демократамъ, которые искренно хотятъ блага массамъ и искренно ищутъ дѣйствительныхъ путей для помощи этимъ массамъ. Изъ слова «мы» я исключаю лишь тѣхъ, которые служатъ личнымъ или сословнымъ

интересамъ, которые признаютъ, что большинство должно страдать для увеличенія блага меньшинства, что массы обречены фатально на трудъ для выработки цивилизаціи, которою могутъ пользоваться и наслаждаться немногіе. Если здѣсь есть кто-либо, принадлежащій къ этой категоріи личностей, то онъ пришелъ напрасно: для него всякое слово, которое будетъ здѣсь сказано, есть безсмысленное слово. Его мѣсто не здѣсь.

Постараемся же извлечь жизненныя поученія изъ того, что намъ дастъ недолгая исторія парижской коммуны 1871 года.

Я ставлю три вопроса, на которые постараюсь отвѣтить коротко, такъ какъ время не дозволяетъ длиннаго развитія:

1. Чѣмъ была парижская коммуна 1871 г.? 2. Что дала эта коммуна европейской цивилизаціи и въ особенности Россіи въ истекшія 8 лѣтъ? 3. Какія поученія можемъ извлечь изъ нея мы?

I

ФАКТЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

1. Матеріалъ.

Парижская коммуна была фактомъ, слишкомъ сильно возбудившимъ страсти и побѣдителей и побѣжденныхъ, чтобы вѣрная исторія ея была до сихъ поръ возможна. Нечего уже говорить о томъ, что для ея противниковъ было почти немыслимо понять комбинаціи внѣшнихъ фактовъ ея теченія, тѣмъ болѣе проникнуть до настоящаго смысла этого движенія. Но и участники этого движенія могли видѣть, и частью знать, частью угадывать, лишь долю того сложнаго цѣлаго, которое развивалось около нихъ и увлекало ихъ. Объективная, безстрастная исторія коммуны не только невозможна, потому что едва ли есть человѣкъ, знакомый съ событіями, который не сталъ бы неизбѣжно, въ глубинѣ души, на ту или на другую сторону въ этомъ столкновеніи, но подобная исторія была бы и совершенно не вѣрна, потому что смыслъ подобныхъ событій можетъ быть возстановленъ лишь тѣмъ, кто въ состояніи собственнымъ аффектомъ провѣрить и оцѣнить аффекты общественной борьбы; тѣмъ, кто можетъ отнестись

къ борющимся элементамъ не во имя отрывочныхъ приговоровъ обыденной разсудительности о частныхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, но во имя того идеала общественной нравственности, который комбинируетъ полное признаніе фатальнаго подчиненія всѣхъ личностей общему движенію исторической волны съ признаніемъ для каждаго момента исторіи *однаго* пути къ лучшему будущему, *одной* свѣтлой точки въ этомъ будущемъ, распредѣляющей свѣтъ и тѣни на всѣ событія, на всѣ личности. Настоящее накопляетъ лишь матеріалъ для будущей исторіи парижской коммуны, и въ этомъ отношеніи замѣтки ея участниковъ (Арну, Лефрансэ, Малона, Лиссагарэ), оффиціальные документы, обнародованные ея противниками (Enquête parlementaire), и многочисленные болѣе или менѣе связные или отрывочные, краткіе или обширные разсказы лицъ, интересовавшихся ея ходомъ и частью бывшихъ свидѣтелями событій (изъ связныхъ разсказовъ лучше другихъ Коррьеза и Ланжалле). *) представляютъ уже весьма интересныя данныя. Я постараюсь воспользоваться тѣми данными, которыя у меня находятся подъ рукою, нисколько не надѣясь устранить неизбѣжныя въ настоящемъ положеніи матеріаловъ ошибки какъ относительно фактовъ, такъ и относительно людей; но употреблю всѣ усилія, чтобы слѣдовать наиболѣе вѣрнымъ указаніямъ и угадать наиболѣе истинныя отношенія между фактами среди указаній, часто противорѣчивыхъ, которыя представляетъ существующій матеріалъ. Мои личныя наблюденія слишкомъ незначительны, чтобы они могли играть важную роль въ моемъ изложеніи; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что, бывъ на мѣстѣ, я могу дать себѣ и моимъ слушателямъ довольно стройный отчетъ о психическомъ настроеніи въ нѣкоторые моменты недолгой жизни коммуны. Я видѣлъ утромъ 18 Марта сцену отступленія или скорѣе бѣгства

*) Очень недавно вышелъ новый трудъ, заслуживающій вниманія, Фіо (Fiaux).

войскъ съ Монмартра черезъ площадь Клиши. Я присутствовалъ 28 Марта при провозглашеніи коммуны на площади ратуши. Я видѣлъ впечатлѣніе того нравственнаго удара, который нанесла коммунѣ страшная ошибка вылазки 3 апрѣля. Я видѣлъ около себя постепенное истощеніе силъ, на которыя опиралась и могла опираться коммуна, видѣлъ приближеніе ея неизбѣжной гибели. Тѣмъ не менѣе я могъ видѣть и наблюдать весьма немногое, и почти всегда буду опираться на свидѣтельства лицъ, стоявшихъ близко къ дѣлу и несшихъ на себѣ отвѣтственность среди грозныхъ и крайне сложныхъ обстоятельствъ. Я не имѣю въ виду дифирамбъ въ честь событія, которое само по себѣ достаточно врѣзалось въ современную исторію. Я не имѣю въ виду и его апологію, въ которой оно не нуждается. Я вовсе не ослѣпленъ кровавымъ блескомъ этого событія. Знаю недостатки людей въ немъ участвовавшихъ, фатальныя бѣдствія, которыя влекло за собою самое положеніе. Я твердо знаю, что въ исторіи кумировъ имѣть не должно и что кумиры даже революціонные всегда имѣли лишь самое бѣдственное вліяніе; именно исторія парижской коммуны 1871 г. можетъ представить этому самые поразительные примѣры. Я весьма далекъ отъ того, чтобы въ моемъ краткомъ очеркѣ поставить эту коммуну на поклоненіе революціонерамъ соціалистамъ. Я сказалъ уже, что моя главная цѣль—извлечь изъ ея теченія практическія поученія. Поэтому и въ изложеніи событій я ограничусь лишь тѣмъ, что постараюсь въ главныхъ чертахъ характеризовать ходъ событій, изъ которыхъ намъ предстоитъ извлечь урокъ для настоящаго и для будущаго.

2. Имперія и Интернаціоналъ.

Іюньскіе дни 1848 года образовали между парижской буржуазіей и парижскимъ пролетаріатомъ пропасть, которая никогда съ тѣхъ поръ не наполнялась. Движеніе, подобное іюльскому 1830 г. или февральскому 1848 г., сдѣлалось невозможно. Это оказалось вполнѣ очевидно, когда на очередь въ политикѣ Франціи сталъ споръ о власти между президентомъ и собраніемъ, между цезаризмомъ и либералами; весьма незначительная доля рабочаго населенія приняла участіе въ борьбѣ либеральной буржуазіи противъ возникающей имперіи. Съ другой стороны, имперія постоянно старалась подчеркнуть, что она опирается на массы противъ меньшинства либераловъ; что ее поддерживаютъ 7 милліонновъ голосовъ, которымъ она возвратила отнятое у нихъ либеральною буржуазіей всеобщее право голосованія. Хотя въ этомъ случаѣ имѣлось преимущественно въ виду французское крестьянство, съ начала вѣка потерявшее всякій политическій смыслъ и всякое политическое значеніе, но имперія пыталась привлечь на свою сторону и городской рабочій пролетаріатъ. Не даромъ новый императоръ былъ, во время своего изгнанія, авторомъ «Extinction du Proletariat», гдѣ сравнивалъ рабочихъ съ «илотами» и высказалъ мысль, что «бѣдные перестанутъ бунтовать, когда богатые перестанутъ притѣснять ихъ». Сначала имперія преслѣдовала всѣ рабочіе союзы безразлично, какъ центры демократической агитаціи, и изъ многочисленныхъ ассоціацій, возникшихъ въ 1848 г., пережили декабрьскій переворотъ и учрежденіе имперіи—весьма немногія. Но уже въ 1849 г., подъ руководствомъ благотворительнаго общества, стали группироваться тѣ «бѣлыя блузы», которыя

находились въ тѣсной связи съ полиціею имперіи, и сами служили центромъ группъ рабочихъ, считавшихъ въ своихъ интересахъ поддерживать имперію. Обширныя общественныя работы въ Парижѣ и другихъ городахъ имперіи искуственно поддерживали заработки и связывали по видимому интересы рабочаго класса съ ея существованіемъ. Съ 1863 г. началась организація рабочихъ обществъ подъ вліяніемъ императорской администраціи. «Кредитное общество для труда», «Участная касса народныхъ ассоціацій», «Касса кооперативныхъ ассоціацій», «Общество гражданскихъ инвалидовъ труда» и другія, тому подобныя учрежденія, были основаны въ 1863-1867 годахъ. Въ 1866 г. въ Парижѣ снова существовало до 74 разныхъ рабочихъ союзовъ (взаимнаго кредита, потребительныхъ, производительныхъ). Въ маѣ 1864 г. прошелъ по докладу Оливье (впервые тогда явно перешедшаго на сторону императорскаго правительства) законъ, дозволявшій стачки рабочихъ. Но это движеніе, возбужденное имперіей для своей поддержки, въ виду растущей оппозиціи, совпало съ крайнимъ ослабленіемъ энергіи въ императорскомъ правительствѣ вслѣдствіе смерти наиболѣе талантливыхъ дѣятелей декабрьскаго переворота и болѣзни самого императора, такъ что обширный и трудный планъ связать существованіе имперіи съ развитіемъ рабочаго класса ускользнулъ изъ рукъ тѣхъ, которые положили начало его исполненію.

Въ то же самое время (1864 г.) организація Международной Ассоціаціи рабочихъ дала новый и энергическій центръ рабочему движенію и центръ уже вполнѣ оппозиціонный. Весною 1868 г. прошелъ законъ о дозволеніи публичныхъ собраній, такъ долго запрещенныхъ, и ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ возстаніе парижскаго пролетаріата было подавлено буржуазіей, 28-го іюня 1868 г. открыто было мирными профессорами политической экономіи первое публичное собраніе въ Парижѣ, на которомъ немедленно выступили на первый планъ

вопросы соціализма.—Черезъ три мѣсяца эти собранія существовали въ огромномъ числѣ въ разныхъ частяхъ Парижа, и если пренія о политикѣ и религіи были запрещены, то самые жгучіе вопросы существующаго общественнаго строя подвергались открытому обсужденію въ два года, прошедшіе отъ 28 іюня 1868 г. до 4 сентября 1870 г.: положеніе женщины въ современномъ обществѣ; организація семьи согласно современнымъ юридическимъ и нравственнымъ понятіямъ; отношенія между капиталомъ и трудомъ; преобразованіе банковъ; организація обмѣна и кредита; справедливое распредѣленіе налоговъ; современная организація общественной благотворительности и ея противники; критика судебныхъ учрежденій; разборъ существующей системы наказаній и т. п. (Lefr. 40). Сначала явно-демократическій и политически-оппозиціонный характеръ этихъ собраній вызвалъ въ нихъ недовѣріе къ участникамъ существующихъ ассоціацій и къ приверженцамъ Интернаціонала, въ которыхъ подозрѣвали (особенно по инсинуаціямъ или явнымъ наущеніямъ либераловъ) сторонниковъ имперіи; но скоро эти подозрѣнія разсѣялись и наиболѣе извѣстные члены Интернаціонала стали самыми вліятельными ораторами этихъ собраній. Когда администрація имперіи подмѣтила, что рабочее движеніе ускользаетъ отъ ея вліянія и переходитъ въ руки интернаціоналистовъ, начались преслѣдованія Интернаціонала.

Какъ извѣстно, онъ съ начала заявилъ весьма мирныя стремленія. Если его основнымъ догматомъ было «освобожденіе рабочихъ усиліями самихъ рабочихъ» и, для этого, соглашеніе и организація рабочихъ всѣхъ странъ, то, защищаясь отъ своихъ противниковъ, интернаціоналисты говорили, что они хотятъ употребить для своихъ цѣлей «лишь мирныя средства, такъ какъ опытъ доказалъ, что насиліе ни къ чему не ведетъ». «Мы не занимаемся политикой», говорили они. «Мы трудолюбивые рабочіе и видимъ, что, не смотря на всѣ наши усилія, наше положеніе все ухудшается. Мы ищемъ мирныхъ путей для

сго улучшенія». Еще на Базельскомъ конгрессѣ (1869) Фрюно говорилъ, «что онъ отвергаетъ революціонный путь», потому именно, что онъ французъ и знаетъ по опыту, что революціи всегда совершаются въ пользу враговъ пролетаріата (4me Congr., 88). Но эти мирныя заявленія, если и были искренни со стороны нѣкоторыхъ личностей, за то для другихъ, особенно для всѣхъ понимавшихъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, могли быть лишь щитомъ отъ могучихъ враговъ. Уже на Брюссельскомъ конгрессѣ (1868) бельгіецъ Стээнсъ говорилъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь «путемъ низверженія всѣхъ тираническихъ государственныхъ учрежденій. Мы апеллируемъ къ соціальной войнѣ. Лишь революція рѣшитъ вполнѣ вопросъ; до тѣхъ поръ всѣ наши усилія могутъ дать лишь отрицательные результаты». (3me Congr. 19). «Мы именно хотимъ революціи», говорилъ тамъ же будущій членъ коммуны, Лонгэ, по поводу вопроса о банкахъ (тамъ же, 34). Конгрессъ этотъ кончился рѣчью делегата Генеральнаго совѣта, въ которой было сказано: «Революціи 1830 и 1848 годовъ были революціями лишь *формальными*, а не *основными*, между тѣмъ какъ надо измѣнить самыя основы общества; истинная почва революціи есть вопросъ соціальный... Мы хотимъ низвергнуть не тирановъ, но самую тиранію... Мы не хотимъ болѣе правительствъ, такъ какъ правительства насъ подавляютъ налогами; мы не хотимъ болѣе арміи, такъ какъ арміи насъ избиваютъ; мы не хотимъ болѣе религій, такъ какъ всѣ религіи душатъ мысль». (тамъ же, 50). Базельскій конгрессъ (4-ый) былъ первый, гдѣ стало обязательнымъ, чтобы всѣ присутствовавшіе на немъ делегаты принадлежали Интернаціоналу (Заявленіе Мюра на процессѣ 1870 г. 3me Proc. 228) и онъ принялъ самое рѣшительное положеніе по вопросу политики. Въ первомъ же привѣтѣ, которымъ встрѣтилъ членовъ Базельскаго конгресса президентъ базельскихъ секцій, раздались слова: «Будемъ трудиться для созданія народ-

наго государства, потому что прежде всего надо, чтобы народъ взялъ въ свои руки правленіе... Остается узнать, возможно ли намъ будетъ совершить продположенныя нами реформы мирнымъ путемъ.... Мы ведемъ войну не съ лицами, а съ принципами и учрежденіями, которые представляютъ результатъ нынѣшняго общественнаго строя», (4me Congr. пред. VIII), На второмъ же засѣданіи бельгіецъ Гинсъ резюмировалъ такъ задачу рабочаго движенія: «Интернаціоналъ долженъ быть государствомъ въ государствахъ; онъ предоставитъ послѣднимъ идти своимъ путемъ, пока наше государство не будетъ сильнѣе ихъ. Тогда, на развалинахъ ихъ государствъ, мы устроимъ наше, совсѣмъ готовое, какъ оно уже существуетъ въ каждой секціи» (тамъ же, 7). Онъ же сказалъ позже: «Лишь насиліе подавляетъ захваты насилія». (тамъ же, 85). На этомъ же конгрессѣ слова Бакунина о необходимости революціи вызвали приведенное выше отрицаніе Фрюно, и оффиціальный отчетъ конгресса резюмируетъ такъ конецъ рѣчи Бакунина: «Ораторъ требуетъ разрушенія всѣхъ территоріальныхъ и національныхъ государствъ, и учрежденія на ихъ развалинахъ международнаго государства милліоновъ рабочихъ, государства, учрежденіе котораго составляетъ дѣло Интернаціонала» (тамъ же, 80).—Сознаніе необходимости насильственныхъ политическихъ пріемовъ было сильно и во Франціи. «Какъ вы хотите — писалъ Варленъ 8 марта 1870 г. пріятелю — чтобы я сталъ менѣе революціонеромъ въ присутствіи подобнаго положенія дѣлъ, которое какъ бы становится съ каждымъ днемъ даже все серьезнѣе... Но вы ошибаетесь, если думаете хоть на одну минуту, что я пренебрегаю соціалистическимъ движеніемъ для политическаго. Нѣтъ, я продолжаю дѣло революціи лишь съ точки зрѣнія истинно-соціалистической; но вы должны понимать, что мы не можемъ ничего сдѣлать въ области соціальной реформы, пока старый политическій строй не будетъ уничтоженъ... Если, въ виду серьезности современныхъ событій, партія

позволитъ себя убаюкивать отвлеченной теоріей соціалистической науки, очень возможно, что, проснувшись въ одно прекрасное утро, мы увидимъ, что попали подъ власть новыхъ повелителей, болѣе опасныхъ для насъ, чѣмъ наши нынѣшніе повелители, потому что они будутъ моложе, а потому и сильнѣе и могущественнѣе».—Клюзерэ писалъ въ предыдущемъ мѣсяцѣ Варлену: «Вы правы, когда говорите, что мы восторжествуемъ непремѣнно, если будемъ упорно стремиться къ успѣху путемъ организаціи. Но не будемъ упускать изъ виду, что цѣль организаціи — солидарность большинства въ виду дѣйствія.... Конечно, не слѣдуетъ жертвовать нашими идеями политикѣ, но было бы бѣдствіемъ, если бы эти идеи оторвали насъ отъ политики, даже временно... Въ этотъ день (когда падетъ имперія) мы должны быть готовы физически и нравственно. Въ этотъ день выборъ долженъ быть лишь между двумя рѣшеніями: мы или ничтожество!... Парижъ будетъ нашъ или Парижъ не будетъ существовать». — Бастелика требовалъ, чтобы Парижская федерація рабочихъ, создавъ серьезный центръ, сдѣлалась «фокусомъ соціальной революціи»; Интернаціоналъ былъ для него «подготовителемъ мастеровъ революціи».—Въ Ліонѣ 16 января 1870 г. женщины, принадлежавшія Интернаціоналу, обращались къ молодымъ людямъ, призываемымъ на службу 1870 г., со словами: «слѣдуетъ протестовать не напрасными заявленіями, но революціоннымъ актомъ, отказомъ отъ конскрипціи.»—Комбо на публичномъ собраніи 19 апрѣля заявилъ: «Интернаціоналъ подчинялся тяжкимъ законамъ необходимости: онъ молчалъ до того дня, когда могъ сказать: мы не хотимъ имперіи! и уже нѣсколько лѣтъ это его самый рѣзкій крикъ... Надобно высказать громко, разъ на всегда, что мы хотимъ соціальной республики со всѣми ея послѣдствіями». И въ манифестѣ, помѣщенномъ въ республиканскихъ газетахъ и подписанномъ главными интернаціоналистами Парижа, Варленомъ, Малономъ, Комбо, было сказано: «Реакціонеры не должны заблуж-

даться: если бы дѣло шло лишь о томъ, чтобы подставить наши груди подъ пули, мы не поколебались бы отвѣтить на ихъ постоянные вызовы; но всего важнѣе— обезпечить успѣхъ революціи, и, полные сознанія нашихъ силъ, мы выжидаемъ. Чаша наполнена до краевъ; она скоро перельется. Революція сама выберетъ свой часъ». — Къ сожалѣнію, именно этотъ выборъ «своего часа» почти никогда не удается, и приходится быть «готовымъ физически и нравственно» когда «часъ» кажется еще довольно отдаленнымъ....

Успѣхи Интернаціонала во Франціи были довольно быстры. Въ 1864 г. въ Лондонѣ положено ему основаніе; въ 1865 г. начинается во Франціи рядъ стачекъ; въ 1866 между различными рабочими корпораціями возникаютъ солидарныя связи въ виду усиливающихся стачекъ; въ 1867 г., кромѣ болыпихъ стачекъ въ Парижѣ, въ Амьенѣ, въ Марселѣ и безпорядковъ въ Рубэ, происходитъ явный обмѣнъ манифестовъ между рабочими Франціи и Германіи, а 4 ноября происходитъ крупная демонстрація противъ посылки французскихъ войскъ на помощь папѣ.—На конгрессѣ въ Лозаннѣ, гдѣ было принято рѣшеніе, что «общественное освобожденіе рабочихъ нераздѣльно отъ ихъ политическаго освобожденія», присутствовало нѣсколько представителей Франціи (изъ будущихъ членовъ Коммуны— Лонгэ).—Въ 1868 г. правительство имперіи вздумало бороться съ растущею силою Интернаціонала, но, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, придало тѣмъ новому движенію еще болѣе значенія и силы. 6 марта 1868 призванъ къ суду парижскій комитетъ Интернаціонала и объявленъ распущеннымъ, а 22 марта осуждена коммисія (къ ней принадлежали Варленъ и Малонъ), которая продолжала сношенія съ разными группами. Но правительство имперіи играло двойную игру, такъ какъ въ то же время, въ сентябрѣ 1868 г., Оливье, сдѣлавшійся одною изъ главныхъ опоръ падающей имперіи, писалъ рабочимъ: «Ваша цѣль — устроить корпоративный союзъ прежде

чѣмъ вы приступите къ кооперативной ассоціаціи, такъ какъ первый, по вашему мнѣнію, долженъ служить вступленіемъ во вторую и гарантіею ея успѣха. Я ничего не имѣю противъ этого.... Развитію вашихъ правъ и вашей иниціативы существовало четыре препятствія: 1) ваше устраненіе отъ политической жизни; 2) наказанія, грозившія за стачки; 3) запрещеніе публичныхъ собраній; 4) запрещеніе союзовъ, заключающихъ болѣе 20 человѣкъ. Первое препятствіе пало въ 48-мъ году. Я имѣлъ счастье разрушить второе и содѣйствовать ослабленію третьяго; остается завоевать право ассоціацій. Концентрируйте всѣ ваши усилія на этомъ пунктѣ... Когда вы его достигнете, вы будете господствовать надъ вашимъ положеніемъ». (3 Pr. 125).—Конечно, при этихъ условіяхъ, энергія агитаторовъ Интернаціонала не слабѣла. Особенно Варленъ направилъ свою дѣятельность на возстановленіе организаціи, осужденной въ мартѣ 1868. Въ слѣдующіе 2 года его корреспонденція охватывала всю Францію; онъ самъ является въ Руанѣ, въ Марселѣ, въ Ліонѣ. Этому же много содѣйствовалъ Малонъ. Осужденіе парижскаго комитета лишь помогало агитаціи. «Многіе рабочіе — говорилъ въ послѣдствіи Варленъ въ Базелѣ (4me Congr., 67) —вовсе не интересовались нашей ассоціаціей до нашего осужденія; послѣ этого они являлись съ просьбою примкнуть къ ней, если это было еще возможно. Для всѣхъ рабочихъ, ассоціація продолжала существовать; представленіе о ней распространялось и утверждалось въ массахъ, точно также какъ въ мнѣніи озабоченной буржуазіи». Еще ранѣе, на Брюссельскомъ конгрессѣ 1866 г., Толэнъ, выражавшійся очень сдержано и готовый признать, что въ это время Интернаціоналъ «умеръ въ Парижѣ», что его положеніе тамъ «было всегда очень затруднительно» утверждалъ однако, что если Ассоціація «перестала тамъ существовать оффиціально, если мы не можемъ тамъ существовать, какъ коллективное цѣлое, тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ остается членомъ великой

Ассоціаціи». (3me Congr., 2).—На конгресѣ было прочитано письмо изъ тюрьмы Сент-Пелажи, подписанное заключенными членами Интернаціонала (въ томъ числѣ Варленомъ и Малономъ) гдѣ было, между прочимъ, сказано: «мы твердо рѣшились продолжать наше дѣло каждый отдѣльно, такъ какъ теперь намъ невозможно дѣйствовать коллективно.»—Толэнъ, отъ имени французскихъ рабочихъ, заявилъ, что они «не занимались и не хотѣли заниматься» той политикой, которая заключается «въ смѣнѣ министровъ, королей, президентовъ республики», но что ихъ политика заключается въ томъ, что они «занимаются общественными вопросами, борятся противъ системы постоянныхъ армій и поддерживаютъ стачки». Французскіе рабочіе рѣшительно протестуютъ «противъ войны, которая всегда служила лишь на пользу тиранамъ и во вредъ свободѣ народовъ».

Интересно, конечно, обратить вниманіе на отношеніе французскихъ и особенно парижскихъ соціалистовъ въ эту эпоху къ вопросу о личной или общественной поземельной собственности, самому основному изъ вопросовъ соціализма. Этотъ вопросъ, эпизодически поднятый на Лозанскомъ конгрессѣ, составилъ важный элементъ преній Брюссельскаго и Базельскаго конгрессовъ; въ обоихъ, какъ и слѣдовало ожидать, большинство мнѣній было на сторонѣ коллективной поземельной собственности, *) но въ Брюсселѣ, хотя записка, присланная изъ Руана, высказывалась за коллективную поземельную собственность, (впрочемъ съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ собственниковъ), всѣ французскіе делегаты, говорившіе по этому

*) Въ Брюсселѣ 30 противъ 4; 15 человѣкъ воздержалось (3me Congr., 41). Въ Базелѣ *право* отмѣнить личную поземельную собственность признано 54 голосами противъ 4; 13 человѣкъ воздержалось. *Необходимость* обратить землю въ коллективную собственность признана 53 голосами противъ 8; воздержалось 10 (4mo Congr., 89—90).

вопросу, были противъ коллективной собственности, хотя иные воздержались отъ голосованія на томъ основаніи, что этотъ вопросъ не могъ быть достаточно разработанъ предъ конгрессомъ. Въ Базелѣ, изъ 55 делегатовъ-французовъ, участвовавшихъ въ голосованіи, только 11 (между ними Варленъ и Дерэръ — члены будущей Коммуны) подали голосъ за коллективную собственность. Будущій членъ коммуны Пенди (Pindy) подалъ голосъ за личную поземельную собственность. Онъ стоялъ особенно за учрежденія обществъ сопротивленія, по вопросу о которыхъ и былъ докладчикомъ.

Такимъ образомъ, изъ предыдущаго можно видѣть, что организація Интернаціонала во Франціи до 1869 г. не особенно содѣйствовала усвоенію большинствомъ членовъ его самыхъ основныхъ экономическихъ принциповъ соціализма. Тѣмъ не менѣе, какъ организація, подготовлявшая «солидарность большинства для дѣйствія», она дѣлала видимые успѣхи. На нихъ могъ указывать Варленъ въ своемъ докладѣ Базельскому конгрессу. Еще въ началѣ 1869 года началась агитація относительно рабочихъ кандидатуръ, чтобы заявить отдѣленіе рабочихъ отъ буржуазіи (письмо Варлена отъ 8 января 1869 г.). Весьма энергически велись стачки, и на одну изъ нихъ (парижскихъ сыромятниковъ) одни парижскія рабочія общества истратили въ 1869 г. 51.000 франковъ (письмо Варлена 2 декабря 1869). Въ маѣ былъ принятъ проэктъ федеральной палаты (chambre fédérale) для объединенія французскихъ рабочихъ обществъ. Собранія по этому поводу были временно запрещены правительствомъ и это вызвало печатный протестъ (12 сент.) делегатовъ рабочихъ обществъ. «Мы не можемъ долѣе переносить — говорилось тамъ — положеніе обманутыхъ, при которомъ на насъ, работниковъ, возлагаются всѣ обязанности, тогда какъ всѣ права предоставлены лишь избраннымъ. Убѣжденные, что никто не можетъ ограничить кругъ нашихъ изслѣдованій и нашего дѣйствія, мы громко требуемъ, какъ

первоначальное, неотчуждаемое наше право, право собираться и составлять ассоціаціи, безо всякихъ ограниченій, и заявляемъ, что мы намѣрены продолжать обсужденіе проэкта нашей федераціи всѣми средствами, какими мы можемъ располагать».—Въ началѣ декабря парижская федеральная палата уже существуетъ (оффиц. извѣщеніе Варлена ліонцамъ). Въ концѣ года основана «Марсельеза», обезпеченная именемъ Рошфора, но вызванная потребностью «укрѣпить и поддержать революціонный соціализмъ». «Самые преданные соціалисты — писалъ Варленъ отъ 25 дек. 1869 г., — особенно же члены рабочихъ обществъ, обсуждали въ частномъ собраніи условія, въ которыхъ зарождался журналъ. Мильеру, избранному директоромъ, поручено въ тоже время соціалистическое направленіе журнала. Это направленіе есть то самое, которое утверждали почти единогласно делегаты Интернаціонала на Базельскомъ конгрессѣ, т. е. коллективистическій соціализмъ, или анти-авторитарный коммунизмъ. Основатели журнала имѣютъ въ виду не только веденіе пропаганды, но еще соединеніе всей европейской соціалистической партіи, путемъ журнала, постоянныхъ сношеній между всѣми группами, однимъ словомъ—подготовленіе соціальной революціи въ Европѣ». Дѣло объ убійствѣ Виктора Нуара, стачка въ Крэзо, арестъ Рошфора вызвали общественное возбужденіе, которымъ умѣли воспользоваться Варленъ, Малонъ и немногіе, болѣе дѣятельные агитаторы. Въ мартѣ 1870 г. въ Парижѣ существовало 13 секцій Интернаціонала, въ апрѣлѣ — 25 (Письма Варлена отъ 2 марта и 20 апр.). Агитація еще усилилась по поводу майскаго плебисцита 1870 года. «Марсельеза» 11 апрѣля печатала воззваніе лондонской французской секціи Интернаціонала, (впрочемъ не имѣвшей общенія съ Генеральнымъ совѣтомъ) гдѣ, между прочимъ, было сказано: «Плебисцитъ, предложенный Имперіею французскому народу, есть лишь ловушка. Мы не можемъ подавать голоса ни за парламентарную, ни

за авторитарную имперію».—Мюльгаузенскіе рабочіе напечатали тамъ манифестъ, заключающій воззваніе: «Впередъ! нечего оглядываться назадъ и война съ капиталомъ! нашъ девизъ—освобожденіе рабочаго».—Въ залѣ «Марсельезы» 19 апрѣля федерація парижскихъ секцій была оффиціально учреждена и на этомъ собраніи Варленъ говорилъ: «Интернаціоналъ уничтожилъ предразсудки, раздѣлявшіе народы... Мы призываемъ всѣхъ страждущихъ и борющихся. Мы—сила и право... Наши усилія должны быть направлены противъ юридическаго, экономическаго и религіознаго строя».—Манифестъ парижскихъ федерированныхъ секцій и федеральной палаты заключалъ въ себѣ требованіе: радикальнаго измѣненія налоговъ, отмѣны конскрипціи, безусловной суверенности для народа и утверждалъ всемірную соціальную республику. Въ это время число лицъ, примкнувшихъ къ Интернаціоналу, во Франціи доходило до 245,000 (3-me Proc. 64). *)

Но именно люди, наиболѣе горячо заботившіеся о торжествѣ программы Интернаціонала во Франціи, должны были сознаться, что организація соціализма тамъ еще очень слаба. Въ концѣ 1869 г. Варленъ писалъ: «Я долженъ вамъ сказать, что, въ нашихъ собраніяхъ, мы почти единогласно признали, что мы еще не готовы для революціи, что намъ нуженъ еще годъ, или, можетъ быть, два, для сильной пропаганды путемъ журнала, публичныхъ или частныхъ собраній и организаціи рабочихъ обществъ, чтобы достигнуть господства надъ положеніемъ и быть увѣренными, что революція не ускользнетъ изъ нашихъ рукъ въ пользу республиканцевъ не-соціалистовъ». Со-

*) Лорье, въ своей защитительной рѣчи, говоритъ о 600.000 и даже 700.000, но это, конечно, адвокатское преувеличеніе. Малонъ въ своей «Histoire du socialisme» и Фрибуръ въ своихъ показаніяхъ предъ слѣдственной коммиссіей (Enq. II, 573) говорятъ тоже круглымъ числомъ о 200.000.

бытія при похоронахъ Виктора Нуара еще болѣе обнаружили отсутствіе подготовки. Бастелика писалъ изъ Марселя: «Событія дня заставили насъ подумать о недостаткѣ соглашенія между группами партіи... Въ то время какъ парижане стояли массою, готовою хлынуть, мы были почти спокойны и руководствомъ намъ служили лишь извѣстія Agence Havas.» Но и въ Парижѣ было не особенно лучше. Варленъ пишетъ, что делегаты федеральной палаты не собирались вовсе и между ними не было соглашенія. «Здѣсь также мы были захвачены въ расплохъ. Едва конституированная федеральная палата... еще не занималась вопросомъ о положеніи, которое ей слѣдуетъ занять, или о своей дѣятельности въ случаѣ движенія... Это положеніе дѣлъ насъ взволновало... Если случай представится снова, то мы не должны подвергаться возможности, что одни изъ насъ будутъ драться и допустятъ истребить себя, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ не будутъ думать о борьбѣ. Съ этихъ поръ мы будемъ совѣщаться и дѣйствовать сообща».—Онъ все еще надѣялся, что революція можетъ «выбрать свой часъ». Близость революціи чувствуется всѣми. Въ февралѣ 1870 г. ходитъ по секціямъ петиція Генеральному Совѣту Интернаціонала, требующая болѣе тѣсной связи его съ центрами возможнаго революціонаго взрыва. «Самыя серьезныя событія могутъ ежедневно имѣть мѣсто—говорится тамъ—и чрезвычайно печально, что Генеральный Совѣтъ не находится уже давно въ дѣятельной перепискѣ съ тѣми, которые будутъ выдвинуты въ главу революціоннаго движенія... Мы должны быть постоянно и всюду готовы, при самомъ началѣ великой политической борьбы, которая приближается, замѣнить нынѣшнюю организацію государствъ, которыя рушатся среди безумія, преступленій и безпорядковъ, новымъ общественнымъ строемъ, основаннымъ на равенствѣ и справедливости». «Имперія существуетъ только по имени», пишетъ Варленъ 8 марта. Между тѣмъ встрѣчаются жалобы на многочисленность различныхъ

ученій въ соціализмѣ. «Увы!—пишетъ Бастелика—позитивизмъ, коллективизмъ, индивидуализмъ!» А мы видѣли, что въ средѣ самихъ делегатовъ на конгрессахъ Интернаціонала существовало весьма недостаточное единство усвоенія самыхъ основныхъ вопросовъ соціализма. Надо было торопиться и уяснить себѣ программу дѣйствія, и скрѣпить организацію для дѣйствія. Но имперія, существовавшая уже «лишь по имени», видѣла опасность. Оливье рѣшился прекратить двойную игру и нанести ударъ грозной растущей организаціи. За недѣлю до новаго плебисцита (1 мая) «открытъ» былъ заговоръ противъ императора и къ нему привлечены нѣкоторые интернаціоналисты. Уже 5 мая Федеральный парижскій совѣтъ обнародовалъ манифестъ, гдѣ признавалъ, что «Международная Ассоціація Рабочихъ есть постоянный заговоръ всѣхъ притѣсненныхъ и эксплуатируемыхъ», но утверждалъ, что «Интернаціоналъ знаетъ слишкомъ хорошо, что страданія пролетаріата зависятъ гораздо болѣе отъ современнаго экономическаго положенія, чѣмъ отъ случайнаго деспотизма какихъ-либо устроителей государственныхъ переворотовъ, чтобы терять время на мечты объ устраненіи одного изъ нихъ», и рѣшительно отрицалъ всякую связь съ аттентатомъ. Оливье поощрялъ прокуроровъ арестовать руководителей Интернаціонала по обвиненію участія въ тайномъ обществѣ. Нѣкоторые изъ нихъ (между прочимъ Варленъ) успѣли скрыться. Остальные явились предъ судъ, продолжавшійся съ 22 іюня по 5 іюля. Обвинитель сразу потребовалъ отъ суда, чтобы въ обвиняемыхъ «былъ пораженъ Интернаціоналъ, это обширное и грозное предпріятіе, направленное противъ общественнаго строя, эта революціонная сила, громко заявляющая свое намѣреніе все захватить и все ниспровергнуть». Главный мотивъ защиты, именно, что Интернаціоналъ не есть тайное общество, отнималъ часть интереса у рѣчей обвиняемыхъ; тѣмъ не менѣе большинство ихъ съумѣло заявить на процессѣ принципы Интер-

національна, основательность борьбы рабочихъ съ капиталомъ и свою рѣшимость остаться вѣрными своему знамени. Адвокатъ Лорье (будущій спекуляторъ и другъ Гамбетты) ловко выставилъ на видъ, что этотъ процессъ есть процессъ изъ-за мнѣній, которыя не раздѣляются «ни правительствомъ, ни большинствомъ противниковъ правительства» и сказалъ отъ имени обвиняемыхъ: «мы—мятежная партія (faction), которую называютъ пролетаріатомъ, но мы не заговоръ. Мы, можетъ быть, хотимъ революціи, но мы не составляемъ заговора для ея осуществленія».—Этотъ процессъ усилилъ значеніе Интернаціонала, показалъ рѣшимость его членовъ, выказалъ его, какъ усиливающійся центръ революціоннаго движенія во Франціи, но онъ, въ то же время, для внимательнаго наблюдателя, могъ показать, какъ много еще оставалось работать этому центру, чтобы сдѣлаться дѣйствительною общественною силою, съ крѣпкою организаціею, съ опредѣленною программою. Обвиняемые искренно сознавались, что именно «недостатокъ организаціи» мѣшаетъ имъ осуществить явно заявленную ими цѣль: «всемірную соціально-демократическую республику.» Для указанія же недостаточной выработки теоретическаго единства въ ихъ средѣ достаточно указать фактъ, что изъ семи *главныхъ* осужденныхъ было трое мютюэлистовъ (Пенди, Мюра и Элигонъ, къ тому же несогласные и между собою). «Каждый изъ насъ — говорилъ на процессѣ Комбо — сохраняетъ свое мнѣніе о томъ или другомъ ученіи. Мы согласны лишь въ принципахъ, провозглашенныхъ Интернаціоналомъ». Но экономическій принципъ распредѣленія собственности былъ самъ по себѣ принципомъ основнымъ, и разногласіе по нему въ то самое время, когда минута революціи приближалась и необходимость *дѣйствія* могла наступить каждый день, представлялось очень тревожнымъ обстоятельствомъ. Приговоръ былъ произнесенъ 7 іюля: 6 человѣкъ были осуждены на годъ, 21—на 2 мѣсяца заключенія, 6 находились за границею (между ними Варленъ).

Между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней должна была начаться война и въ эти два мѣсяца, когда рабочее соціалистическое движеніе въ Парижѣ было лишено всѣхъ самыхъ крупныхъ дѣятелей, судьба имперіи должна была быть рѣшена. Заботы войны и патріотическія волненія во время вторженія непріятеля во Францію и во время осады Парижа совсѣмъ отодвинули на задній планъ вопросы рабочаго соціализма. — Могу засвидѣтельствовать личнымъ опытомъ, что въ секціяхъ Интернаціонала и въ народныхъ кухняхъ (marmites), куда сходились завтракать и обѣдать рабочіе Парижа, эти вопросы почти не поднимались въ концѣ 1870 года.

---

3. Соціалистическая литература.

Но если въ средѣ французскаго рабочаго класса соціалистическое движеніе, вызванное основаніемъ Интернаціонала, было далеко отъ достаточной силы; если задавленные ежедневнымъ трудомъ, люди изъ рабочей среды не успѣли еще выработать ясной объединяющей соціалистической программы и организація ихъ для дѣйствія была еще въ зародышѣ въ то самое время, когда удары, на нихъ обрушившіеся, отняли у движенія самыхъ крупныхъ дѣятелей, то можно было надѣяться, что соціалистическая пресса явится въ этомъ случаѣ энергическимъ пособникомъ движенія, какъ въ отношеніи теоретической разработки вопросовъ, такъ и указанія практическаго плана дѣйствія. Дѣйствительно, были въ парижской прессѣ органы и лица, у которыхъ можно было искать по праву уясненія задачъ переворота, неизбѣжнаго при явно приближающемся паденіи имперіи. Это была, во первыхъ, группа литераторовъ «Марсельезы» (№ 1 появился 19

декабря 1869 года), сгруппировавшихся около Мильера, сына бочара, до 20 лѣтъ занимавшагося этимъ ремесломъ, но теперь, въ 1870 г., въ 53 года, сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ сознательныхъ и мыслящихъ литераторовъ-соціалистовъ Франціи. Мы видѣли, что главные дѣятели парижскаго интернаціонала довѣрили именно ему соціалистическое направленіе журнала, спеціально предназначеннаго для поддержки интересовъ пролетаріата. Рядъ статей Мильера, подъ названіемъ «Соціальный Вопросъ», шелъ въ «Марсельезѣ» съ самаго начала журнала до 8 февраля 1871 г., когда большая часть редакторовъ «Марсельезы» была арестована, а Мильеръ посаженъ въ Мазасъ, гдѣ и просидѣлъ до мая. *) Рядомъ съ случайными сотрудниками изъ рабочихъ группъ, Варленомъ, Малономъ, Кассомъ, Дерэромъ, постояннымъ сотрудникомъ Марсельезы былъ будущій членъ коммуны, 37-лѣтній Артюръ Арну, впрочемъ посвящавшій свои труды спеціально политической хроникѣ.—Отъ группы Марсельезы отдѣлился вмѣстѣ съ Флурансомъ другой будущій членъ коммуны, Жюль Валлэсъ, другъ и одногодокъ съ Артюромъ Арну, возобновившій въ мартѣ 1870 г., прекратившуюся за три года предъ тѣмъ, «Улицу» (La Rue). Прежній сотрудникъ Валлэса въ «La Rue», прежній редакторъ журнала «La rive gauche» и будущій редакторъ оффиціальнаго журнала Коммуны, Шарль Лонге, удалился въ послѣдніе годы имперіи изъ воинствующей прессы.—Совсѣмъ иная группа стояла въ «Reveil» около Делеклюза, который еще въ 1848-49 годахъ издавалъ журналъ съ громкимъ названіемъ «Revolution démocratique et sociale», вернулся изъ своей ссылки въ Кайенну такимъ же рѣшительнымъ противникомъ имперіи, какимъ былъ ранѣе того, и теперь, 61-го года, при первой возможности поднялъ свое знамя, чуть не за

*) Одинъ номеръ «Марсельезы», именно № 79, былъ весь написанъ въ разныхъ тюрьмахъ Европы.

каждый номеръ подвергаясь осужденію и тюрьмѣ. — Отдѣльно отъ обѣихъ группъ стоялъ 60-лѣтній Феликсъ Піа, который прославился своими драмами изъ среды пролетаріата («Les deux serruriers», «Le chiffonier de Paris») еще до революціи 1848 года и своимъ участіемъ въ самыхъ крайнихъ соціалистическихъ группахъ того времени, а теперь, въ концѣ 1869 г., работалъ въ органѣ Виктора Гюго «Rappel», скрывался въ Парижѣ въ началѣ 1870 г. отъ преслѣдованія полиціи, и вскорѣ послѣ того, когда 21 января 1870 г. былъ прочтенъ его „тостъ пулѣ", призывавшій къ убійству Наполеона III, долженъ былъ снова уѣхать въ Англію. — Отдѣльно также стоялъ въ «Revue des cours littéraires», имъ основанномъ, Лиссагарэ, которому было тогда 31 годъ, и, младшій изъ всѣхъ, 29-лѣтній Верморель, крайне раздражившій всѣ партіи своими книгами о людяхъ 1848 и 1851 годовъ, писанными въ тюрьмѣ, обвиненный публично Рошфоромъ въ 1870 г. въ содѣйствіи имперіи, и вскорѣ послѣ того, въ томъ же 1870 г., написавшій,—снова въ тюрьмѣ — свою характеристику соціалистичаской партіи (Le parti socialiste, 1870).—Посмотримъ, на сколько единства въ теоретическомъ пониманіи и ясности, въ опредѣленномъ планѣ дѣйствія, мы найдемъ въ этихъ представителяхъ соціалистической интелигенціи, которые всѣ должны были играть видную роль въ исторіи Коммуны.

Впрочемъ эти личности, которыя выступили всѣ чрезъ нѣсколько времени, какъ участники Коммуны или ея защитники, и которыя всѣ считали себя принадлежащими къ соціалистическому лагерю, могли въ весьма различной степени претендовать на названіе литературныхъ представителей соціализма: для большинства изъ нихъ слово *соціализмъ* имѣло весьма различное значеніе. Едва ли можно найти въ работахъ этого времени у Піа, у Валлэса или Лиссагарэ, два—три отрывка, которые могли бы служить къ уясненію теоретическихъ или практическихъ задачъ соціализма этой эпохи. Если Валлэсъ

въ своей «Улицѣ» (La Rue) 1867 г. хотѣлъ писать «исторію страданій, но въ то же время и исторію труда», если въ «Улицѣ» 1870 г. онъ имѣлъ въ виду излагать «день за день исторію толпы», то анекдотическая и политическая сторона вопроса совершенно оттѣсняла въ его изданіяхъ экономическую сущность дѣла. Раздражая воображеніе читателя картинами бѣдствій рабочихъ разныхъ спеціальностей, онъ никогда не указалъ ни на какой планъ выхода изъ этихъ бѣдствій. Въ первой, еженедѣльной, «Улицѣ» 1867 г. онъ даже призывалъ къ сотрудничеству, для вѣрнаго изображенія уличной жизни Парижа, людей всѣхъ партій, «легитимистовъ, филиппистовъ, имперіалистовъ, республиканцевъ». Въ книгѣ Валлэса «Les Refractaires» (1869) нѣтъ также никакихъ принципіальныхъ или практическихъ указаній. —Піа работалъ въ журналѣ, который даже не считалъ возможнымъ ставить соціализму этой эпохи практическую задачу, и 11 января 1870 г. помѣщалъ за подписью постояннаго сотрудника Барбьё (Barbieux) слѣдующую фразу: «Въ настоящее время соціализмъ есть не столько рѣшеніе или совокупность рѣшеній, какъ обширное изслѣдованіе». Самъ Піа принадлежалъ издавна къ крайнимъ группамъ; говорилъ еще въ 1841 г. въ предисловіи къ драмѣ «Два слесаря», что онъ хотѣлъ написать «трагедію народа», хотѣлъ нѣсколько «реформировать» общество», такъ какъ онъ видѣлъл«несчастія народа и имѣлъ въ виду показать ему, что о нъ рано или поздно восторжествуетъ, развиваясь въ правдѣ и въ добрѣ». Но самыя рѣзкія мѣста драмы Піа (исключенныя театральной цензурой) останавливались лишь на страданіяхъ пролетаріата въ «мірѣ—адѣ, гдѣ бѣдные прокляты», въ мірѣ, состоящемъ изъ двухъ классовъ: «пожирающихъ и пожираемыхъ,... воровъ и обворовываемыхъ», безо всякаго намека на путь, которымъ пролетаріатъ могъ бы добыть себѣ лучшее положеніе. И въ 1870 г. выраженія Піа оставались въ этомъ отношеніи общими и туманными.

Такъ онъ, при случаѣ, писалъ:—Будущее, это—народъ! это—рабочій и студентъ, т. е. трудъ и ученіе; студентъ —молодежь буржуазіи, рабочій—молодежь націи... Будущее, это—равенство бѣднаго съ богатымъ, раба съ господиномъ, рабочей платы съ капиталомъ, человѣка съ человѣкомъ. Это — конецъ кастъ и классовъ» (Письмо къ студенческой газетѣ «L'Avenir».—«Le Rappel» 5 января 1870 г.). Но преслѣдованія, которымъ Піа постоянно подвергался, были вызваны преимущественно его рѣзкими политическими нападками на правительство. Принципіальныя положенія его были довольно смутны. Редакторамъ «Il Popolo» онъ писалъ 2 января 1870 г. о «великой общей (для него и для нихъ) родинѣ—демократіи, и единомъ для всѣхъ государѣ—народѣ». Его рядъ статей въ «Rappel» о «принципахъ 1789 г.» не выходитъ ни на минуту изъ сферы политическихъ или даже весьма частныхъ задачъ, точно также какъ его «Досуги изгнанника» (Les loisirs d'un exilé) 1851 г., не имѣли въ себѣ слѣда соціальныхъ задачъ. Въ отвѣтѣ Маццини (въ «Rappel» 6 января 1870 г.) онъ заявлялъ себя даже приверженцемъ неравенства племенъ, восхваляя исключительно латинское племя, какъ «представителя равенства и единства человѣческаго рода, расу католическую въ истинномъ смыслѣ этого слова, расу демократическую».

Поэтому я ограничусь работами Делеклюза, Мильера и Вермореля, хотя и за ними приходится признать весьма различное значеніе въ вопросахъ, которые должна была поставить на очередь Коммуна. Для всѣхъ трехъ нельзя оспаривать значительнаго вліянія традицій первой французской революціи; кромѣ того для двухъ послѣднихъ не остались безъ сильнаго вліянія идеи Прудона и Луи Блана. При помощи этихъ элементовъ имъ приходилось установлять задачи новой готовившейся революціи, обособить программу соціалистической партіи и составить планъ ея дѣйствій въ виду приближающихся событій. Представители прессы, о которыхъ мы говорили, въ весьма

различной степени оцѣнили значеніе этихъ задачъ и весьма различно отнеслись къ послѣднимъ.

Всѣ они признавали себя продолжателями дѣла первой революціи; ея девизъ: «свобода, равенство и братство» ставили въ основаніе декларацiи въ 1848 г. люди, подписывавшіе ее вмѣстѣ съ Делеклюзомъ (въ числѣ ихъ были Ламенне, Ледрю-Ролленъ, Піа, Распайль, Гамбонъ) въ его журналѣ «La Revolution democratique et sociale» и въ 1869 г. въ «Reveil» (№ 2) Делеклюзъ заключалъ всю политическую реформу въ той же формулѣ. Тотъ же девизъ служитъ точкою исхода и для Мильера въ его статьяхъ «Соціальный вопросъ» въ «Марсельезѣ». Книга Вермореля «Соціалистическая партія» представляетъ лишь коментарій на этотъ девизъ, точно также какъ «единственною причиною существованія соціалистической партіи», онъ считаетъ рѣшимость «довести до конца дѣло освобожденія народовъ, начатое въ 1789 г.» Но у обоихъ послѣднихъ писателей знаменитый девизъ является уже освѣщеннымъ соціалистическими принципами. Для Делеклюза разница новаго движенія отъ стараго весьма неопредѣленна. «Соціализмъ—не что иное, какъ республика въ дѣйствіи», писалъ онъ въ 1849 г. «Демократія и соціальная реформа—одно и тоже», говорилъ онъ въ «Réveil» 1878 г. И въ другомъ мѣстѣ: «слово *демократія* имѣетъ и можетъ имѣть лишь одно значеніе: реформа соціальная, т. е. справедливость, вмѣстѣ съ реформою политическою и помощью ея». Но все содержаніе «Reveil» показывало, что главный центръ тяжести реформъ для Делеклюза и его пріятелей заключался и теперь въ вопросѣ политическомъ, какъ и въ «Соціально-демократической революціи» 1848 года, онъ признавалъ что «связанъ съ существующими соціалистическими школами лишь симпатіями и надеждами» прибавляя, что «роль людей откровенія прошла... Дѣло будущаго принадлежитъ всѣмъ... Мы—люди политическіе и должны жить политическою жизнью». Для Мильера уже «соціализмъ есть наука организаціи

группъ особей». Цѣлью соціалистическаго движенія онъ ставитъ «господство (avènement) пролетаріата». За республикой 1792 г. онъ признаетъ значеніе борьбы, «великой битвы духа новаго времени», цитируетъ пунктъ 35 ея заявленія правъ, признающій въ извѣстныхъ случаяхъ «возстаніе» какъ «самое священное право и самую необходимую обязанность для народа и для каждой части его», но отрицаетъ, чтобы эта первая французская республика была когда либо «правильнымъ правительствомъ». Теперь, говоритъ онъ, «недостаточно разрушить, надо еще построить вновь» и ставитъ „цѣлью будущей революціи—уничтоженіе злоупотребленія капиталомъ и передачу его въ распоряженіе труда"; точно также какъ „истинный прогрессъ" въ борьбѣ принциповъ „индивидуализма и коммунизма" онъ видитъ во внесеніи въ законодательство такого распространенія на всѣ области общественной жизни началъ коммунизма, которое заставитъ исчезнуть всѣ процессы антагонизма, вызванные царствомъ индивидуализма. — Верморель особенно настаивалъ на необходимости „среди смѣшенія идей и партій, доведеннаго до высшей степени послѣдними событіями (въ началѣ 1870 г.), выставить соціалистическую программу" и обособлялъ эту программу, въ противоположность программамъ прочихъ политическихъ партій, тѣмъ, что для соціалистовъ „свобода составляетъ не цѣль, но лишь средство: средство осуществить всеобщее благосостояніе, устраняя изъ міра невѣжество и нищету и замѣняя общественною гармоніею антагонизмъ современнаго строя". „Поэтому организація труда составляетъ самую основу общественной организаціи" и въ ней „слѣдуетъ прежде всего осуществить свободу и равенство"; „всѣ соціалистическія системы имѣютъ цѣлью организацію труда". „Политическія реформы", имѣющія въ виду „осуществленіе свободы", не могутъ совершиться безъ реформъ соціальныхъ (экономическихъ), осуществляющихъ „равенство". „Политика сказала свое послѣднее слово: .... провозгласивъ всеобщее право

голосованія", но осталась „безсильною разрѣшить важныя задачи ею поднятыя"; надо теперь ниспровергнуть деспотизмъ „въ его истинныхъ причинахъ". Будущность политики Верморель представлялъ такъ: „Роль политики кончилась и общество, возвратясь къ своему истинному принципу, будетъ имѣть цѣлью лишь промышленныя отношенія. Правительство должно быть лишь администраціею и послѣдняя должна имѣть въ виду не политическіе интересы... но экономическіе и промышленные". Относительно настоящаго онъ говоритъ: „Мы не хотимъ отвращать умы отъ политическихъ задачъ, ихъ наполняющихъ; мы хотѣли лишь показать, каковы существенныя условія свободы". Резюмируя задачу новаго общественнаго преобразованія, Верморель признаетъ „единственнымъ закономъ для общества" осуществленіе общаго благополучія —что онъ называетъ „земнымъ раемъ"—„путемъ труда и науки, развитіемъ солидарности среди людей".

При этой постановкѣ вопроса понятно, что экономическіе принципы получили преобладающее значеніе. Делеклюзъ, со своей точки зрѣнія, не могъ ставить ихъ очень высоко и интересовался ими болѣе платонически. Онъ въ 1848 г. стремился прекратить борьбу интересовъ своей «соціально-демократической революціей»; стремился осуществить общественный строй, «гдѣ всѣ интересы будутъ одинаково представлены и который всѣмъ имъ будетъ одинаково благопріятствовать.... гдѣ трудъ будетъ обязанностью для всѣхъ, преданность будетъ необходимостью, эгоизмъ — глупостью». Въ знаменитой декларации, о которой сказано выше, заявлялось, что „собственность въ нашихъ глазахъ столь же священна, какъ и трудъ, который она вызываетъ и вознаграждаетъ". Ея право было признано „безусловнымъ по сущности", но относительнымъ и подлежащимъ положительному законодательству по ея распредѣленію и гарантіямъ". При этомъ прибавлено: „мы не только не хотимъ уничтожить собственность, но желаемъ ее разширить, обобщить, сдѣлать

доступною всѣмъ". „Право на трудъ" было признано однимъ изъ народныхъ требованій. Черезъ 20 лѣтъ Делеклюзъ привѣтствовалъ Интернаціоналъ, за то что онъ ставилъ политическія задачи рядомъ съ матеріальными, но когда, на Базельскомъ конгрессѣ, Интернаціоналъ болѣе ясно выставилъ свою программу, оказалось, что будущій членъ коммуны совсѣмъ иначе смотритъ на „справедливость", которая, по его словамъ, составляетъ сущность соціальныхъ реформъ. «Réveil» помѣстилъ рядъ статей Корона о конгрессѣ, гдѣ не придавалось никакого значенія его экономическимъ преніямъ, такъ какъ эти пренія не могутъ имѣть въ виду законодательныхъ рѣшеній. Поднятіе вопроса о собственности признано страннымъ и высказана радость по поводу того обстоятелльства (упомянутого выше), что большинство французскихъ делегатовъ подало голоса противъ рѣшеній конгресса. Авторъ статей прямо высказывался и противъ равнаго распредѣленія имущества и противъ принципа: „земля—земледѣльцамъ, орудія труда—ремесленникамъ". Впрочемъ, характеръ отношенія «Réveil» къ соціальнымъ вопросамъ въ 1869 г. достаточно виденъ изъ того, что теоретическій разборъ этихъ вопросовъ былъ порученъ Робинэ, позитивисту религіознаго толка. — Мильеръ видѣлъ во всей исторіи лишь борьбу начала индивидуализма съ началомъ коммунизма, при чемъ все добро происходитъ отъ коммунистическихъ, все зло—отъ индивидуалистическихъ стремленій. Господству индивидуализма въ современномъ обществѣ онъ приписывалъ всѣ явленія антагонизма, въ немъ замѣчаемыя, между прочимъ и борьбу капитала съ трудомъ. При отсутствіи равенства, свобода является „наибольшимъ бѣдствіемъ для народа, торжествомъ индивидуализма, царствомъ анархіи". Тамъ же, гдѣ равенство будетъ осуществлено, „свобода не имѣетъ предѣловъ". Всякая власть существуетъ „лишь на столько, на сколько она поручена согражданами", и есть, по самой сущности, „власть временная и смѣняе-

мая". Формула равенства является, какъ „равенство обязанностей, которыя пропорціональны способностямъ каждаго", и какъ „равенство правъ, пропорціональныхъ потребностямъ каждаго". При этомъ личность, въ своей безусловной свободѣ, опредѣляетъ сама долю правъ и долю обязанностей, которыя приходятся на нее. — Верморель тоже напиралъ на то обстоятельство, что въ настоящемъ обществѣ равенство есть лишь „прекрасная но безплодная легальная фикція", такъ какъ лишь правильная общественная организація, опирающаяся на организацію труда, можетъ дать это равенство. „Прежде всего слѣдуетъ установить господство трехъ принциповъ, совершенно непризнанныхъ современной общественной организаціей: обязанность всеобщаго труда; обезпеченіе работнику полнаго продукта его труда; равноцѣнность общественныхъ функцій". Послѣдній принципъ Верморель поясняетъ слѣдующими словами: „Трудъ одного человѣка стоитъ труда другого: нѣтъ профессій служебныхъ и профессій свободныхъ; именно въ трудѣ люди должны быть равны". Относительно собственности Верморель говоритъ, что ее „надо возвратить къ началу, которое ей сообщаетъ законность; именно, чтобы она составляла для каждаго гражданина гарантію продукта его труда"; что соціалисты „имѣютъ основанія требовать перестройки собственности на новыхъ основаніяхъ", такъ какъ „въ настоящемъ строѣ она почти никогда не имѣетъ основаніемъ трудъ тѣхъ, которые ею обладаютъ". Въ настоящее время „сбереженіе составляетъ единственную гарантію обезпеченія личности, а слѣдовательно и ея свободы", но оно поддерживаетъ начало: „всякій для себя" и противодѣйствуетъ солидарности. Для установленія солидарности въ обществѣ обезпеченіе личности и ея предусмотрительность должны быть направлены не на „сбереженія", а на „взаимное страхованіе". „Страховая касса замѣнитъ кассу сберегательную, а въ тоже время, и общественную благотворительность". Въ будущемъ обществѣ формы собственности или, вѣрнѣе,

формы владѣнія, составятъ предметъ общественнаго „федеративнаго договора“. „Надо будетъ установить, что̀ должно принадлежать личности и никакимъ образомъ не входить въ составъ договора; что̀ должно быть нераздѣльно и въ отношеніи чего нужно опредѣлить права и участіе каждаго; и что̀, въ виду наибольшей общей выгоды, должно быть общимъ, и эксплуатируемо сообща“. Для устраненія „эксплуатаціи производителей и потребителей посредниками“ Верморель предлагаетъ признать, что „обращеніе цѣнностей есть общественная функція“, предлагаетъ устройство общественныхъ магазиновъ и учрежденіе „агентовъ общественнаго обмѣна“; предлагаетъ, наконецъ, спеціализированный налогъ на основаніи принципа: „Надо, чтобы каждый гражданинъ содѣйствовалъ отправленію общественной службы, соотвѣтственно своему благосостоянію и своему общественному положенію, но чтобы степень его содѣйствія каждому отдѣльному роду службы была установлена отдѣльно, вмѣсто оплаты податей огуломъ“.—Изъ предъидущаго видно, что экономическія идеи Вермореля заключали въ себѣ болѣе элементовъ старой традиціи, чѣмъ идеи Мильера, и что сложная система договоровъ, страхованія, спеціализированныхъ налоговъ уступала по ясности тому принципу равенства правъ, пропорціональныхъ потребностямъ, и равенства обязанностей, пропорціональныхъ способностямъ,—принципу, который былъ выставленъ Мильеромъ.

Въ идеяхъ политическихъ мы видимъ, что всѣ три разсматриваемые представителя прессы ставятъ на первое мѣсто „свободу личности“ и стремятся придать ей столь безусловный характеръ, какъ только возможно, но совершенно неизбѣжно приходятъ къ ея ограниченію. Оставимъ въ сторонѣ Делеклюза, который въ этомъ отношеніи стоялъ чисто на точкѣ зрѣнія „единой и нераздѣльной республики“ конца XVIII-го вѣка. Мы видѣли, что Мильеръ и Верморель напирали на условіе равенства, какъ необходимое для того, чтобы свобода не сдѣла-

лась общественнымъ зломъ. Но свобода личности у Мильера имѣетъ еще иныя важныя ограниченія: „абсолютный принципъ суверенности народа“ и „диктатуру массъ“ въ эпоху революціи, такъ какъ „революція есть диктатура“ и „должна быть организована“. Отношеніе личной пропаганды къ массовому движенію въ исторіи Мильеръ устанавливаетъ такъ: „Новаторы должны формулировать доктрины; это ихъ миссія. Дѣло ихъ учениковъ—пропагандировать и вульгаризировать эти доктрины, придать имъ форму, въ которой общественное мнѣніе способно принять ихъ. Но лишь суверенный народъ можетъ приложить эти ученія... Народъ долженъ быть самъ орудіемъ своего счастія и знать, какъ его учредить“. Верморель видѣлъ въ прежнихъ проявленіяхъ свободы лишь „борьбу за власть“ и противополагалъ прежнимъ политическимъ программамъ программу дѣйствительнаго установленія свободы путемъ серьезныхъ гарантій и въ связи съ экономическимъ переворотомъ. Для него „первая обязанность правительствъ—содѣйствовать ограниченію и уменьшенію собственной власти, употреблять всѣ усилія къ освобожденію народовъ имъ довѣренныхъ; правительства должны приготовлять свое собственное отреченіе“. Довольно трудно объяснить, какъ Верморель могъ представить себѣ существующія правительства реально исполняющими эту „обязанность“, и легче понять другую фразу его, сюда относящуюся: „Мы не думаемъ, чтобы правительство могло дать свободу и справедливость; мы думаемъ напротивъ, что свобода и справедливость будутъ имѣть первымъ слѣдствіемъ устраненіе правительствъ, такихъ, по крайней мѣрѣ, которыя теперь организованы и дѣйствуютъ“. Тѣмъ не менѣе, говоря о введеніи равенства въ обществѣ и упоминая о тѣхъ „кто живетъ не работая“ а, слѣдовательно, „живетъ неизбѣжно на счетъ другихъ“, Верморель выражается такъ: „по этому ихъ надо принудить работать, чтобы они вернулись къ порядку и справедливости“. И далѣе, отрицая „насильственныя мѣ-

ры“ для установленія новаго экономическаго порядка, онъ говоритъ, что „свобода труда“ при существующихъ условіяхъ, когда къ ней придать еще „свободу капитала“, представляетъ лишь маску для „возмутительной эксплуатаціи работниковъ“; свобода труда возможна лишь тогда, когда „экономическая революція уже совершилась“. „Но именно эту революцію слѣдуетъ совершить“.

Наконецъ крайне интересно послушать наканунѣ Коммуны мнѣнія тѣхъ, которые должны были участвовать въ этомъ движеніи, по вопросу о централизаціи и федерализмѣ. Делеклюзъ, сторонникъ старой „единой и нераздѣльной республики“, хотя бы „соціально-демократической“, конечно — противникъ всякаго федерализма. По поводу Лозанскаго „Конгресса мира и свободы“ мы находимъ въ «Reveil» (№ 118) статью, за его подписью, противу федеральнаго начала за централизацію.—Мильеръ признаетъ два естественные элемента группировки личностей: коммуну и націю. Онъ признаетъ за коммунами право устраиваться самостоятельно. Націю онъ считаетъ группою, которую образуетъ исторія на основаніи естественно-географическихъ началъ. Онъ находитъ, что нисколько не обязательно для отдѣльно существующей части цѣлаго присоединяться къ этому цѣлому, обусловливаемому естественно-географическими границами, но когда разъ соединеніе произошло, часть не имѣетъ уже права отдѣляться отъ цѣлаго.—Верморель рѣшительно поднимаетъ знамя безусловнаго федерализма. «Новая формула возрожденнаго и преобразованнаго общества—говоритъ онъ, —будетъ федерація, свободная группировка гражданъ, по ихъ интересамъ и сходствамъ, закономъ для которой будетъ договоръ свободно обсужденный и на который изъявили отдѣльно согласіе всѣ къ нему приступившіе..... Экономическіе интересы составляютъ главную задачу федеральныхъ договоровъ.» Каждый договоръ, направленный къ опредѣленной, спеціализированной выгодѣ или цѣли, «не будетъ уже поглощать вполнѣ человѣка», въ него

вступающаго. «Всякая личность будетъ имѣть возможность принадлежать нѣсколькимъ группамъ и между этими различными группами могутъ, въ свою очередь, установиться договоры.»

Мы видимъ, что сущность задачъ соціализма и обособленіе его программы, довольно смутныя для Делеклюза и его приверженцевъ, уже въ значительной степени уяснились для Вермореля и Мильера, при чемъ одни вопросы были глубже и яснѣе поняты однимъ изъ нихъ, другіе—другимъ. Но оставалась практическая программа дѣйствія личностей и группъ въ виду яснаго распаденія имперіи, которая въ 1869 г. изъ авторитарной попыталась обратиться въ парламентарную, но путемъ плебисцита въ 1870 г. снова пришла къ отрицанію парламентаризма и, слѣдовательно, теряла всѣ свои опоры. Для Делеклюза, конечно, программа дѣйствія была всегда готова, такъ какъ это была программа старыхъ политическихъ революцій, которая, называясь теперь «соціально-демократической», нисколько въ его глазахъ не измѣняла своего характера. Но и тутъ надо было сдѣлать хотя первые шаги къ группировкѣ, къ организаціи единомышленниковъ, чтобы событія не застали демократію въ расплохъ. Конечно, литература въ этомъ могла оказать мало помощи, но слѣдующія событія показали, что кружокъ якобинцевъ, группировавшійся около Делеклюза, не сдѣлалъ никакихъ и другихъ серьезныхъ приготовленій къ очевидно-близкому будущему. — Соціалистамъ, какъ Верморелю или Мильеру, было настоятельно составить планъ дѣйствія, такъ какъ они очень хорошо знали, что ожидаемая ими революція, революція пролетаріата противъ экономическаго строя общества, не можетъ и не должна быть похожа на «борьбу за власть», которая характеризовала всѣ прежнія битвы во имя «свободы, равенства и братства». Но у Вермореля, по крайней мѣрѣ, котораго приходится признать за одного изъ весьма замѣтныхъ политическихъ мыслителей крайней группы,

нѣтъ слѣда какого либо практическаго плана дѣйствія. Въ своемъ «Parti socialiste» онъ говоритъ о революціи, какъ о какомъ то отдаленномъ результатѣ историческаго прогресса. «Мы ожидаемъ всего лишь отъ соглашенія въ мысли, которое одно дѣйствительно для совершенія настоящихъ реформъ. Эти реформы, когда онѣ созрѣютъ, совершатся путемъ нашихъ взаимныхъ усилій». Но что надо дѣлать соціалистамъ какъ личностямъ и какъ группамъ въ случаѣ паденія имперіи, которое Верморель не предвидѣть не могъ? На это мы не находимъ у него отвѣта.—Одинъ Мильеръ въ №№ 23, 29 и 30 «Марсельезы» набросилъ планъ организаціи той «революціонной диктатуры народа», которая входила въ его теоретическое построеніе. На случай успѣшнаго возстанія въ Парижѣ (какъ въ февралѣ 1848 г.) немедленно должно произойти народное собраніе на площади предъ ратушей. Оно учредитъ диктатуру въ Парижѣ по секціямъ и съ центральной коммиссіей въ ратушѣ, такъ какъ Парижъ въ этомъ случаѣ является «изліяніемъ (emanation) населенія всей Франціи.» Эта диктатура продолжается до тѣхъ поръ, пока такимъ же образомъ учредятся другія коммуны и потомъ народъ французскій устраивается какъ ему угодно. Но рядомъ съ политическимъ переворотомъ долженъ совершиться экономическій, однако такъ, чтобы не произошло остановки въ общественныхъ отправленіяхъ. Всѣ косвенные налоги отмѣняются. Всѣ работы продолжаются тѣми же лицами, которыя имѣли ихъ въ рукахъ въ минуту переворота. Если же руководители работъ пріостанавливаютъ ихъ, то производится экспропріація и работы продолжаются самими рабочими, при нихъ состоящими. Организуются склады фабрикуемыхъ продуктовъ и безобидная продажа ихъ потребителямъ. — Политическая агитація заняла въ «Марсельезѣ» въ это время (январь 1870 г.) столь значительное мѣсто, что дальнѣйшее развитіе этого плана Мильеромъ стало невозможно, а происшедшее вслѣдъ за

тѣмъ заключеніе его въ Мазасъ прекратило временно его литературную дѣятельность Особеннаго вліянія эти статьи, повидимому, не произвели; намъ неизвѣстно чтобы группа соціалистовъ, стоявшихъ около «Марсельезы», сдѣлала какія нибудь энергическія усилія къ организаціи заранѣе силъ, которыя пришлось бы пустить въ дѣло для осуществленія Мильеровой диктатуры народа . О приложеніи на практикѣ его революціоннаго плана 18 марта не было и рѣчи.

---

4. Сентябрьская Республика.

Такимъ образомъ рабочая партія была еще весьма недостаточно организована; начала Интернаціонала были еще весьма недостаточно усвоены большинствомъ даже руководящихъ личностей, приступившихъ къ нему во Франціи; самые убѣжденные соціалисты Интернаціонала были въ тюрьмѣ или внѣ Франціи; да они и расчитывали лишь на движеніе гораздо позднѣйшее, на то, что революція «можетъ выбрать свой часъ». Теоретики соціализма были разрознены: идолопоклонство предъ первой великой революціей было обще всѣмъ имъ; всѣ исходили изъ формулъ конца XVIII вѣка; большинство думало продолжать дѣло Конвента; иные не отличали даже новыхъ задачъ отъ задачъ эпохи эмансипаціи буржуазіи и относились враждебно къ экономическимъ требованіямъ Интернаціонала; другіе болѣе ясно понимали эти задачи, но не дѣлали ни шага къ выработкѣ плана для революціи, которая имѣла и должна была имѣть мѣсто совершенно независимо отъ всѣхъ программъ и желаній, вслѣдствіе самостоятельно-прогрессировавшаго разложенія имперіи; весьма немногіе составляли подобные планы, но не дѣ-

лали еще и шагу къ ихъ осуществленію. И всѣ эти люди, столь разнообразнаго развитія и направленія, столь различной подготовки, должны были быть вынесены волною событій во главу движенія и поставлены *вмѣстѣ* предъ грозною задачею построить коммуну самостоятельнаго пролетаріата, въ городѣ двухмилліоннаго населенія, съ блестящими буржуазными преданіями, съ блестящимъ развитіемъ разнородной буржуазной индустріи; и все это при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Война стала неминуема. Рабочіе Парижа писали рабочимъ Берлина: «Братья, мы протестуемъ противъ войны, мы, которые хотимъ мира, труда и свободы». Рабочіе Берлина отвѣчали: «Мы также хотимъ мира, труда и свободы. Мы знаемъ, что по обѣимъ сторонамъ Рейна живутъ братья, съ которыми мы готовы умереть за всемірную республику» (Liss. 16, Mal. 36 и слѣд.). Но слова были немощны, а рабочіе составляли неорганизованную силу и тамъ и тутъ. Война вспыхнула, арміи столкнулись и рядъ военныхъ неудачъ, обнаружившихъ полную неспособность и неподготовленность французскаго правительства, окончился неслыханною катастрофою. Патріотическое возбужденіе соединилось съ негодованіемъ противъ безсильнаго цезаризма, развратившаго націю и растратившаго ея силы. Когда извѣстіе о Седанѣ дошло въ Парижъ, имперія не имѣла ни одного защитника. Провозглашеніе республики произошло такъ спокойно и ординарно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыкновенномъ происшествіи. Спокойно обламывали батальоны національной гвардіи орловъ имперіи со своихъ знаменъ; спокойно отколачивали лавочники тѣхъ же орловъ съ вывѣсокъ. Полиція спряталась. Правительство исчезло. По выраженію циркуляра Генеральнаго совѣта Интернаціонала отъ 9 сентября (On the war, 7), «республика не низвергла трона, но заняла мѣсто, оставленное имъ пустымъ. Она была провозглашена не какъ соціальное завоеваніе, но какъ мѣра для національной борьбы.» Имперія раз-

сыпалась сама собою. Вопросъ поставленъ былъ такъ: Кто замѣнитъ ее? Кто *готовъ* для дѣла?

Соціалисты *не были готовы.* Рабочая организація не существовала, какъ организація боевая. Членъ редакціи самой крайней газеты, Артюръ Арну, говорилъ о 4 Сентябрѣ (I, 26): «Я еще разъ почувствовалъ, какъ опасно для партіи не имѣть организаціи. — Со времени переворота демократическая партія была совершенно дезорганизована. Ничто не связывало отдѣльные куски.— Существовали дѣятельные центры, энергическія личности; но не существовало общаго лозунга.» Одинъ изъ самыхъ энергическихъ демократовъ, Делеклюзъ, могъ только воскликнуть «съ отчаяніемъ», узнавъ о провозглашеніи новаго правительства: «Мы пропали» (Arn. I, 26).

Но либералы *были готовы.* У нихъ была ихъ рутинная программа. У нихъ были люди, имена которыхъ были извѣстны, какъ имена дѣятелей оппозиціи противъ имперіи. У нихъ были готовые пріемы. Они первые усѣлись въ ратушѣ, въ полицейской префектурѣ. Эмануэль Араго назначилъ брата мэромъ Парижа, бросивъ ему красный шарфъ: «На тебѣ, Этьенъ! ты—мэръ Парижа!» (Lefr. 60) Въ правленіи оказались: Жюль Фавръ, который въ 1848 году внесъ въ законъ о прессѣ мѣры, запрещающія нападки на начало собственности; Жюль Симонъ, который, въ книгѣ о «Свободѣ», утверждалъ, что «нищета всегда будетъ существовать» и возставалъ противъ тѣхъ, кто разсказывалъ бѣднякамъ о ихъ нищетѣ; однимъ изъ крайнихъ былъ Гамбетта, который еще 17 августа требовалъ въ законодательномъ собраніи быстраго наказанія участникамъ небольшаго народнаго движенія противъ правительства, имѣвшаго мѣсто въ La Villette 14 августа (Lefr. 55). Дѣйствительно, сторонники народа, демократы всѣхъ оттѣнковъ и группъ должны были признать, что власть принадлежитъ ихъ злѣйшимъ врагамъ. Циркуляръ Генеральнаго совѣта Интернаціонала, упомянутый уже выше, замѣчалъ (8), что «первыя дѣйствія» правительства

обороны «указываютъ, что оно унаслѣдовало отъ имперіи не только развалины, но и ея боязнь рабочаго сословія.»

Къ тому же вопросъ патріотизма, борьбы противу Пруссіи, господствовалъ надъ всѣмъ. Новые журналы, созданные представителями крайнихъ мнѣній (Піа сталъ издавать «Le Combat»; Бланки—«La Patrie en danger»; Делеклюзъ возобновилъ «Reveil», Верморель — «Courrier Français»), были поглощены вопросами войны или политическою критикою дѣйствій правительства. Освобожденные или возвратившіеся дѣятели рабочаго движенія придали энергическое развитіе секціямъ Интернаціонала въ Парижѣ, которымъ пособіемъ и постояннымъ центромъ служили еще народныя кухни (marmites), размножившіяся въ Парижѣ. Но и въ секціяхъ и въ народныхъ кухняхъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы войны и «сопротивленія до послѣднихъ силъ» (guerre à outrance) въ оппозицію буржуазіи, готовой къ примиренію. Затѣмъ все ярче выступало неудовольствіе противъ Трошю и правительства, все таки на почвѣ чисто политической. Росла партія недовольнаго пролетаріата, но въ ней группировались самые разнообразные элементы: рядомъ съ соціалистами Интернаціонала, тамъ были горячіе патріоты, ненавистники правительства и всѣхъ francs-fileurs; рядомъ съ политическими радикалами демократіи, идолопоклонниками 1793 года, тамъ были просто раздраженные голодомъ бѣдняки національной гвардіи, существовавшіе на поденную плату 1 ф. 50 с., выдаваемую имъ правительствомъ и оскорбленные состоятельными товарищами, которые называли ихъ презрительно «Les 30 sous». Принципіальные вопросы экономической борьбы не поднимались вовсе или составляли столь неважный элементъ преній, что на собранія секціи Интернаціонала шли безразлично всѣ недовольные, даже совершенно чуждые соціальной борьбѣ. Вслѣдствіе того, что зала засѣданій Федеральнаго совѣта парижскаго Интернаціонала была въ то же время залою засѣданій Центральнаго республиканскаго комитета 20

округовъ Парижа и многія лица были членами того и другого собранія, въ общественномъ мнѣніи (а часто и въ мнѣніи участниковъ) произошло смѣшеніе между цѣлями и дѣятельностью этихъ двухъ различныхъ элементовъ, и патріотическій, политическій элементъ послѣдняго, вслѣдствіе условій среды, господствовалъ. Во имя патріотическихъ мотивовъ росла въ «Reveil», въ «Patrie en danger», въ «Combat» рѣзкая оппозиція противъ правительства, которое готовы были прежде поддерживать эти журналы вслѣдъ за провозглашеніемъ республики. Во имя патріотическихъ мотивовъ росло неудовольствіе противъ этого правительства въ Парижѣ; но этотъ самый мотивъ далъ и «правительству обороны» не разъ оружіе противу оппозиціи; напримѣръ тогда, когда была разорвана во многихъ мѣстахъ Парижа красная афиша «Предложенія Правительству», требовавшая энергическихъ мѣръ защиты и подписанная многими членами Интернаціонала и будущими членами Коммуны (Mal. 41); когда не удалась первая попытка Флуранса поднять народъ 8 октября во имя «войны до послѣднихъ силъ» и коммунальнаго устройства Парижа; когда, наконецъ, контора журнала «Combat» была разгорена толпою, послѣ того какъ Піа 27 октября объявилъ о сдачѣ Меца Базеномъ, а правительство оффиціально опровергло «измѣнника» и предало его «общественному негодованію», между тѣмъ какъ оно отлично знало, что извѣстіе вѣрно и чрезъ 2 дня должно было само обнародовать его. Патріотическое негодованіе было мотивомъ и самаго крупнаго движенія этого періода, именно движенія 31 октября, когда извѣстія о сдачѣ Меца, о потерѣ Буржэ и о томъ, что Тьеръ ведетъ переговоры о перемиріи, одновременно подорвали всякое довѣріе къ правительству. «Населеніе Парижа — признавался въ послѣдствіи Жюль Ферри (Enq. 4 Sept., I, 395)—было намъ вполнѣ враждебно сверху до низу, и всѣ находили, что мы стоили, чтобы насъ низвергли». Дѣйствительно, взрывъ удался и,

при равнодушіи большинства національной гвардіи, въ Ратушѣ совершился на нѣсколько часовъ переворотъ. Но опять таки эта самая минута побѣды должна была служить доказательствомъ, какъ безпомощна самая энергическая и искренняя оппозиція, когда она представляетъ коалицію разнообразныхъ направленій, а не одно цѣлое, соединенное общими принципами.

Знаменательный фактъ этого внутренняго разлада проявился уже нѣсколько ранѣе, вслѣдъ за неудачею 8-го октября. Интернаціоналъ и рабочая федерація, какъ было сказано, отдали залу своихъ засѣданій (въ La Corderie) Центральному комитету 20 округовъ, но оставались внѣ всякой дѣятельности этого комитета. Лефрансэ внесъ предложеніе, чтобы коммиссія Интернаціонала и рабочей федераціи «взяла на себя руководство политическимъ движеніемъ, исходъ котораго можно было уже предвидѣть». Онъ находилъ необходимымъ, чтобы «общество, программа котораго была извѣстна и республиканскіе принципы котораго не подлежали сомнѣнію ни для кого, стало руководителемъ движенія, чтобы замѣнить инициативою коллективностей и идей, инициативу личностей жаждущихъ власти, но вообще лишенныхъ всякаго новаго политическаго и экономическаго пониманія». Пора— говорилъ онъ — чтобы «революція совершилась отъ народа и анонимно, чтобы подавить личныя и болѣзненныя честолюбія. Лишь Интернаціоналъ и Рабочая федерація способны осуществить соціальную революцію, которую обозначитъ провозглашеніе коммуны, дѣлающееся все болѣе вѣроятнымъ.» — Но коммиссія слишкомъ хорошо помнила, можетъ быть, что упомянутый выше циркуляръ Генеральнаго совѣта отъ 9 сентября, обращаясь къ французскимъ рабочимъ, говорилъ („On the war“ 8): „Была бы отчаяннымъ безумiемъ всякая попытка низвергнуть новое правительство во время настоящаго кризиса... Французскіе рабочіе должны исполнить свою обязанность, какъ граждане, но въ то же время они не

должны позволить увлечь себя національнымъ воспоминаніямъ 1792 г... Имъ должно не припоминать прошедшее, но строить будущее. Они должны спокойно и рѣшительно воспользоваться выгодами республиканской свободы для своей собственной организаціи. Она дастъ имъ геркулесовскую силу для возрожденія Франціи и для нашего общаго дѣла—для эмансипаціи труда." На предложеніе Лефрансэ коммиссія «почти единогласно объявила, что Интернаціоналу и рабочимъ синдикальнымъ камерамъ не слѣдуетъ прямо вмѣшиваться въ событія еще слишкомъ невѣрныя, и въ которыхъ эти общества рискуютъ компрометировать свое существованіе; что онѣ имѣютъ въ виду заниматься исключительно соціально-экономическими реформами и, какъ группы, Интернаціоналъ и федерація должны тщательно воздерживаться отъ чисто-политической дѣятельности. Каждый членъ сохраняетъ право участвовать индивидуально въ этой дѣятельности въ той мѣрѣ, какъ найдетъ нужнымъ.» Напрасно Лефрансэ и его единомышленники возражали, что нельзя «разрѣзать общественную жизнь» и освобождать рабочихъ независимо отъ политическихъ формъ; что «соціализмъ долженъ быть политикою, опирающеюся въ своей сущности на отрицаніе монархической идеи»; рѣшеніе было принято и всѣ вліятельные члены Интернаціонала поддержали его (Lefr. 20—21). Французскій Интернаціоналъ, который, какъ мы видѣли, давно уже скользилъ неизбѣжно по направленію къ политической агитаціи, тѣмъ не менѣе не рѣшался выработать самостоятельную политическую программу на основаніи своихъ экономическихъ положеній, и, какъ группа, признавалъ себя несостоятельнымъ предъ наличными задачами, такъ какъ онѣ не имѣлись въ виду при его основаніи. Само собою разумѣется, что этотъ недостатокъ новой программы давалъ полную свободу заявленію старыхъ рутинныхъ программъ, а также проявленію тѣхъ «лич-

ныхъ и болѣзненныхъ честолюбій», о которыхъ говорилъ Лефрансэ.

Когда 31 октября правительство было низвергнуто, не было опять таки готовой организованной силы въ радикальной демократіи—а тѣмъ менѣе въ средѣ соціалистическихъ группъ,—чтобы немедленно овладѣть колеблющеюся массою. Провозглашена была коммуна. Провозглашена была коммиссія для производства немедленныхъ выборовъ въ коммуну. Эти выборы должны были совершиться въ 48 часовъ, но въ продолженіи этихъ 48 часовъ надо было жить и дѣйствовать, а неорганизованное, и вызванное случайностью движеніе не могло не дать печальныхъ результатовъ. «За недостаткомъ предварительнаго соглашенія—пишетъ Лефрансэ (96)—многіе списки (провозглашаемой коммиссіи), прочитанные въ разныхъ мѣстахъ ратуши, были распространены въ городѣ и это начало въ самомъ дѣлѣ смущать умы, привыкшіе въ подобныхъ случаяхъ къ большему единству. Къ довершенію разстройства, одна группа, допуская парижскую коммуну, понимала дѣло такъ, что личности, которымъ поручено было организовать ея избраніе, сохранили бы политическую власть вмѣсто тѣхъ, которыхъ только что низвергли.» «Если бы эта коммиссія,—пишетъ Лиссагарэ (31)—немедленно захватила власть, очистила и охранила ратушу, издала бы прокламацію, этотъ день былъ бы рѣшителенъ и благотворенъ.» «Добрые граждане — восклицаетъ Арну (I, 54) — которые сдѣлали попытку этого движенія, имѣли на своей сторонѣ право и истину; если бы движеніе удалось, республика и Франція были бы, вѣроятно, спасены. Вслѣдствіе отсутствія плана и предварительнаго соглашенія... движеніе неудалось.» Ему довольно трудно было удаться при подобныхъ условіяхъ, когда не было соглашенія ни въ томъ, кого избрать на мѣсто сверженнаго правительства, ни въ томъ, какой смыслъ будетъ имѣть избранная коммиссія, ни даже въ томъ, захотятъ ли личности, вынесенныя случайнымъ

голосованіемъ на такое неопредѣленное и трудное положеніе, взять на себя отвѣтственность за него. Списки этой коммиссіи у Лефрансэ (26) и Лиссагарэ (31) различны, но остается фактомъ, что многіе изъ избранныхъ отказались занять это положеніе. Тогда явился Флурансъ «человѣкъ преданный своимъ убѣжденіямъ до готовности умереть за нихъ, но способный довести людей до отчаянья наклонностью ставить свою личность выше всего.» (d'une désespérante personnalité; Lefr. 27). «Комитетъ общественнаго спасенія», созданный подъ его вліяніемъ, весьма легко замѣнилъ неосуществившуюся коммиссію; но, послѣ этого, отсутствіе самыхъ элементарныхъ мѣръ охраненія новаго порядка и внутренній раздоръ между приверженцами комитета и тѣми, которые видѣли въ немъ лишь «замѣну одной диктатуры другою» (Lefr. 27; Liss. 31), повели къ столь же легкому торжеству только что низверженнаго правительства; его «патріотически» поддержали нѣкоторые баталіоны національной гвардіи въ виду національнаго врага, тогда какъ тотъ же мотивъ «патріотизма» только что побудилъ другіе баталіоны его низвергнуть. Были и такія войска (какъ бывшія подъ начальствомъ прудониста Ланглуа), которыя пришли утромъ къ ратушѣ на помощь возстанію, а вечеромъ уже были противъ него, испугавшись имени Бланки въ комитетѣ общественнаго спасенія (Lefr. 100). «Отсутствіе всякаго руководства со стороны Интернаціонала, а также нелѣпое или разсчетливое отвращеніе, внушаемое именемъ Бланки —пишетъ Лефрансэ—были главными причинами неудачи 31 октября.» «Безпорядочность, отсутствіе дисциплины патріотовъ—говоритъ Лиссагарэ (34)—возвратили правительству его сентябрьскую дѣвственность.» Оно, конечно, нарушило всѣ обѣщанія, сдѣланныя въ трудную минуту, произвело аресты и назначило судъ надъ инсургентами, затѣмъ обратилось къ бонапартистскому пріему, къ плебисциту, чтобы оградить себя именемъ народа. 300.000 избирателей воздержались отъ голосованья (Lefr. 103).

Въ числѣ 320.000 голосовъ, поданныхъ за правительство, было болѣе 200.000 человѣкъ арміи, моряковъ и мобилей. Болѣе 60.000 голосовъ (изъ нихъ 2.000 войсковыхъ) подано было противъ правительства. [1]) — «Какимъ образомъ —пишетъ Лиссагарэ (34)—эти 60.000 человѣкъ, ясно видѣвшихъ положеніе, быстрыхъ и энергическихъ, не могли управлять общественнымъ мнѣніемъ? Потому, что у нихъ не было кадровъ, послѣдовательности, организаторовъ. Горячка осады не внесла дисциплины въ революціонную партію, столь спутанную за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, а патріархи 1848 года не годны были для этого. Якобинцы, какъ Делеклюзъ и Бланки, вмѣсто того, чтобы волновать народную среду, жили въ исключительномъ кружкѣ друзей. Феликсъ Піа, шатаясь между вѣрной идеей и своей литературной эпилепсіей, становился практичнымъ [2]) лишь тогда, когда дѣло шло о собственной безопасности. Другіе: Ледрю-Ролленъ, Луи-Бланъ, Шельшеръ и т. д.—надежды республиканцевъ во время имперіи,—возвратились изъ изгнанія пустоголовыми, разбитыми на ноги, разъѣденными тщеславіемъ и эгоизмомъ; у нихъ не было ни мужества, ни патріотизма; они презирали соціалистовъ. Фаты якобинизма, называвшіе себя радикалами—Флокэ, Клемансо, Бриссонъ и другіе демократическіе интриганы—тщательно держали рабочихъ на приличномъ разстояніи. Даже монтаньяры держались особнякомъ, не ходили въ Центральный комитетъ 20 округовъ, комитетъ, которому недоставало, чтобы

---

[1]) Числа Лефрансэ (105) и Лиссагарэ (34) не совпадаютъ. Я слѣдую Лиссагарэ, какъ располагавшему болѣе обширнымъ матеріаломъ.

[2]) «Онъ предлагалъ почетное ружье тому, кто убьетъ короля прусскаго и поддерживалъ изобрѣтеніе греческаго огня, который долженъ былъ сжарить нѣмецкую армію».

(Прим. Лиссагарэ).

сдѣлаться силою, и методической дѣятельности и политической опытности Онъ всегда былъ лишь центромъ впечатлѣній, но не руководящимъ центромъ.» Можетъ быть этотъ отзывъ слишкомъ рѣзокъ въ частностяхъ, но онъ характеризуетъ, какъ нѣкоторые энергическіе и преданные люди партіи оцѣнивали тогда и оцѣниваютъ теперь положеніе дѣлъ и значеніе личностей.

Между тѣмъ недостатокъ припасовъ дѣлалъ свое дѣло и въ то время, какъ Ренаны, Теофилы Готье, Гонкуры и подобные имъ господа, обѣдая у Бребана «не замѣчали, что они обѣдаютъ въ осажденномъ городѣ, имѣющемъ два милліона жителей» (они впослѣдствіи поднесли по этому поводу Бребану золотую медаль съ приличною надписью. Radical 21 Mars 1872),—$^3/_4$ населенія Парижа существовало лишь помощью общественной или частной благотворительности (Arn. I, 52). Между тѣмъ правительство, принужденное возстаніемъ прекратить переговоры о перемиріи, сѣяло раздоръ между регулярною арміею и національною гвардіею—les 30 sous! les guerre à outrance! — Оно приготовляло себѣ пособниковъ для будущаго столкновенія.

Что касается до развитія соціально-революціонной партіи, неудача 31 октября ничего не измѣнила. При насущныхъ заботахъ осаднаго положенія самое существенное дѣло для соціалистовъ,— организація партіи и выработка практической программы дѣйствія — не подвигалось впередъ ни на шагъ. Всѣ попытки въ этомъ отношеніи были неудачны. Въ январѣ 1871 г. Франкель говорилъ въ засѣданіи Интернаціонала: «Намъ нуженъ органъ, который излагалъ бы ясно наши идеи! Какъ вы хотите, чтобы научался рабочій, который ничего не знаетъ? Ему говорятъ теперь о коммунѣ; это слово пугаетъ его, онъ не знаетъ, что̀ это такое. Со времени республики, мы ничего не сдѣлали!» (Enq. 18 Mars, III, 215). Вопросъ о журналѣ сѣялъ раздоры въ Интернаціоналѣ именно потому, что теперь Федеральный совѣтъ заключалъ въ

себѣ самые энергическіе и дѣятельные элементы борьбы, а уже не наилучше выработанныхъ соціалистовъ. Весьма многіе желали, чтобы Федеральный совѣтъ взялъ органомъ уже готовый журналъ (Lutte à outrance), который защищалъ бы интересы пролетаріата и велъ бы полемику съ противниками. Варленъ доказывалъ, что «это — журналъ, спеціально имѣющій въ виду борьбу и политику. Федеральный совѣтъ хочетъ имѣть вполнѣ *свой* журналъ, который принадлежалъ бы исключительно ему, распространялъ бы идеи ассоціаціи и редакція котораго была бы въ рукахъ Федеральнаго совѣта» (тамъ же, 212). Но основанію подобнаго журнала представлялись матеріальныя затрудненія. Малонъ сталъ издавать въ Батиньоляхъ «La République des Travailleurs», при содѣйствіи Андрэ Лео, но Интернаціоналъ долженъ былъ признать, что этотъ журналъ «сбился съ пути» (тамъ же, 216) и высказать ему порицаніе (217) такъ какъ это былъ журналъ не для рабочихъ. Въ засѣданіяхъ предлагались частныя мѣры, которыя не могли имѣть существеннаго значенія, и на предложеніе которыхъ Варленъ отвѣчалъ: «единственное лекарство было бы — сдѣлаться могучимъ политическимъ организмомъ и дѣйствовать самимъ». Требовали манифеста, который «ясно поддерживалъ бы вопросъ объ общественной ликвидаціи». Требовали чтобы «Интернаціоналъ завоевалъ себѣ почву путемъ политики». Обвиняли его въ бездѣйствіи: «Интернаціоналъ дурно понялъ свою роль; рабочіе должны были захватить власть 4 сентября; надо это сдѣлать теперь. Если бы съ перваго дня Интернаціоналъ шелъ прямо своимъ путемъ, все вышло бы иначе, особенно 31 октября. Теперь все дезорганизовано, и между тѣмъ Интернаціоналъ долженъ понять, что въ настоящую минуту самое существованіе его поставлено на карту. Онъ убилъ бы правительство, если бы его органъ указывалъ публикѣ ошибки правительства по мѣрѣ того, какъ онѣ дѣлались; его журналъ былъ бы исключительно въ рукахъ нашего класса.» Франкель

предложилъ манифестъ, но это была, по словамъ Варлена, «статья, а не манифестъ»; другіе нашли, что онъ «не соотвѣтствовалъ требованію минуты»; (тамъ же 217—219). Не было средствъ; не было силъ; не было единства.

Между тѣмъ раздраженіе противъ правительства росло и достигло высшей степени послѣ бойни національной гвардіи при Бюзенвалѣ 19 января 1871 г. Рѣшились на новую попытку возстанія. « Alliance républicaine » [1])— общество, соединявшее столь разнообразные элементы, какъ Ледрю-Ролленъ, Делеклюзъ и Артюръ Арну изъ «Марсельезы» — выпустило прокламацію, гдѣ требовало перемѣны правительства и выбора Парижемъ верховнаго собранія изъ 200 человѣкъ (Arn. I, 70). Вечеромъ 21-го января въ секціяхъ Интернаціонала раздался призывъ къ оружію на другой день утромъ. Но 22 января утромъ распространилось извѣстіе объ отрѣченіи Трошю и о томъ, что Флурансъ освобожденъ инсургентами изъ Мазаса (куда онъ былъ посаженъ за дѣло 31 октября). Первое извѣстіе успокоило раздраженныхъ патріотовъ, второе испугало буржуа, которые сначала готовы были идти на зовъ «патріарховъ 1848 года». Неособенно хорошо организованное движеніе 22 января этимъ еще болѣе лишилось цѣлости и потеряло въ размѣрахъ. Немногіе отряды національной гвардіи, явившіеся на площадь Ратуши, были встрѣчены, *безъ предупрежденія*, [2]) выстрѣлами заранѣе собранныхъ мобилей. Неудача была полная. Делеклюзъ, наблюдавшій за движеніемъ изъ сосѣдняго дома въ улицѣ Риволи, могъ только «блѣдный, дрожащій,

---

[1]) Лефрансэ (112) приписываетъ одинаковую дѣятельность нѣсколькимъ обществамъ, тогда существовавшимъ, но я придерживаюсь разсказа Арну, который, какъ позднѣйшій писатель, имѣлъ предъ собою свидѣтельства другихъ.

[2]) Свидѣтельство Арну, относящееся къ этому факту, я могу подтвердить личнымъ свидѣтельствомъ.

безъ силъ и безъ голоса, закрыть лицо руками». (Arn. I, 70). Для него это было неожиданно. Инсургенты опять *не были готовы.*

Делеклюзъ былъ арестованъ. «Le Combat» и «le Réveil» были запрещены. Журналы, на которые разсчитывалъ Интернаціоналъ, должны были прекратиться по недостатку денегъ. Капитуляція Парижа вызвала всеобщій упадокъ духа. Не было средствъ даже издать брошюру о 22 январѣ. «Народъ не поддержитъ насъ», говорили 26 января въ засѣданіи Федеральнаго совѣта. «Слова делегатовъ— возражалъ Франкель — выказываютъ безнадежность. Положеніе такъ серьезно, что оно смутило бы всякаго: дѣлая пропаганду, мы снова привлечемъ къ себѣ народъ.» Въ то время какъ Варленъ указывалъ на необходимость реорганизовать парижскій Интернаціоналъ, какъ на единственное средство усилиться, другіе же говорили о томъ, что надо готовиться къ событіямъ, которыя могутъ сдѣлаться благопріятными, раздавались въ Федеральномъ совѣтѣ и такіе голоса: «Республика въ опасности; мы должны соединиться съ республиканцами для ея защиты.»

Чрезъ два дня, 28 января, капитуляція Парижа была подписана, и 8 февраля Парижъ приступилъ къ выборамъ въ фатальное Бордосское собраніе. Не смотря на прежнее сдержанное отношеніе къ политикѣ, парижскій Интернаціоналъ рѣшился этотъ разъ участвовать въ выборахъ, какъ цѣлое. Между «слишкомъ многочисленными списками» (Lefr. 119) кандидатовъ, выставленными республиканской партіей — многочисленность этихъ списковъ «объясняла безсиліе этой партіи во время осады» (Liss. 52) —появился списокъ, представлявшій сообща кандидатовъ Интернаціонала, Федеральной камеры рабочихъ обществъ и Комитета 20 округовъ. Въ программѣ, сопровождавшей списокъ, было сказано: «Надо, чтобы рабочіе были между людьми власти... Это—списокъ кандидатовъ, представленныхъ во имя новаго міра, партіею обездоленныхъ.... Франція устраивается заново; рабочіе имѣютъ право

искать и занять свое мѣсто въ готовящемся строѣ. Соціально-революціонныя кандидатуры означаютъ: отрицаніе чьего бы то ни было права считать республику спорнымъ вопросомъ; утвержденіе необходимости политическаго господства для рабочихъ; паденіе правительственной олигархіи и промышленнаго феодализма» (Liss. 53). «Внѣ нѣсколькихъ именъ, знакомыхъ обществу — пишетъ Лиссагарэ... — эти соціалистическіе кандидаты были извѣстны лишь въ народѣ: механики, сапожники, работники по желѣзу, портные, столяры, повара, чернодеревцы, рѣзчики.» Изъ этого списка прошло только 5: 2 рабочихъ — Толэнъ и Малонъ, а затѣмъ Гарибальди, Піа, Гамбонъ. «Люди 48-го года,—пишетъ Лиссагарэ — отвергли Бланки, но внесли въ свой списокъ нѣсколько членовъ Интернаціонала, чтобы воспользоваться его именемъ.» Одинъ списокъ заключалъ имя Либкнехта. Во главѣ парижскихъ кандидатовъ прошелъ съ огромнымъ большинствомъ Луи-Бланъ, «бывшій бабой во время осады», — пишетъ рѣзко Лиссагарэ. «Буржуазія, вотировавшая въ пользу его—говоритъ Арну (I, 84),—выказала этотъ разъ нѣкоторый политическій смыслъ и доказала, что вѣрно оцѣнивала характеръ.—Луи-Бланъ долженъ былъ оправдать ея довѣріе.»—Насколько слабо было вліяніе радикаловъ, видно изъ того, что въ Парижѣ прошелъ и Жюль Фавръ, противъ котораго въ самый день выборовъ Мильеръ обнародовалъ страшное обличеніе его прошлаго.

Теперь, когда военныя заботы кончились, ослабѣвшая и разстроенная партія соціалистовъ могла заняться своимъ устройствомъ. На засѣданіи 15 февраля въ Федеральномъ совѣтѣ Интернаціонала поставленъ былъ на очередь вопросъ о его реорганизаціи. «У насъ есть сила нравственная, если не во Франціи, то въ Парижѣ: намъ недостаетъ силы матеріальной вслѣдствіе недостатка организаціи. Многіе члены не понимаютъ цѣли ассоціаціи... Намъ нужно мужественную организацію, дисциплинированныя секціи... преданныя идеѣ Интернаціонала,

полныя жизни, чуждыя утомленія и уклончивости. При этихъ условіяхъ Интернаціоналъ будетъ готовъ и крѣпокъ въ день дѣйствія, какъ бы неожиданно ни насталъ этотъ день.» «Интернаціоналъ—говорилъ Тэйсъ—долженъ сдѣлаться самимъ общественнымъ правительствомъ будущаго. Теперь трудно составляются рабочія общества; рабочія секціи фатально поглощены ежедневной борьбой за заработную плату.» Онъ предложилъ совѣту составить коммиссію, которая бы произвела изслѣдованіе въ каждой секціи Интернаціонала, дала бы отчетъ Совѣту, «внушила бы секціямъ мысль Федеральнаго Совѣта», чтобы черезъ секціи Совѣтъ вліялъ на общественное мнѣніе и «смѣло шелъ къ будущему». Предложеніе было принято единогласно. Въ томъ же засѣданіи Сералье обвинялъ не секціи, а Парижскій Федеральный Совѣтъ. «Въ Лондонѣ — говорилъ онъ — Интернаціоналъ есть политическая сила перваго разряда. Пусть вспыхнетъ соціалистическое движеніе: Интернаціоналъ готовъ въ Англіи. Но такъ ли оно во Франціи?» Очень скоро обстоятельства показали, что и въ Англіи оно былъ совсѣмъ *не такъ*. — Новая организація шла не довольно скоро. На это особенно напиралъ Франкель, требуя настоятельно учрежденія органа Интернаціонала въ прессѣ и обсужденія новыхъ статутовъ. Но, рядомъ съ этимъ, чуждые элементы, вкравшіеся въ Интернаціоналъ въ смутное время осады, заявляли свое существованіе. Одни требовали, чтобы члены Интернаціонала непремѣнно принадлежали къ обществамъ сопротивленія своего ремесла, хотя бы духъ этихъ обществъ «въ политическомъ и соціальномъ отношеніи» не соотвѣтствовалъ принципамъ Ассоціаціи. Другіе настаивали на политическихъ демонстраціяхъ въ пользу республики. Франкель возражалъ 22 февраля: «Хотя я лично очень симпатизирую манифестаціи, тѣмъ не менѣе отвергаю ея важность при современныхъ обстоятельствахъ. Намъ необходимо заниматься изученіемъ вопросовъ и организаціей... Мы должны углубиться въ

спеціальные вопросы найма квартиръ и всеобщей безработицы. Секціи должны участвовать въ этой работѣ у себя и совершить ее быстро. Необходимо согласить всѣ наши мысли, всѣ наши оцѣнки и ихъ резюмировать въ заявленіи, порученномъ Малону и Толену, которые засѣдаютъ въ Собраніи и должны дать услышать тамъ волю работниковъ. Я предлагаю, чтобы отвергли всякое обсужденіе о манифестаціи переходомъ къ очередному порядку.» Его предложеніе было принято.—Въ данномъ случаѣ онъ былъ, вѣроятно, правъ, но ходъ этихъ преній выказалъ снова существенный недостатокъ Интернаціонала въ 1871 г., недостатокъ, за который такъ дорого пришлось поплатиться его сторонникамъ во время Коммуны. Интернаціоналу представляли дилемму: или участвовать въ политическихъ явленіяхъ, какъ ихъ вырабатывали существующія политическія партіи, *ему чуждыя*, или совсѣмъ воздерживаться отъ участія въ политическихъ событіяхъ, которыя тѣмъ не менѣе шли своимъ чередомъ и вліяли на него, на рабочее движеніе и на положеніе соціалистовъ вообще. Но былъ третій путь: выработать политическій планъ дѣйствія на основаніи принциповъ рабочаго соціализма, привлечь къ своей программѣ дѣйствія рабочія массы, еще не проникнутыя принципами Интернаціонала, и готовиться всѣми силами при удобныхъ обстоятельствахъ осуществить этотъ планъ Этого пути, по видимому, не имѣли въ виду, такъ какъ Интернаціоналъ до тѣхъ поръ, какъ коллективное цѣлое, былъ связанъ лишь экономическими задачами. Примыкать къ чужимъ политическимъ программамъ было, дѣйствительно, вредно для соціалистовъ, и потому они, какъ цѣлое, сами отказывались отъ существованія въ формѣ политической силы, а, какъ единицы, участвовали въ попыткахъ осуществить *чужія* программы.

5. Канунъ взрыва.

Между тѣмъ обстоятельства усложнялись и выработали новую силу, которая еще не принадлежала ни одной изъ существующихъ политическихъ партій.

Обстоятельства усложнялись, потому что Бордосское собраніе —«въ которомъ — по словамъ Арт. Арну (I, 86) —низость и неспособность входили въ дозахъ столь значительныхъ, что было бы оскорбленіемъ для гнилаго сената при Тиберіѣ и для парламента «охвостня» Англіи, если бы ихъ сравнили съ этимъ собраніемъ,» — какъ будто нарочно употребляло всѣ усилія чтобы раздражать почти всѣ классы населенія Парижа, а въ то же время присутствіе большей части офиціальныхъ и вліятельныхъ личностей въ Бордо оставило Парижъ почти совсѣмъ внѣ офиціальнаго вліянія. «Парижъ не имѣлъ болѣе правительства—говоритъ Арг. Арну (I, 91 и слѣд.).— Люди ратуши уѣхали въ Бордо; войско внушало мало уваженія и было обезоружено (вслѣдствіе капитуляціи); генералы были вообще презираемы. На улицахъ не было полиціи. Никто не былъ на столько популяренъ, чтобы его слушали.—Мы имѣли лишь анонимное правительство, представителемъ котораго былъ M. Tout-le-Monde..... Былъ правда гдѣ-то генералъ-декабристъ, котораго звали Винуа, но у него не было ни нравственнаго ни матеріальнаго вліянія и никто имъ не занимался... На улицахъ выкрикивали журналы и брошюры; на всѣхъ стѣнахъ наклеивали сенсаціонныя статьи, ежедневныя каррикатуры..... Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль Парижъ пользовался полною, безусловною независимосью, которой онъ никогда не зналъ.» Въ этомъ Парижѣ, только что пережившемъ горячку осады, лишенномъ еще правиль-

ныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, *) ожидавшемъ каждую минуту вступленія враговъ и въ то же время оставленномъ внезапно на произволъ случайныхъ увлеченій и вліяній, получались изъ Бордо извѣстія самыя оскорбительныя или враждебныя интересамъ большинства. Патріоты были возмущены позорными условіями мира и капитуляціи, оскорбленіемъ Гарибальди, отсутствіемъ всякаго патріотизма въ «Assemblée des ruraux». Тщеславіе парижанъ было оскорблено перенесеніемъ мѣстопребыванія правительства въ Версаль, рядомъ враждебныхъ Парижу статей въ правительственныхъ журналахъ, не исключая «l'Officiel». Вся мелкая буржуазія Парижа была затронута въ самыхъ насущныхъ интересахъ распоряженіемъ 11 марта, что всѣ векселя, срокъ которыхъ истекалъ 13 ноября 1870 года, должны быть уплачены 13 марта 1871 г. (т. е. чрезъ два дня послѣ распоряженія, и это въ городѣ,—гдѣ дѣла едва возобновились). Въ то же время собраніе отказывалось придти на помощь квартирнымъ жильцамъ (отъ 200 до 300.000 человѣкъ по Liss., 83), которые не уплатили, да и не могли еще уплатить домохозяевамъ за послѣдніе мѣсяцы. Національная гвардія тоже была предметомъ разныхъ «мѣръ». Выдачу 1 ф. 50 с. рѣшено продолжать лишь тѣмъ, кто объ этомъ будетъ просить. Въ то же самое время, вмѣсто Клемана Тома, — слишкомъ извѣстнаго и ненавистнаго рабочимъ Парижа еще съ 1848 г., теперь подавшаго въ отставку — начальникомъ національной гвардіи назначенъ былъ бонапартистъ, генералъ Орэль де Паладинъ, игравшій весьма незавидную роль во время защиты республиканской Франціи отъ Пруссаковъ. Это было оскорбленіе, нанесенное національной гвардіи Парижа въ то самое время, когда, по словамъ Арт. Арну (I, 21), «Парижъ, со времени капитуляціи, принадлежалъ въ дѣйствитель-

*) Контора Ротшильда отказывалась получать по телеграммамъ деньги изъ столицъ Европы.

ности національной твардіи, которая сдѣлалась единственнымъ господиномъ положенія».—Но мало того, что самое положеніе національной гвардіи ставило ее въ эту минуту распорядительницею судебъ Парижа. Она еще выработала въ своей средѣ въ это самое время организацію, которая создавала изъ нея весьма крупную силу.

Мысль федераціи баталіоновъ національной гвардіи вышла изъ консервативнаго лагеря. По поводу мелкаго вопроса объ уплатѣ доли жалованія произошло въ ноябрѣ 1870 г. въ Пале-Роялѣ собраніе знаменщиковъ разныхъ баталіоновъ, въ которомъ предсѣдателемъ и главными ораторами были самыя консервативныя личности. Дѣло не имѣло ни значенія, ни успѣха, но нѣкто Вриньо выработалъ по этому поводу проэктъ федеративной организаціи національной гвардіи. Въ эпоху февральскихъ выборовъ онъ былъ редакторомъ консервативной газеты «Le Bien Public», вздумалъ употребить эту организацію въ видахъ выборной агитаціи и сталъ проповѣдовать ее въ своей газетѣ. Произошли собранія. Но демократическій элементъ тоже воспользовался этой идеей и создалъ прямо оппозиціонную правительству федерацію съ *Центральнымъ комитетомъ*, который долженъ былъ играть столь видную роль въ исторіи этой эпохи (Homm. et Ch. d. l. Comm. 5 - 7). Подъ вліяніемъ минуты консервативная федерація была поглощена демократической организаціей и первымъ проявленіемъ существованія организаціи была громадная демонстрація въ пользу республики на площади Бастиліи. Въ слѣдующіе дни эта демонстрація повторялась все усиливаясь. Батальоны шли съ музыкой и со знаменами мимо колонны, бросая вѣнки иммортелей на рѣшетку и на пьедесталъ. Жгучія рѣчи произносились съ бронзовыхъ ступеней, и на нихъ отвѣчали крики: «да здравствуетъ республика!» Въ рукахъ генія на верху колонны развѣвалось впервые послѣ 1848 года красное знамя. Нѣсколько ниже висѣла доска, на которой было написано громадными буквами: «да здравствуетъ всемір-

ная республика» (Liss. 72; Arn. I, 94). Между тѣмъ коммиссія національной гвардіи выработала уставъ Центральнаго комитета. Она была внѣ всѣхъ партій. «Ни одного извѣстнаго имени — пишетъ Лиссагарэ (70). — Это — мелкіе буржуа, лавочники, чуждые замкнутымъ кружкамъ, большею частью до тѣхъ поръ чуждые и политикѣ». Съ самаго начала федерація рѣшилась протестовать противъ мысли о разоруженіи національной гвардіи. На другой день послѣ учрежденія федераціи Клеманъ Тома подалъ въ отставку. Въ слѣдующихъ собраніяхъ мы видимъ уже присутствіе Варлена. По его предложенію, въ самую годовщину февральской республики, въ день начала демонстрацій на площади Бастиліи, собраніе вотировало: «въ настоящемъ положеніи дѣлъ, національная гвардія признаетъ лишь тѣхъ начальниковъ, которыхъ она себѣ дастъ сама» (Enq. 18 Mars, III, 14). Ожидая вступленія пруссаковъ въ Парижъ, собраніе рѣшило сопротивляться оружіемъ этому вступленію. Чрезъ два дня распространилось извѣстіе, что орудія національной гвардіи оставлены въ части Парижа, которая должна быть предоставлена непріятелю. Батальоны бросились къ артиллерійскимъ паркамъ; женщины тащили орудія по бульварамъ. Въ Батиньоляхъ, на Монмартрѣ, въ Бельвилѣ, на площади Вогезовъ образовались парки, охраняемые національной гвардіей (Arn. I, 20 и слѣд.). Весь Парижъ волновался. Войска Винуа братались съ народомъ. Колонна въ 40.000 человѣкъ шла встрѣчать пруссаковъ, которыхъ ожидали на другой день. Вступленіе было отложено до 1 марта. Въ это время, по словамъ Лиссагарэ (76), произошло первое сближеніе между Центральнымъ комитетомъ нац. гвард. и прежними центрами агитаціи, засѣдавшими въ la Corderie, центрами, которые «сдержанно наблюдали этотъ Центральный комитетъ, составленный изъ незнакомцевъ, которыхъ никогда не видали въ революціонныхъ битвахъ». Подъ вліяніемъ старыхъ революціонеровъ, прежнее рѣшеніе сопротивлять-

ся вступленію пруссаковъ было оставлено и замѣнено болѣе мирнымъ: часть Парижа, занятую пруссаками, рѣшено оцѣпить кордономъ войскъ и національной гвардіи и изолировать совершенно. Эта афиша была первымъ формальнымъ заявленіемъ существованія Центральнаго комитета. Этой *единственной власти*, способной остановить волненіе, которое могло кончиться страшною рѣзнею, обрадовались всѣ. Лишь 4 марта появилась на стѣнахъ Парижа красная афиша, которая извѣщала объ образованіи «Центральнаго комитета республиканской федераціи національной гвардіи» (Enq. 18 Mars, III, 24). Этимъ революціоннымъ правительствомъ вооруженное населеніе Парижа отвѣчало на назначеніе начальникомъ національной гвардіи Ореля де Паладинъ въ самый день этого назначенія.

Соціалистическимъ элементамъ въ Парижѣ пора было опредѣлить свое отношеніе къ этой силѣ, возникшей среди Парижа, и которую нельзя было считать политическимъ элементомъ, имѣющимъ опредѣленную программу. Это было, собственно, почти все вооруженное населеніе Парижа, вооруженный народъ, который въ самой значительной мѣрѣ состоялъ изъ парижскаго пролетаріата. Правда, въ немъ было не мало и мелкой буржуазіи, которую соединяло съ пролетаріатомъ лишь общее раздраженіе противъ «сельскаго большинства, стыда Франціи», какъ назвалъ Бордосское собраніе громко Гастонъ Кремье (Liss. 68). Во всякомъ случаѣ, тутъ дѣло шло не о коалиціи съ заявленными противниками соціализма, и въ федеральномъ совѣтѣ Интернаціонала 1 марта Варленъ выступилъ съ предложеніемъ: «было бы весьма нужно, чтобы интернаціоналисты постарались всѣми силами быть назначенными делегатами отъ ротъ, въ которыхъ они находятся, и чтобы они засѣдали въ Центральномъ комитетѣ». Это подало поводъ къ довольно долгимъ преніямъ, въ которыхъ выказалось, что и теперь, 1 марта 1871 г., чрезъ полгода послѣ паденія имперіи, за нѣсколько дней до взрыва

Коммуны, руководящія личности парижскаго Интернаціонала все таки не имѣли опредѣленной политической программы, и что въ средѣ Федеральнаго совѣта продолжала существовать прежняя двойственность между тенденціей къ ограниченію Интернаціонала чисто-экономическими вопросами и неудержимымъ влеченіемъ принимать участіе въ историческихъ событіяхъ. Франкель находилъ сближеніе съ Центральнымъ комитетомъ «компромиссомъ съ буржуазіей» и напоминалъ: «Нашъ путь международенъ; мы не должны съ него сходить». Пенди боялся «компрометировать Интернаціоналъ». Но другіе указывали, что, становясь делегатами, интернаціоналисты «пріобрѣтаютъ дѣйствительную силу»; что «вліяніе этихъ событій весьма значительно», въ минуту, когда войска Винуа отказываются слушаться его и братаются съ народомъ. Варленъ напоминалъ: «Если мы останемся одиноки въ присутствіи такой силы, наше вліяніе исчезнетъ; если мы соединимся съ Комитетомъ, мы сдѣлаемъ значительный шагъ къ соціальному будущему». Рѣшено было послать въ Комитетъ коммиссію изъ четырехъ членовъ, но постановлено, что «ихъ дѣятельность должна быть индивидуальна и спеціально сдержана во всемъ, что касается Международной Ассоціаціи Рабочихъ». Все было, значитъ, предоставлено обстоятельствамъ.—Личное вліяніе делегатовъ Интернаціонала немедленно сказалось въ собраніяхъ Центральнаго комитета. Громадное собраніе представителей 200 батальоновъ въ Воксалѣ, 3 марта, приняло, по предложенію Варлена, весьма серьезное рѣшеніе сдѣлать новые выборы офицеровъ національной гвардіи. Такимъ путемъ, *если бы было время*, безъ потрясенія вся вооруженная сила Парижа перешла бы въ руки вліятельныхъ соціалистовъ. Но планы ихъ не ограничивались Парижемъ. Въ запискѣ, разосланной журналамъ вслѣдъ за собраніемъ 3 марта, и среди подписей которой уже фигурируетъ имя Варлена, говорилось о планѣ «республиканской федераціи національной гвардіи» для охраны «всей страны».

Имѣлась въ виду федерація, охватывающая всѣ части Франціи, и которая, при отсутствіи вліянія центральнаго правительства, могла безъ особеннаго затрудненія сдѣлаться могучимъ орудіемъ переворота — опять таки при условіи, что *оставалось время* устроить эту организацію.—На томъ же собраніи 3 марта выставлены были предложенія: «Надо чтобы вся національная гвардія подчинялась приказаніямъ Центральнаго комитета. Если военное начальство дастъ приказаніе въ противоположномъ смыслѣ, надо арестовать главный штабъ». «Постоянныя арміи должны быть отмѣнены и замѣнены вооруженіемъ націи». Сочувственныя восклицанія встрѣтили даже предложеніе одного гражданина, «чтобы департаментъ Сены образовалъ независимую республику, если бы собраніе въ Бордо отняло у Парижа его значеніе столицы» (Enq. 18 Mars, III, 22-23). Въ афишахъ, приглашавшихъ къ содѣйствію федераціи послѣ провозглашенія «Центральнаго комитета», сказано было, между прочимъ: «послѣ длиннаго ряда подлостей (infamies), которыя совершены большинствомъ военныхъ начальниковъ изъ ненависти къ республикѣ, національная гвардія не можетъ, не измѣняя въ свою очередь отечеству, сохранить начальствованіе лицамъ, ей навязаннымъ. Она должна повиноваться лишь начальникамъ избраннымъ, и которыхъ она можетъ всегда смѣнить» (тамъ же, 2). Въ новомъ собраніи делегатовъ національной гвардіи 10 марта докладчикъ Арнольдъ говорилъ: «Всего болѣе далеки отъ нашихъ мыслей печальныя и кровавыя столкновенія гражданъ между собою; мы протягиваемъ наши братскія руки всѣмъ нашимъ согражданамъ, всѣмъ народамъ, которые тоже наши братья. Но однажды завоевавъ свободу распоряжаться собою, мы намѣрены сохранить ее» (тамъ же, 30). Но Центральный комитетъ фатально былъ отброшенъ на чисто-революціонный путь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Пикаръ, уже 3 марта издалъ объявленіе противъ «анонимнаго комитета», при-

глашалъ «всѣхъ добрыхъ гражданъ подавить эти преступныя манифестаціи», хотя, конечно, напрасно, такъ какъ въ Парижѣ не было ни силы, ни элементовъ силы для противудѣйствія Центральному комитету. (Liss. 20). Нѣсколько позже тотъ же Пикаръ говорилъ мэрамъ Парижа, что члены комитета «рискуютъ головами,» а одному изъ этихъ членовъ указывалъ, что Орэль-де-Паладинъ человѣкъ «неумолимый», который подвергнетъ національную гвардію «желѣзной дисциплинѣ» (Enq. 18mars, III, 32). На слова министра комитетъ отвѣчалъ рѣзкими заявленіями; докладчикъ же Арнольдъ на собраніи 10 марта причислилъ министра къ людямъ «безъ убѣжденій и безъ сердца» и назвалъ начальника, назначеннаго правительствомъ національной гвардіи — «обезчещеннымъ генераломъ» (тамъ же, 32). Въ тотъ же день національная гвардія обращалась къ арміи съ дружественной прокламаціей (тамъ же 34), въ то самое время какъ Винуа распустилъ (7 марта) 21.000 мобилей департамента Сены съ крайне недостаточнымъ пособіемъ въ 10 франковъ, увеличивая тѣмъ число оппозиціонной арміи (Liss. 83). Съ 6 марта Центральный комитетъ засѣдалъ въ la Corderie, въ тѣсной духовной связи съ соціалистическими и демократическими собраніями, сдѣлавшими это мѣсто центромъ своей дѣятельности. Попытка старыхъ батальонныхъ командировъ—создать другой комитетъ, который парализовалъ бы демократическія тенденціи существующаго, не удалась, и оба комитета слились 10 марта, при рѣшительномъ преобладаніи выборнаго начала.—Въ Бордо и во Франціи вообще очень плохо знали и понимали положеніе дѣлъ въ Парижѣ. Когда Артюръ Арну пріѣхалъ въ Бордо въ день вступленія пруссаковъ въ Парижъ, онъ увидѣлъ даже въ крайнихъ группахъ депутатовъ раздраженіе противъ Парижа, а въ то же время «полное безсиліе лѣвой стороны собранія. Она была раздѣлена на нѣсколько небольшихъ котерій безъ общихъ идей, безъ плана, безъ компаса, гдѣ господствовало нѣсколько

личностей, между которыми Луи-Бланъ игралъ главную роль и роль систематическаго обезсиленія. Онъ въ эту минуту управлялъ лѣвой стороной, но не могъ бы управлять революціей. Въ этомъ все объясненіе его поведенія». Волненія Парижа толкали депутатовъ, которые взяли на себя роль знаменосцевъ радикальныхъ идей, на дѣятельность болѣе рѣшительную, чѣмъ та, которая приличествовала «скромности ихъ мужества, безсодержательности ихъ убѣжденій, дѣйствительности ихъ эгоизма»; это раздражало ихъ противъ Парижа (Arn. I, 103—104). Уже 4 марта распространился въ Бордо слухъ, что въ Парижѣ вспыхнуло возстаніе. Провинціальныя префектуры сообщали оффиціально о посылкѣ войскъ въ Парижъ для подавленія мятежа. Делегаты, отправившіеся въ Парижъ, нашли его спокойнымъ, но Пикаръ требовалъ дѣйствія; консерваторы совѣтовали арестовать Центральный комитетъ. Орэль-де-Паладинъ обѣщалъ «обезпечить уваженіе къ законамъ и къ собственности. Винуа 11 марта запретилъ шесть журналовъ, изъ которыхъ четыре (именно «Cri du Peuple», «Mot d'Ordre», «Pere Duchesne», «Vengeur») расходились въ 200.000 экземпляровъ. Въ тотъ же день военный судъ произнесъ смертный приговоръ надъ участниками возстанія 31 октября (между прочимъ надъ Флурансомъ и Бланки). Въ тотъ же день узнали въ Парижѣ о перенесеніи столицы въ Версаль и о декретахъ относительно денежныхъ обязательствъ и уплаты за квартиры, декретахъ, о которыхъ сказано выше. Въ тотъ же день Варленъ разъяснялъ одному пріятелю, недѣли три отсутствовавшему изъ Парижа, что съ новой системой выборовъ начальства національной гвардіи, довольно значительная часть Парижа по обѣимъ сторонамъ Сены находилась уже въ рукахъ соціалистовъ, что «недѣли черезъ двѣ-три» весь Парижъ будетъ въ рукахъ начальниковъ батальоновъ изъ соціалистовъ, а тамъ федерація съ національной гвардіей провинціи, при вліятельной пропагандѣ, создастъ тѣмъ же путемъ силу

вооруженнаго пролетаріата во всей Франціи. Двѣ-три недѣли! До революціи оставалось всего 7 дней.

Съ обѣихъ сторонъ чувствовалась неизбѣжность столкновенія. Вмѣстѣ запрещенныхъ журналовъ самыя разнообразныя прокламаціи всѣхъ цвѣтовъ и направленій покрывали стѣны Парижа. Осужденные на смерть, но не взятые, Флурансъ и Бланки протестовали путемъ афишъ. Артиллерійскіе парки были окружены окопами. Новое собраніе делегатовъ отъ 215 батальоновъ національной гвардіи провозгласило 15 марта своимъ начальникомъ Гарибальди. Избираемые были такъ мало извѣстны, что начальникомъ артиллеріи былъ избранъ помѣшанный, Люлье, «имѣвшій внѣшніе признаки военнаго образованія, и когда онъ не находился подъ вліяніемъ алкоголя, производившій иногда впечатлѣніе чрезвычайно свѣтлаго ума» (Liss. 86). Рѣчь докладчика, Арнольда, кончалась словами: «Мы должны бодрствовать и сплачивать наши ряды; лишь такимъ образомъ мы, наконецъ, устроимъ единственный спасительный строй для нашей родины и для всего человѣчества: демократическую и соціальную республику» (Enq. 18 Mars, III, 39). Въ тотъ же день собирался Федеральный совѣтъ Интернаціонала. Къ нему уже обращались за совѣтами депутаты Гамбонъ и Піа, такъ какъ онъ теперь имѣлъ въ рукахъ значительную силу. Совѣтъ рѣшилъ пригласить на свое засѣданіе *чрезъ недѣлю* нѣкоторыхъ депутатовъ Парижа (Рошфора, Мильера, Піа, Гамбона, Тридона, Ранка, Малона и Толена), чтобы съ ними обсудить планъ дѣйствія. Снова былъ поднятъ вопросъ о спеціальномъ органѣ. Говорили объ общемъ конгрессѣ Интернаціонала въ Парижѣ. Предложены были докладчикомъ Тэйсомъ новые статуты, но обсужденіе ихъ, не смотря на оппозицію Франкеля, было отложено *на двѣ недѣли* (тамъ же, 229-230). Центръ дѣйствія и вліянія, дѣйствительно, былъ тутъ, но плана дѣйствія все таки не было на случай нападенія противниковъ. Думали, что они не могутъ рѣшиться на напа-

деніе, такъ какъ всѣ силы, которыми могло распоряжаться правительство въ Парижѣ, не превосходили 25.000 человѣкъ и, къ тому же, сильно деморализованныхъ (Liss. 87). Пикаръ обѣщалъ мэрамъ, что безъ совѣщанія съ ними не будетъ ничего предпринято (Liss. 29). Центральный комитетъ объявилъ, что онъ не начнетъ нападенія и ограничится обороною (Liss. 86). Казалось, было время выжидать и укрѣпляться.

Но 15 марта Тьеръ вернулся въ Парижъ; 17 марта вечеромъ Орэль де Паладинъ собралъ 40 баталіонныхъ начальниковъ изъ округовъ, гдѣ еще новые выборы не произвели своего дѣйствія, гдѣ въ офицерствѣ господствовала буржуазія, и спросилъ этихъ людей, на которыхъ можно было разсчитывать: двинутся ли ихъ баталіоны за правительство? Они всѣ отвѣчали отрицательно. (Enq. 18 Mars, II, 406). Тѣмъ не менѣе въ тоже время засѣдалъ совѣтъ министровъ и рѣшилъ аттаку. Въ 3 часа утра 18 марта колонны двинулись, чтобы захватить 250 орудій народныхъ парковъ. На стѣнахъ красовалось объявленіе правительства: «Правительство рѣшилось дѣйствовать. Преступники, захотѣвшіе учредить правительство, будутъ преданы правильнымъ судамъ.... Пусть хорошіе граждане отдѣлятся отъ дурныхъ и помогутъ силамъ правительства... Во чтобы то ни стало, порядокъ долженъ быть возстановленъ немедленно во всей его цѣлости и неприкосновенности». Но едва населеніе проснулось, успѣхъ первыхъ часовъ нападенія обратился въ ничто. Войска братались съ народомъ или бѣжали. Въ 11 часовъ побѣда была рѣшительною. Все правительство могло быть захвачено. Но плана дѣйствія не существовало. Центральный комитетъ, ничего непредвидѣвшій, ничего не знавшій *въ половинѣ четвертаго* утра 18 марта (когда непріятельскія колонны уже двигались) (Liss. App. II), долженъ былъ собраться лишь въ 11 часовъ вечера. Въ 10 часовъ утра собралось въ улицѣ Бафруа лишь нѣсколько членовъ безъ особеннаго вліянія. Они

занимались допросами арестованныхъ. Болѣе вліятельные (Варленъ, Бержерэ, Арнольдъ) организовали защиту въ своихъ округахъ. «Въ полдень все выжидали событій и ничего не рѣшали». (тамъ же, III). Между тѣмъ въ Пантеонѣ, на улицѣ Севръ, въ 3-мъ округѣ готовыя силы ждали распоряженій отъ Комитета. Лишь около 2 часовъ пополудни былъ составленъ кое-какой планъ дѣйствія. Время, которое надо было употребить на аттаку дезорганизованнаго и деморализованнаго врага, ушло на мѣры обороны противъ непріятеля, который не былъ въ состояніи нападать. Въ слѣдствіе полнаго отсутствія подготовленной заранѣе связи между частями революціонной арміи, «революціонные кварталы, опасаясь новыхъ нападеній, не зная полноты своей побѣды, окружали себя сильными баррикадами и оставались на мѣстѣ». (Liss. 20). Лишь въ девятомъ часу вечера занята ратуша и префектура полиціи. (Liss. 97 и App.) Помѣшанный Люлье назначенъ былъ начальникомъ національной гвардіи. Парижъ былъ въ рукахъ пролетаріата, но его предводители, растерянные предъ своимъ неожиданнымъ могуществомъ, не принимали самыхъ элементарныхъ мѣръ. Даже заставы Парижа не были заняты. Всю ночь чрезъ южныя заставы уходили разстроенныя войска Винуа, ругая жандармовъ; уходила артиллерія, обозы. Еще 19 марта утромъ продолжалась эта процессія и открытое переселеніе министерствъ. Чиновники всѣхъ вѣдомствъ, по приказанію Тьера, оставляли Парижъ. Нѣкоторые мэры увезли печати, регистры и кассы изъ мэрій. Въ госпиталяхъ оставлены были безъ всякихъ средствъ 6.000 больныхъ. Форты, окружающіе Парижъ, были брошены. Даже фортъ Mont-Valerien, который долженъ былъ играть столь роковую роль въ исторіи Коммуны, былъ очищенъ по приказанію Тьера и 36 часовъ оставался не занятымъ. Лишь 20 числа Винуа уговорилъ Тьера послать туда 1000 человѣкъ. Все это время Люлье не сдѣлалъ ни шагу чтобы занять этотъ важный оборони-

тельный постъ. Когда онъ сталъ занимать форты національной гвардіей, онъ подумалъ о Mont-Valerien подъ самый конецъ. Когда 20 марта вечеромъ отрядъ національной гвардіи подошелъ къ этому укрѣпленію, оно уже было занято версальцами, но, при деморализаціи войска, вѣроятно было бы сдано, если бы попытка занять его была серьезна. Люлье удовольствовался *обѣщаніемъ* начальника форта не дѣйствовать противъ Парижа. Впрочемъ, почти всѣ надѣялись, что дѣло обойдется безъ междуусобной войны (Liss. 100, 103, 120 и слѣд.). Во всякомъ случаѣ, когда Парижъ проснулся 19 марта, онъ былъ въ рукахъ пролетаріата. Прежнее правительство исчезло и красное знамя развѣвалось на ратушѣ.

---

6. Центральный комитетъ.

Революція совершилась. Опять вопросъ былъ въ томъ: кто *готовъ* стать во главѣ движенія? и этотъ разъ предшествовавшіе факты отдали фатально Парижъ въ руки *случайно* возникшей военной организаціи національной гвардіи, на которую *едва за двѣ недѣли* предъ тѣмъ начали дѣйствовать соціально-революціонные элементы, группировавшіеся въ La Corderie и сами состоявшіе, какъ мы видѣли, изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ по своему теоретическому направленію и подготовкѣ. Противъ этой случайной, но фактической силы, стояла въ Парижѣ легальная группа мэровъ и депутатовъ Парижа, выбранныхъ въ ноябрѣ 1870 г. и въ февралѣ 1871 г.; и здѣсь, опять таки, рядомъ съ консерваторами, ненавидѣвшими всѣ либеральныя стремленія, стоялъ цѣлый штабъ либераловъ и радикаловъ съ громкими именами,

съ безспорной ловкостью въ политической полемикѣ: Луи-Бланъ, Флокэ, Клемансо, Локруа, Бонваллэ, Моттю, Ланглуа, Курнэ; тамъ были, наконецъ, люди изъ рядовъ соціалистической партіи: Мильеръ, Малонъ, Толенъ, Эли-гонъ, Мюра, Жакларъ. Если бы въ обѣихъ этихъ группахъ преобладали одинаковыя вліянія и онѣ, соединившись, стали бы энергически на одну изъ сторонъ — возставшаго Парижа или бѣжавшаго правительства — то вопросъ былъ бы рѣшенъ почти немедленно. — Если бы эти двѣ группы вступили въ борьбу, опираясь, одна, на полное довѣріе руководящихъ элементовъ революціи, другая—на столь же полное довѣріе правительства версальской палаты, то путемъ столкновенія или соглашенія между этими двумя группами, опять можно было прійти къ какому нибудь временному и мирному рѣшенію вопроса, къ новой политической комбинаціи, которая дала бы время придумать планъ дѣйствія для будущаго. Но дѣло было именно въ томъ, что все было разъединено и никто не былъ, ни въ Парижѣ ни въ Версалѣ, увѣренъ ни въ другихъ ни въ себѣ. Центральный комитетъ не пріобрѣлъ еще довѣрія руководящихъ революціонныхъ элементовъ и самъ былъ болѣе всего смущенъ своимъ положеніемъ: онъ былъ во главѣ революціи, которой не желалъ. Группа мэровъ и депутатовъ не пользовалась вовсе довѣріемъ Версаля и не могла опираться ни на какую матеріальную и физическую силу; да и въ своей средѣ заключала, какъ мы только что видѣли, самые разнообразные элементы. Революціонные элементы Парижа, соединенные въ ненависти противъ правительства, руководились весьма разнообразными мотивами. Въ Версалѣ, рядомъ съ министерствомъ, окружавшимъ Тьера, стояло большинство роялистовъ, готовое, при малѣйшей ошибкѣ правительства, низвергнуть Тьера вмѣстѣ съ республикою. Единства не было нигдѣ. Все было предоставлено случайности, личнымъ вліяніямъ и личной энергіи разныхъ участниковъ движенія. Но Версаль имѣлъ за себя рутину

легальности, рутину традиціи. Политическіе либералы и радикалы собранія мэровъ и депутатовъ—имѣли на своей сторонѣ рутину давно привычныхъ громкихъ фразъ. Противъ этихъ рутинныхъ, но потому именно самыхъ упорныхъ силъ исторіи, революціонная партія могла успѣшно бороться лишь путемъ самой рѣшительной и быстрой дѣятельности, чуждой всѣхъ компромиссовъ, полной сознанія своей силы и своей цѣли, недопускавшей никакихъ колебаній. Но для этого не существовало основныхъ условій, прежде всего недоставало немедленнаго сплоченія между руководящими элементами революціи и фактическимъ правительствомъ —Центральнымъ Комитетомъ національной гвардіи; затѣмъ недоставало полной увѣренности въ своемъ дѣлѣ въ Центральномъ Комитетѣ, который во все время своей политической диктатуры смотрѣлъ на себя какъ на нѣчто временное, ограничивался самыми необходимыми распоряженіями (поэтому неизбѣжно упускалъ изъ виду многое именно необходимое) и спѣшилъ свалить съ себя обузу отвѣтственности на другое правительство.

«Мы должны сознаться—пишетъ Лефрансэ (173),—что принадлежали къ тѣмъ, которые до 20 марта, т. е. 48 часовъ послѣ совершившейся революціи, смотрѣли съ безпокойствомъ на неожиданное господство Центральнаго Комитета». И ранѣе (146—147): «Изъ всѣхъ лицъ, подписи которыхъ стояли подъ первыми прокламаціями Центральнаго Комитета, засѣдавшаго въ ратушѣ, извѣстны были дѣйствительно по своему направленію лишь Асси, Варленъ, Ранвье и Люлье... Что касается до прочихъ членовъ Комитета, подписавшихъ прокламаціи.... ихъ подписи только что открыли ихъ существованіе самымъ передовымъ группамъ соціалистической партіи, которой они были вовсе не знакомы. — Это отсутствіе извѣстности составляетъ, должно сознаться, трудно одолимое препятствіе для народа, который до сихъ поръ знаетъ безличное управленіе лишь по имени и долго еще, какъ мы опасаемся, предпочтетъ отдать власть въ руки

личностей, а не руководствоваться самъ идеею».— «Эта революція—пишетъ, Арт. Арну (II, 26 и слѣд).—была такъ мало предумышленна въ дѣйствительности тѣми, на которыхъ взвалили отвѣтственность за нее, что члены Центральнаго Комитета, сдѣлавшись повелителями Парижа, вслѣдствіе побѣды національной гвардіи, которой они были единственными представителями, колебались въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, слѣдуетъ ли имъ взять въ руки власть, упавшую имъ въ руки, и перейти въ ратушу. — Они устроились, наконецъ, тамъ, узнавъ, что мэры и радикальные депутаты Парижа воздержались отъ этого... Озабочены были всѣ: озабочена была революціонная и соціалистическая партія, которая очень хорошо чувствовала, что она потерпѣла принужденіе извнѣ и что ее вынудили дѣйствовать въ минуту, которой она не выбрала; озабочены были люди, привыкшіе разсчитывать шансы, когда они размышляли о пруссакахъ; озабочены были патріоты, страдавшіе при мысли, что враги, чужеземцы, будутъ свидѣтелями нашихъ раздоровъ; озабочены были республиканцы-формалисты, опасавшіеся, чтобы эти волненія не обратили большинство страны противъ самой республики; озабочена была, наконецъ, буржуазія, которая, опасаясь народа и презирая версальское собраніе, не знала кому молиться, за что уцѣпиться... Ко всѣмъ этимъ мотивамъ опасенія прибавлялся фактъ, можетъ быть въ первый разъ имѣвшій мѣсто въ исторіи, что новые люди, вынесенные событіями въ ратушу, были совершенно незнакомы большинству населенія.—Я самъ, который долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о личностяхъ, какъ журналистъ, участвовавшій въ движеніи и находившійся въ сношеніяхъ со всѣми элементами соціально-революціонной партіи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, я самъ едва зналъ 5—6 именъ изъ тѣхъ, которые подписали первыя объявленія Центральнаго Комитета... Что это были за люди? чего они стоили? что они сдѣлаютъ?—Все это были вопроситель-

ные пункты воистину ужасные при столь трагическомъ положеніи.—Первый городъ міра... не только находился въ присутствіи неизвѣстнаго, но принадлежалъ *неизвѣстнымъ людямъ*. — Въ ратушѣ засѣдало безъименное правительство, состоявшее почти исключительно изъ простыхъ рабочихъ или мелкихъ чиновниковъ, три-четверти именъ которыхъ не были извѣстны далѣе ихъ улицы или ихъ мастерской. Съ какой угодно точки зрѣнія въ этомъ было нѣчто неслыханное и страшное... Традиція была разрушена. Нѣчто неожиданное совершалось въ мірѣ. Въ правительствѣ не было ни одного члена управляющихъ классовъ. Вспыхнула революція, которая не была представлена ни однимъ *адвокатомъ*, ни однимъ, *депутатомъ*, ни однимъ *журналистомъ*, ни однимъ *генераломъ*. Ихъ мѣста занимали: *чернорабочій* изъ Крэзо, *переплетчикъ*, *поваръ* и т. п.». — Къ этимъ свидѣтельствамъ участниковъ движенія Коммуны прибавимъ указаніе, что въ засѣданіи Федеральнаго совѣта Интернаціонала 22 и 23 марта, замѣтно еще сильное колебаніе, на сколько Интернаціоналу слѣдуетъ поддерживать Комитетъ и не можетъ ли послѣдній компрометировать Интернаціоналъ. Въ то время, какъ всѣ журналы заявляли, будто Интернаціоналъ захватилъ власть, въ Федеральномъ совѣтѣ хлопотали о соглашеніи между Комитетомъ и мэрами Парижа, даже предлагали, чтобы, подъ вліяніемъ секцій Интернаціонала и рабочихъ обществъ, «Комитетъ сложилъ съ себя власть и передалъ городскимъ выборнымъ». Если одни хотѣли чтобы Интернаціоналъ «принялъ воинствующій характеръ», то другіе утверждали, что роль Интернаціонала заключается исключительно въ пропагандѣ, сопротивлялись тому, чтобы рабочія общества были прямо брошены въ дѣйствіе; иные были даже противъ всякаго манифеста со стороны Федеральнаго совѣта. (Enq. 18 Mars, III. 235 и слѣд).

Если такъ думали представители самаго развитого меньшинства Франціи, люди, по самымъ убѣжденіямъ

своимъ привыкшіе разглядывать за внѣшностью вещей ихъ суть, легко представить себѣ, какъ къ новому «правительству неизвѣстныхъ» должна была относиться масса населенія. — И само это правительство, вышесенное обстоятельствами во главу движенія, поставленное въ самое отвѣтственное и самое трудное положеніе, нисколько не отличалось самоувѣренностью. Оно было, говоритъ Арт. Арну, «столь же обезпокоено своею неизвѣстностью, столь же взволновано отвѣтственностью, на немъ лежащею, какъ и весь Парижъ». Дѣло было далеко отъ той «народной диктатуры», которую рисовалъ Мильеръ за годъ предъ тѣмъ въ статьяхъ «Марсельезы», далеко отъ той «audace», которую требовалъ Дантонъ отъ народныхъ предводителей. «Эти диктаторы — пишетъ симпатичный имъ Арт. Арну (II, 32 и слѣд.) — не ставятъ себя ни выше, ни внѣ толпы. Видно... что они съ нею совѣтуются каждую минуту... Они старательно уклоняются отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, стараются сохранить положеніе дѣлъ, оставить все такъ какъ оно есть, до той минуты, когда народъ, путемъ свободныхъ и правильныхъ выборовъ, назначитъ власть, на которой будетъ лежать обязанность ставить опредѣлительно задачи и дѣлать попытки ихъ рѣшенія.—Центральный Комитетъ полагаетъ, что его дѣло заключается только въ томъ, чтобы обезпечить народу правильное, прямое представительство».

Дѣйствительно, это скромное, нѣсколько боязливое чувство грозной исторической отвѣтственности и желаніе какъ можно скорѣе избавиться отъ нея проглядываютъ во всѣхъ прокламаціяхъ этого Центральнаго Комитета, въ руки котораго попали судьбы Парижа. Эти прокламаціи, по серьезности тона и по строгому соблюденію начала подчиненія Комитета волѣ Парижскаго народа, по отсутствію пустыхъ фразъ, занимаютъ довольно видное мѣсто въ ряду этой отрасли политической литературы и едва ли можно предположить, что ихъ писалъ никому неизвѣстный

мелкій торговый коммиссіонеръ, 32-лѣтній Эдуардъ Моро Но, признавая то полное отсутствіе личнаго честолюбія, которое характеризовало членовъ Комитета въ ихъ дѣятельности, нельзя отогнать мысли, что, можетъ быть, положеніе, въ которое былъ поставленъ Комитетъ, требовало бы иного. «Честь и спасеніе Комитета — пишетъ Лиссагарэ (101) — заключались въ томъ, что онъ имѣлъ одну мысль — передать власть Парижу». Можетъ быть это было бы совершенно вѣрно, если бы положеніе парижскаго пролетаріата, въ эту грозную минуту его побѣды, было иное; если бы онъ не имѣлъ столько ожесточенныхъ политическихъ враговъ и внѣ Парижа и въ самомъ Парижѣ, враговъ временно разстроенныхъ и деморализованныхъ, но которые могли *очень скоро* оправиться и сдѣлаться опасными; если бы, наконецъ, присутствіе прусской арміи въ виду борющихся не придавало всей междуусобной борьбѣ особенно печальный характеръ въ глазахъ неподготовленной Франціи, жившей патріотической рутиной. Конечно, при данныхъ условіяхъ обвинять Комитетъ невозможно. Онъ сдѣлалъ все, что было *для него* возможно при данныхъ обстоятельствахъ.— Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что передовыя партіи не позаботились, или не могли, *заранѣе* организоваться, сплотиться, стать вліятельною силою въ Парижѣ и во Франціи и, при первомъ образованіи этого Комитета, руководителя всѣми вооруженными силами Парижа, наполнить его своими представителями. Тогда, въ первую же минуту борьбы, этотъ Комитетъ представлялъ бы не людей, незнакомыхъ массѣ и сознававшихъ свою неизвѣстность для массы, сознававшихъ, что имъ недостаетъ опредѣленной, руководящей программы; онъ состоялъ бы изъ сознательныхъ и энергическихъ представителей передовой партіи народа, увѣренныхъ въ себѣ и въ своей программѣ, знающихъ, что они вынесены во власть не случаемъ, но заранѣе пріобрѣтеннымъ довѣріемъ большинства; они говорили бы сознательно отъ имени передовой на-

родной партіи, и были бы увѣрены, что ихъ мнѣніе есть отголосокъ руководящихъ мнѣній большинства. Подобный Комитетъ могъ бы и долженъ былъ бы дѣйствовать иначе. Для него было бы непростительно дать врагамъ *10 дней* для того, чтобы оправиться, въ то время какъ руководители пролетаріата отказывались отъ обязанности и не признавали за собою права немедленно *руководить* пролетаріатомъ. Теперь фатальная неподготовленность народныхъ партій создала Комитетъ, который считалъ для себя обязательнымъ эти 10 дней бездѣйствія. Правда, были и въ самый первый день засѣданія въ Комитетѣ голоса, требовавшіе энергическаго дѣйствія, движенія на Версаль и призыва, обращеннаго къ Франціи, ареста собранія мэровъ, которое хотѣло управлять Парижемъ по порученію Тьера; но эти голоса потерялись въ большинствѣ, а можетъ быть, при данномъ составѣ Комитета, были и дѣйствительно непрактичны. «Ваша роль вамъ не по росту и ваша единственная забота—избавиться отъ отвѣтственности», высказалъ одинъ членъ (Liss. 106). Въ этомъ было много правды, но въ минуту самаго дѣйствія отсутствіе предварительной организаціи и подготовки очень часто отзывается тѣмъ, что роль выпадаетъ людямъ не по ихъ росту.

Уже то обстоятельство, что Центральный Комитетъ не былъ дѣйствительною властью въ Парижѣ съ первой минуты совершившейся революціи, успѣло вызвать печальныя послѣдствія. Еще утромъ 18 марта на Монмартрѣ были разстрѣляны генералы Леконтъ и Клеманъ Тома. Члены Комитета такъ хорошо понимали вредъ, который имъ приносила эта фатальная случайность революціоннаго взрыва, что Бержерэ воскликнулъ: «Это дѣло повлечетъ для насъ потерю *ста тысячъ человѣкъ*» (Lefr. 150 прим.). Но этотъ фактъ, нисколько независѣвшій отъ Центральнаго Комитета, былъ для враговъ Парижа слишкомъ выгоденъ, чтобы имъ не воспользоваться. При первыхъ попыткахъ посредничества мэровъ Жюль Фавръ

отвѣчалъ: «съ убійцами не вступаютъ въ переговоры» (Liss. 98). Оффиціальный журналъ печаталъ: «Комитетъ, принявшій названіе Центральнаго Комитета, хладнокровно совершилъ убійство генераловъ Клемана Тома и Леконта» (Liss. 103). На улицѣ Биржи элегантные господа произносили рѣчи противъ насилія толпы и въ прославленіе «жертвъ революціи» (Arn. II, 25). Съ тѣхъ поръ самыя очевидныя доказательства не помѣшали врагамъ народнаго правительства повторять, что взрывъ аффекта толпы, жертвою котораго сдѣлались два генерала, былъ обдуманнымъ рѣшеніемъ самого Комитета, который такъ тщательно старался не брать на себя никакихъ мѣръ внѣ совершенно-необходимыхъ.

Положеніе дѣлъ было весьма серьезно, но его серьезность была едва ли кому вполнѣ ясна. Іюнскіе дни 1849 года были на столько забыты, что, по словамъ Лиссагарэ (103), въ Парижѣ «никто не видѣлъ, что начиналась борьба на смерть съ версальскимъ собраніемъ». Мысль о соглашеніи занимала большинство умовъ. Неувѣренность Комитета требовала одного—самыхъ быстрыхъ выборовъ въ Коммуну. Комитетъ назначилъ выборы на 22 марта, но, неувѣренный въ себѣ, желая дѣйствовать въ согласіи съ болѣе легальнымъ учрежденіемъ, вступилъ въ безконечные переговоры съ собраніемъ мэровъ и депутатовъ Парижа, готовый раздѣлить съ ними власть, готовый итти на уступки, лишь бы достигнуть этого соглашенія. Какъ будто оно было мыслимо между возставшимъ пролетаріатомъ и представителями либерализма и радикализма, считавшими для себя чуть ли не оскорбленіемъ самые переговоры съ какими то лавочниками и чернорабочими «безъ полномочій»! Большинство этихъ личностей, дорожа своимъ положеніемъ, считало себя легальными правителями Парижа (Тьеръ поручилъ выборнымъ отъ города управлять имъ), закрывало глаза предъ очевидною истиною, что ихъ ненавидѣли въ Версалѣ, какъ представителей либеральныхъ принциповъ, и

что они не имѣли ни вліянія, ни силы въ Парижѣ. Всѣ они желали оттянуть установленіе правильно-выбраннаго правительства въ Парижѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе ненавидѣвшіе вооруженный пролетаріатъ Парижа, чѣмъ опасавшіеся роялистовъ Версаля, прямо хотѣли дать Версалю время оправиться, собраться съ силами противъ Парижа. Другіе надѣялись со временемъ найдти средство къ соглашенію и къ возвращенію потеряннаго вліянія. Самые искренніе находились подъ вліяніемъ убѣжденія, что они могутъ отвоевать для Парижа нѣкоторыя права. И съ этой стороны поразительно, какъ личности этой группы, принадлежавшія къ совершенно различнымъ направленіямъ, сходились въ отстаиваніи своей воображаемой легальности, въ виду совершившейся революціи. Когда утромъ 19 марта Артюръ Арну пришелъ въ ихъ собраніе, республиканецъ Шэльшеръ не хотѣлъ узнать его, прудонистъ Ланглуа ораторствовалъ, жестикулируя, объ «убійцахъ генераловъ», интернаціоналистъ Толэнъ пожалъ плечами и отвернулся, демократъ Бриссонъ (бывшій помощникъ мэра Парижа, подавшій въ отставку послѣ 31 октября 1870 г.) сказалъ: «мы должны доказать Франціи, что республиканцы Собранія не имѣютъ ничего общаго съ инсургентами, и умѣютъ защищать порядокъ и уваженіе къ законамъ». «Никогда,—пишетъ Арт. Арну (II, 40) — я не видѣлъ лицъ такихъ раздосадованныхъ, настроенія такого раздражительнаго, общаго вида такого сварливаго». На совѣщаніи съ Центральнымъ Комитетомъ будущій соперникъ Гамбетты, Клемансо — «на половину пособникъ попытки переворота (захвата орудій), на половину обманутый этою попыткою» (Liss. 107)—говорилъ: «Возстаніе имѣло незаконный поводъ..... Скоро Комитетъ станетъ смѣшонъ и его декреты станутъ презираемы. Кромѣ этого Парижъ не имѣетъ права возставать противу Франціи и долженъ безусловно принять авторитетъ собранія. Для Комитета существуетъ только одинъ путь изъ этого безвыходнаго положенія: передать мѣсто его

собранія депутатамъ и мэрамъ, которые рѣшились добыть отъ Собранія то, чего требуетъ Парижъ». И Мильеръ, теоретикъ соціальной революціи въ «Марсельезѣ», теперь членъ палаты, отвѣчалъ на заявленія объ автономіи коммунъ, о ихъ федераціи (что все входило, какъ мы видѣли, въ прежній его планъ): «Часъ соціальной революціи еще не пробилъ. Прогрессъ достигается болѣе медленнымъ путемъ.... Я васъ умоляю уступить мѣсто собранію депутатовъ и мэровъ; ваше довѣріе будетъ оправдано». Наконецъ, соціалистъ - представитель рабочаго движенія, Малонъ, говорилъ: «Положеніе опасно... Ясно, что Собраніе не захочетъ ничего слушать, пока Комитетъ будетъ занимать Ратушу. Если же, напротивъ, Парижъ передастъ себя своимъ законнымъ представителямъ, я полагаю, что они могутъ сдѣлать болѣе, чѣмъ вы». Между тѣмъ въ самомъ Комитетѣ, во время преній, одни говорили о «соціальной революціи», о «федераціи коммунъ» о «свободномъ городѣ Парижѣ»; другіе отрицали, что Комитетъ имѣетъ полномочія разсуждать объ этомъ и ограничивали вопросъ производствомъ выборовъ. Варлэнъ поставилъ требованія чисто муниципальныя: избранный муниципальный совѣтъ, отмѣну префектуры полиціи, право для національной гвардіи выбирать свое начальство и измѣнять свою организацію, провозглашеніе республики, какъ правительства признаннаго закономъ, уступку неуплаченныхъ платежей по наймамъ квартиръ, справедливый законъ объ уплатѣ по векселямъ, свободу парижской территоріи отъ присутствія войскъ. Пренія продолжались делегатами Комитета въ собраніи депутатовъ и мэровъ. Время уходило. «Парижъ—пишетъ Арт. Арну (II, 48 и сл.) — городъ иллюзій..... Большинство населенія такъ же горячо желало избѣжать междуусобной войны, какъ и твердо рѣшилось отстаивать свои права,... развить въ своей средѣ новую жизнь, опирающуюся на принципъ радикальной реформы, политической и соціальной. — Оно не представляло себѣ, что во Франціи есть человѣкъ,

способный мечтать, хотѣть, приказать осаду столицы Франціи. Оно не представляло себѣ, что есть во Франціи французское правительство, способное мечтать, хотѣть, приказать страшную истребительную войну противъ перваго города въ мірѣ... Его мэры, его депутаты обѣщали ему уступки. Оно ждало этихъ уступокъ, разсчитывало на нихъ, и даже тѣ, которые лучше всѣхъ знали Версальцевъ, которые всего лучше видѣли глубокую пропасть, зіяющую подъ нашими ногами, не рѣшились еще вѣрить въ столь отвратительную рѣшимость... Это были фатальныя иллюзіи, какъ фатальна была неподвижность Центральнаго Комитета, такъ какъ всякая революція, не идущая впередъ, осуждена на вѣрное пораженіе».

Выборы были отложены сперва на 23-е, потомъ на 26-е марта. Интернаціоналъ, наконецъ, рѣшительно приступилъ къ дѣлу Коммуны и пригласилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ поддерживать выборы въ нее. «Отсутствіе солидарности—говорила его прокламація 23 марта («Mur. Pol.» II, 52—53) — вызвало всеобщее раззореніе, породило войну въ обществѣ: лишь помощью свободы, равенства, солидарности можно стремиться къ утвержденію порядка на новыхъ основаніяхъ, къ новой организаціи труда, который есть первое условіе порядка.—Работники! коммунальная революція провозглашаетъ эти принципы; она устраняетъ въ будущемъ всѣ поводы къ столкновенію.., Независимость Коммуны составляетъ залогъ договора, свободно обсуждаемыя условія котораго прекратятъ сословный антагонизмъ и обезпечатъ общественное равенство.—Мы требовали эмансипаціи работниковъ и коммунальное представительство гарантируетъ ее, такъ какъ оно даетъ каждому гражданину средство защищать свои права, дѣйствительно контролировалъ дѣятельность лицъ, уполномоченныхъ имъ на управленіе его интересами, и установитъ постепенное приложеніе общественныхъ реформъ... Работники! мы боролись, мы научились страдать за нашъ принципъ равенства; мы не

въ правѣ отступить, когда мы можемъ содѣйствовать тому, что будетъ положенъ первый камень общественнаго зданія».—Мэры и депутаты хотѣли оттянуть дѣло до первыхъ чиселъ апрѣля. Варленъ, членъ всѣхъ коммиссій переговоровъ, къ сожалѣнію болѣе всѣхъ стремившійся къ соглашенію, два раза пошелъ на уступки, подъ вліяніемъ группы, гдѣ господствовалъ Луи-Бланъ, одинъ изъ тѣхъ людей, по выраженію Арну, «съ которыми нельзя вести знакомства, которыхъ нельзя слушать, присутствія которыхъ нельзя выносить, не испытывая нѣкотораго умственнаго упадка, ослабленія всѣхъ силъ воли». Комитетъ долженъ былъ отрѣчься отъ этихъ уступокъ. Но его нерѣшительность, его колебанія, его воздержаніе отъ нападенія на враговъ, произвели свое дѣйствіе. Враги усиливались въ самомъ Парижѣ. На сторону деморализующей группы посредниковъ и примирителей становилось большинство прессы: 33 журнала напечатали 21 марта общую прокламацію къ избирателямъ Парижа, гдѣ отрицали право Комитета дѣлать выборы и отсовѣтывали избирателямъ принимать въ нихъ участіе (Lefr. 157-8; Liss. 124). На сторону мэровъ и депутатовъ Парижа стала молодежь политехнической школы и другихъ буржуазныхъ школъ, прежніе сторонники всѣхъ политическихъ революцій (Liss. 104). На площади Биржи группировались 21 марта вооруженные инсургенты противъ Комитета, сторонники версальскаго собранія. Они укрѣпились въ мэріяхъ нѣсколькихъ округовъ, на главной станціи желѣзной дороги въ Версаль и двинулись къ Вандомской площади. Городъ былъ раздѣленъ на двое. Съ двухъ сторонъ улицы Ришелье стояли часовые двухъ разныхъ лагерей. Въ тотъ же день 21 марта Жюль Фавръ громилъ въ Версалѣ Парижъ, находящійся въ рукахъ «горсти злодѣевъ, которые ставятъ выше правъ Собранія какой-то кровавый и хищный идеалъ», и призывалъ Собраніе къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Парижа. Жалкіе посредники - примирители, которымъ не

задолго передъ тѣмъ было сказано въ Комитетѣ, что Комитетъ не можетъ уступить имъ мѣсто, потому что «они непопулярны и лишены всякаго вліянія въ Собраніи» (Liss. 109), теперь выслушивали изъ устъ Тьера замѣчаніе: «Къ чему послужили бы уступки? Развѣ вы пользуетесь авторитетомъ въ Парижѣ? Развѣ васъ слушаютъ въ Ратушѣ?» (тамъ же, 126). Наконецъ, Національный Банкъ, который выдалъ безъ сопротивленія милліонъ 19 марта, теперь, 22 марта, становился неуступчивъ. — Комитетъ не могъ болѣе оставаться въ своемъ выжидающемъ положеніи и едва онъ выказалъ энергію, его непосредственные враги, еще далеко не сильные, немедленно распались въ прахъ. Новые генералы національной гвардіи (Брюнэль, Дювалъ, Эдъ), назначенные вмѣсто Люлье — котораго пришлось запереть, такъ какъ алкоголизмъ довелъ его до бѣлой горячки—были люди рѣшительнаго дѣйствія. Они говорили: «Время парламентаризма прошло... Надо дѣйствовать» (Liss. 135). При первой угрозѣ Банкъ исполнилъ требованія. Первое энергическое движеніе баталіоновъ національной гвардіи обратило въ ничто возстаніе приверженцевъ Версаля. Какъ только самые демократическіе члены группы мэровъ и депутатовъ (Мильеръ, Малонъ, Жакларъ, Дерэръ) сознали, что имъ не мѣсто въ рядахъ примирителей, вся группа пошла на уступки. Этому помогло извѣстіе о провозглашеніи коммуны въ Ліонѣ, и сближеніе версальскаго правительства съ бонапартистами (Liss. 134). Выборы были назначены на 26 марта общею прокламаціею Центральнаго Комитета, мэровъ и 5 депутатовъ Парижа (хотя и послѣ мелкой борьбы самолюбій), и совершились въ полномъ порядкѣ. Въ нихъ приняло участіе 230.000 избирателей (болѣе $^2/_3$ наличныхъ избирателей). (Arn. II, 55; Lefr. 175). 28 марта *Парижская Коммуна была провозглашена.*

Я не хочу довѣрять собственнымъ впечатлѣніямъ этого дня. Не хочу цитировать и впечатлѣнія тѣхъ, которые привѣтствовали этотъ день, какъ первую, хотя весьма

блѣдную зарю республики пролетаріата. Подобно Лефрансэ (176) и Арну (II, 76), я приведу слова противника Коммуны, Мендеса (Les 73 jours de la Commune), объ этомъ *народномъ* празднествѣ: «Одинъ за другимъ выступали на площадь баталіоны съ музыкою во главѣ. Музыка играла Марсельезу, которую подхватывали 50.000 голосовъ. Этотъ вокальный громъ волновалъ всѣ души. Вдругъ выстрѣлы. Пѣніе усиливается. Громадная волна знаменъ, штыковъ, кепи движется, волнуется, тѣснится около эстрады. Пушки гремятъ, но ихъ выстрѣлы слышны только въ промежуткахъ пѣнія. Затѣмъ всѣ голоса соединяются въ одно восклицаніе, въ одинъ всеобщій голосъ безсчетной толпы, и у всѣхъ этихъ людей одна душа, какъ одинъ крикъ». «Да здравствуетъ Коммуна!»

---

7. Коммуна.

Парижъ имѣлъ выборное правительство. Центральный Комитетъ былъ избавленъ отъ своей диктатуры и своей отвѣтственности. Оставляя власть, онъ смѣло говорилъ парижанамъ: «будьте братьями между собою и поручите братьямъ руководить васъ; твердо и мужественно идите по пути будущаго; проповѣдуйте примѣрами, доказывая другимъ цѣнность свободы, и вы навѣрное достигнете ближайшей цѣли — *Всемірной Республики*» (Mal. 127) Новое правительство могло наконецъ дѣйствовать, не стѣсняясь затрудненіями случайнаго положенія Центральнаго Комитета... Но 10 дней было потеряно и еще наканунѣ выборовъ Тьеръ говорилъ Тирару (бывшему въ числѣ кандидатовъ въ Коммуну, и выбранному на другой день): «Я уже организую заново армію. Надѣюсь, что

черезъ двѣ или три недѣли мы будемъ имѣть достаточную силу чтобы освободить Парижъ» (Enq. 18 Mars, II, 342). Артюръ Арну сознается, говоря о времени Коммуны (III, 101-102): «Время успѣшной борьбы противъ Версаля минуло. Она была возможна лишь въ первые дни Центральнаго Комитета, а съ тѣхъ поръ все перемѣнилось».

Передъ дѣятелями Коммуны стояло одновременно нѣсколько задачъ крайне трудныхъ, почти неразрѣшимыхъ, и между тѣмъ всѣ эти задачи приходилось рѣшать за разъ, рѣшать сейчасъ же, и это возможно было только при самой большой энергіи членовъ Коммуны, при ихъ полной самоотверженности, при полномъ согласіи между ними и при единствѣ ихъ дѣятельности, при совершенной ясности для нихъ того пути, которымъ слѣдовало идти. Рѣшеніе большинства этихъ задачъ было уже затруднено тѣмъ положеніемъ, которое относительно ихъ было принято Центральнымъ Комитетомъ.

Прежде всего надо было существовать въ Парижѣ и организовать ежедневное удовлетвореніе потребностей полуторамилліоннаго населенія при полномъ разстройствѣ всѣхъ учрежденій и вѣдомствъ, такъ какъ Тьеръ постарался не оставить ни одного изъ нихъ на мѣстѣ.

Затѣмъ надо было вести войну противу ожесточеннаго и неумолимаго врага. Ему дали время опомниться и укрѣпиться. Нѣсколько отрывочныхъ комуналыныхъ возстаній во Франціи было уже подавлено. Приходилось отстаивать Парижъ отъ усиливающагося Версаля. Въ этомъ заключался «узелъ вопроса», какъ выражается Артюръ Арну (II, 156). Коммуна, говоритъ Лиссагарэ (225), это былъ «лагерь мятежниковъ».—Для того, чтобы эта вторая, самая насущная задача была исполнена, надо было, рядомъ съ непосредственною борьбою противъ версальцевъ, отыскать союзниковъ Парижу и подавить внутри его враждебные элементы. Приходилось, на сколько можно, организовать содѣйствіе или хотя бы сочувствіе внутри Франціи и внѣ ея. Приходилось бороться противу многочисленныхъ

внутреннихъ враговъ, которые наполняли Парижъ и вчера еще бунтовали около Биржи и на Вандомской площади, имѣли своихъ представителей въ управленіи, въ національной гвардіи, имѣли свою прессу, свои собранія, почти явно сносились съ версальцами и становились рѣшительнѣе и дерзче при всякой неосторожности, при всякой неудачѣ Коммуны. Приходилось поддерживать въ этой борьбѣ духъ населенія, утомленнаго предшествующей долгой осадой, останавливать въ немъ ростъ деморализаціи, которая была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой неудачи и всякой неосторожности. Въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ первыхъ дней борьбы: на сколько первыя удачныя дѣйствія могли усилить энергію Парижа, продолжить и увеличить деморализацію въ Версалѣ, вызвать сочувствіе и содѣйствіе во Франціи, на столько первыя рѣшительныя неудачи должны были имѣть самое гибельное дѣйствіе для сторонниковъ Коммуны.

Третья задача заключалась въ политическомъ самоопредѣленіи Коммуны, какъ формы государства. Какъ представитель парижскаго пролетаріата въ его новой революціи, Совѣтъ Коммуны долженъ былъ заявить свои права на политическое существованіе, провести свою политическую программу въ виду разнообразныхъ претензій на руководство событіями, предъявленныхъ около него. Онъ долженъ былъ выставить свою политическую программу и отстоять ее въ виду версальскаго правительства, которое имѣло за себя старую легальность и рутину; въ виду всей Франціи, которая привыкла и слѣдовать примѣру Парижа и смотрѣть съ завистью на его фактическую диктатуру; въ виду многочисленныхъ политическихъ враговъ Коммуны, экономическихъ враговъ пролетаріата, находившихся въ самомъ Парижѣ; въ виду, наконецъ, личныхъ честолюбій и разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ одновременно въ томъ самомъ революціонномъ конгломератѣ, который оказался руководителемъ дѣлъ 18 марта. Если Коммунѣ не суждено

было одержать фактическую побѣду надъ врагами, то ея представителямъ предстояло по крайней мѣрѣ провозгласить принципы, которые вызвали возстаніе парижскаго пролетаріата противу выборнаго правительства Франціи и эти принципы, заявленные въ распоряженіяхъ, которыя не имѣли надежды быть немедленно приведенными въ дѣйствіе, могли составить завѣщаніе Парижской Коммуны 1871 года для будущаго. «Такъ какъ Совѣтъ Коммуны—говоритъ Лиссагарэ (253)—сдѣлался, силою вещей, борцомъ за революцію, такъ какъ онъ присвоилъ себѣ права націи, то онъ долженъ провозгласить права, до которыхъ додумался нашъ вѣкъ, и, если онъ погибнетъ, онъ долженъ оставить на своей могилѣ по крайней мѣрѣ свое знамя».

Можно было бы подумать, что всего хуже выйдетъ исполненіе первой задачи, такъ какъ рабочимъ или журналистамъ приходилось браться за дѣло, которое, какъ обыкновенно думали, требовало долгой рутинной практики. Можно было надѣяться, что даже въ случаѣ полной неудачи военнаго сопротивленія, всего блистательнѣе выйдетъ исполненіе послѣдней задачи, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, въ Коммунѣ присутствовали и ей содѣйствовали всѣ представители соціалистической и радикально-демократической интеллигенціи Парижа и почти всей Франціи. Но оба эти предположенія не оправдались. Какъ администраторы и организаторы управленія обширнаго города, представители парижскаго пролетаріата оказались не только не хуже, но едва ли не лучше представителей обычной чиновничьей рутины. Практическая сообразительность, энергія и дѣйствительное желаніе принести пользу обществу легко побѣдили здѣсь всѣ препятствія. Но совсѣмъ иную картину представляетъ принципіальное самоопредѣленіе Коммуны; ни замѣчательный умъ многихъ представителей движенія, ни ихъ самоотверженная энергія, ни ихъ готовность жить для своихъ убѣжденій и умереть за нихъ, не могли замѣнить недостатка единства ихъ

взглядовъ на задачи революціи 18 марта 1871 года, недостатка организаціи передовой партіи, участвовавшей въ этомъ движеніи, недостатка опредѣленнаго плана дѣйствій въ отношеніи къ элементамъ, враждебнымъ соціализму, и лишь при внимательномъ разсмотрѣніи разныхъ элементовъ этого движенія можно и теперь установить тѣ принципіальныя основанія, которыя составили дѣйствительную подкладку пестрыхъ событій этой эпохи, и которыя Коммуна завѣщала будущему, если и была безсильна ясно и опредѣленно провести ихъ въ своей практической дѣятельности.

Финансы были въ рукахъ Журда, имѣвшаго въ 1868 году торговое заведеніе, и переплетчика Варлэна; во главѣ почтоваго вѣдомства стоялъ рѣзчикъ Тейсъ; во главѣ монетнаго двора — Камелина, мастеровой по бронзовому дѣлу; во главѣ общественныхъ вспоможеній — Трельяръ, изгнанникъ 1851 года; телеграфы, государственныя имущества находились подъ руководствомъ Фонтэна; Фольe и Комбо должны были устроить вѣдомство сборовъ; Дебокъ (Debock) управлялъ національной типографіей. Было уже сказано выше, что всѣ эти вѣдомства были дезорганизованы Тьеромъ при оставленіи Парижа; большинство чиновниковъ получило приказаніе переѣхать въ Версаль подъ опасеніемъ удаленія отъ службы. «Ни въ ратушѣ, ни въ министерствахъ, ни въ одной изъ мэрій — пишетъ Арт. Арну (II, 107) — не осталось ни одного чиновника. Чтобы знать, гдѣ находятся отдѣленія, чтобы знать, напримѣръ, гдѣ находятся книги, въ которыя вписываютъ браки, рожденія, кончины, приходилось обращаться къ консьержу, если онъ остался на мѣстѣ, или терять цѣлые дни на отыскиваніе самыхъ простыхъ вещей, спрятанныхъ нарочно, часто увезенныхъ. Когда я съ Паскалемъ Груссэ вошелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, нашими руководителями были швейцаръ и чистильщикъ, которые, не имѣя возможности дать намъ иныя свѣдѣнія, сообщили намъ, по крайней мѣрѣ, топо-

графію зданія. И такъ надо было все создать, отъ A до Z, все возстановить, начиная съ записыванія рожденій и кончинъ, до выметанія и до освѣщенія улицъ». Между тѣмъ, подъ вліяніемъ неутомимой энергіи делегатовъ Коммуны, всѣ главныя отправленія Парижа продолжались. Ежедневно находили 675.000 франковъ, чтобы оплачивать общественную службу, кормить 250.000 человѣкъ, удовлетворять потребностямъ войны. Всѣ расходы Коммуны обошлись болѣе 46 милліоновъ и оборотъ совершался такъ же правильно, какъ въ обычное время. Въ 46 часовъ былъ приведенъ въ порядокъ сборъ и раздача писемъ въ Парижѣ и ловкіе агенты бросали за 10 миль отъ Парижа письма въ провинцію; при этомъ жалованіе низшихъ почтовыхъ агентовъ было увеличено. Монетный дворъ дѣйствовалъ успѣшно, даже по усовершенствованнымъ методамъ, и слитки цѣнностью въ 1.100.000 были перечеканены въ 5-франковыя монеты. Госпитали, пріюты, оставленные служащими и медиками, быстро получили правильную организацію и надлежащій персоналъ. Телеграфы, управленіе государственными имуществами, національная типографія дѣйствовали дешевле и правильнѣе чѣмъ въ обычное время (Liss. 241-244). Рабочіе и мелкіе чиновники-пролетаріи оказались сразу способными вести всѣ тѣ отрасли общественной службы, которыя составляютъ удовлетвореніе ежедневныхъ потребностей общества и считались до тѣхъ поръ неизбѣжною монополіею людей, выросшихъ среди канцелярской традиціи и принадлежащихъ къ господствующимъ классамъ.

Парижъ по провозглашеніи Коммуны быстро принялъ свой обычный видъ. Населеніе, жаждавшее успокоенія послѣ тяжелаго періода первой осады и бурнаго періода затѣмъ послѣдовавшаго до 28 марта, и надѣявшееся на мирное разрѣшеніе столкновенія между Парижемъ и Версалемъ, было готово вернуться къ обычному порядку. Даже самые серьезные журналы буржуазіи (Le Temps) признавались, что они ошибались, отсовѣтуя гражданамъ

приступать къ выборамъ въ Коммуну (Lauj. Corr. 161). Толпа искателей мѣстъ хлынула въ ратушу осаждать просьбами членовъ Коммуны (Lefr. 209), но она исчезла при громѣ орудій осаждающихъ. Порядокъ и безопасность на улицахъ Парижа не только не уменьшились, но увеличились съ тѣхъ поръ какъ Парижъ самъ сталъ наблюдать за благочиніемъ. Ярмарка ветчины и ярмарка пряниковъ справлялись въ Парижѣ обычнымъ порядкомъ въ обычное время (Mur. Pol. II, 132-133, 203). «Никогда — пишетъ Артюръ Арну (III, 78 и слѣд.) — Парижъ не пользовался такимъ безусловнымъ спокойствіемъ, не былъ такъ безопасенъ въ матеріальномъ отношеніи... Не было ни жандармовъ, ни судей! и не совершено ни одного проступка... Всѣ сами наблюдали за своею безопасностью и за безопасностью каждаго....» И въ другомъ мѣстѣ (III, 47): «Въ эти два мѣсяца былъ ли хоть одинъ грабежъ? была ли расхищена хоть одна касса? Проникли ли силою хотя въ одно жилище внѣ политическаго повода..... Въ 4-мъ округѣ, за двумя-тремя исключеніями, самые богатые, какъ самые бѣдные магазины оставались открыты...., начиная съ мѣнялы, ювелира и часовщика, которые выставляютъ въ своихъ витринахъ цѣлыя богатства, до магазина платья, безчисленные предметы въ которомъ казались насмѣшкою, вызовомъ для баталіоновъ, идущихъ въ траншеи, въ грязи, подъ дождемъ, въ дурной блузѣ, въ слишкомъ тонкихъ панталонахъ, въ дырявой обуви... Въ нѣкоторыхъ аристократическихъ кварталахъ... магазины были, напротивъ, закрыты и брошены хозяевами, и эти закрытыя ставни, которыя вдоль улицъ были какъ бы оскорбленіемъ побѣдоносному народу, остались нетронуты, ни одна не была взломана». При этомъ, замѣчаетъ Арну (III, 51), вооруженные батальоны состояли изъ соціалистовъ, которые, расходясь во многомъ, «сходились въ экономическихъ вѣрованіяхъ... Тутъ не было колебанія о ихъ правѣ и о его предѣлахъ.—Нѣтъ.—Они *понимали* свое право и *могли* осуществить его.— Они *не захотѣли*

просто потому, что, сознавая свое право, имъ противно было примѣшать къ нему насиліе». И таковы не только свидѣтельства сторонниковъ Коммуны. Когда президентъ слѣдственной коммиссіи спросилъ начальника полиціи Клода о томъ, не увеличилось ли число преступленій въ началѣ 1871 года, Клодъ отвѣчалъ положительно, что съ января до 18 марта оно «уменьшилось», относительно же времени Коммуны ему пришлось неохотно сознаться, что увеличеніе числа преступленій «не могло быть доказано» (Enq. 18 Mars, II, 206). — Парижъ рабочихъ съумѣлъ охранить безопасность и спокойствіе на улицахъ, даже слишкомъ щепетильно охраняя матеріальное могущество своихъ непримиримыхъ враговъ.

Къ сожалѣнію, дѣло было совсѣмъ иначе въ той спеціальности, отъ которой зависѣло самое существованіе Коммуны, въ спеціальности военнаго дѣла. Участіе въ вооруженной оборонѣ общества прежде входило въ обязанность каждаго свободнаго его члена, но уже въ продолженіе 400 лѣтъ выработалась спеціальная военная техника, которая отдѣляла военныхъ, какъ сословіе, отъ массы общества. Въ періодъ первой революціи произошло временно сближеніе между войскомъ и націей въ ея цѣломъ, но расколъ еще усилился вслѣдствіе послѣдующаго развитія цезаризма и реакціи, которая изъ войска стала вырабатывать въ особенности пособниковъ полиціи для поддержки внутри государства существующихъ правительствъ. Матеріальныя средства обороны въ возставшемъ Парижѣ были довольно значительны. «Коммуна—пишетъ Лиссагарэ (207)—имѣла въ своемъ распоряженіи 60.000 человѣкъ, привыкшихъ къ бою, 200.000 ружей, 1200 орудій, 5 отдѣльныхъ фортовъ, линію укрѣпленій, защищенную Монмартромъ, Бельвилемъ, Пантеономъ, которые господствуютъ надо всѣмъ, военныхъ припасовъ на нѣсколько лѣтъ, если ей угодно — милліарды богатствъ». Но ей недоставало военныхъ людей. Ни соціалисты, ни крайніе демократы, выработавшіеся изъ классовъ мирнаго

труда и кабинетныхъ занятій, не могли дать спеціалистовъ по военному дѣлу. Обычныя занятія и обычный ходъ мысли дѣятелей народной революціи сдѣлали ихъ чуждыми военной техникѣ и мало способными даже контролировать дѣйствія военнаго начальства. Въ то же время традиція Конвента, коммисары котораго распоряжались арміями, смѣняли и гиліотинировали генераловъ, вызвала въ нѣкоторыхъ членахъ Коммуны стремленіе контролировать дѣйствія вѣдомства, которое могло сдѣлаться опаснымъ для общественной свободы, вѣдомства, изъ котораго и въ древнее и въ новое время выходили цезари-диктаторы. Такимъ образомъ самыя условія, въ которыхъ зародилась и дѣйствовала Коммуна, дѣлали, съ одной стороны, мало вѣроятнымъ, чтобы изъ среды возставшаго пролетаріата могло выдвинуться достаточно спеціалистовъ военнаго дѣла для облегченія выбора изъ нихъ способнѣйшаго и для быстрой замѣны неспособныхъ болѣе надежными; съ другой стороны, эти же условія вызывали недовѣріе къ тому самому вѣдомству, отъ котораго зависѣло самое существованіе революціоннаго правительства; вызывали стѣсненіе этого вѣдомства правительствомъ, въ сущности неспособнымъ контролировать военное дѣло, а, вслѣдствіе всего этого, разстраивали военную дисциплину и лишали военное начальство возможности дѣлать быстрыя и энергическія распоряженія въ минуту, когда отъ быстроты и энергіи этихъ распоряженій зависѣло все будущее Коммуны. Эти фатальныя условія имѣли слѣдствіемъ сначала случайные выборы распорядителей военнымъ дѣломъ; потомъ — многократную ихъ смѣну вслѣдствіе непрерывнаго ряда неудачъ и во внѣшней дѣятельности и во внутреннихъ распоряженіяхъ; наконецъ, при растущей деморализаціи и отсутствіи дисциплины въ національной гвардіи, полное безсиліе даже способныхъ, энергическихъ и преданныхъ дѣлу личностей сдѣлать что либо для обороны Парижа. Ограничусь самымъ бѣглымъ очеркомъ фактовъ.

Мы видѣли выше, что алкологическое помѣшательство Люлье повело къ его смѣнѣ. Еще Центральный Комитетъ передалъ 24 марта начальство войсками тремъ делегатамъ: Брюнэлю, Эду и Дювалю «до пріѣзда Гарибальди», который былъ провозглашенъ главнокомандующимъ еще 13 марта (Lanj. Corr, 136). При раздѣленіи Совѣта Коммуны на коммиссіи, Эдъ, Бержерэ, Дювалъ и Флурансъ были въ числѣ членовъ военной коммиссіи, а первые три, въ то же время, въ числѣ членовъ коммиссіи исполнительной. Званіе главнокомандующаго было уничтожено 1 апрѣля, Брюнель былъ устраненъ и начальство военными силами раздѣлено между Эдомъ, Бержерэ и Дювалемъ (тамъ же, 179). Въ тотъ же день Тьеръ объявлялъ Франціи, что въ Версалѣ «приходитъ къ концу организація одной изъ прекраснѣйшихъ армій, которыя когда либо имѣла Франція» (тамъ же, 184); армія эта, впрочемъ, едва доходила до 43.000 (Liss. 182). Но все зависѣло отъ перваго успѣха. Тьеръ рѣшился аттаковать. Послѣ 70 дней покоя по заключеніи перемирія съ пруссаками, Парижъ услышалъ снова громъ выстрѣловъ 2 апрѣля. Первая неожиданная аттака версальцевъ въ Курбвуа была удачна. Начались разстрѣливанія плѣнныхъ инсургентовъ. Но этотъ первый выстрѣлъ вызвалъ пламенный энтузіазмъ Парижа и 200.000 человѣкъ вооруженныхъ собралось въ нѣсколько часовъ на улицахъ и на площадяхъ для защиты свободы Коммуны.*) Инсургенты требовали чтобы ихъ вели на Версаль. Уже нѣсколько дней журналъ Піа призывалъ къ аттакѣ. Въ засѣданіи исполнительной коммиссіи генералы Эдъ, Бержерэ, Дювалъ настаивали на немедленномъ нападеніи. Но

*) Я беру цифру 200.000 у Лефрансэ (217) и Артюра Арну (II, 144). Лиссагарэ даетъ 80.000 (184), не указывая данныхъ. Книга Арну вышла двумя годами позже Лиссагарэ и онъ удерживаетъ и *подчеркиваетъ* принятую мною цифру.

большинство исполнительной коммиссіи (Лефрансэ, Піа, Тридонъ и Вальянъ) потребовало подробнаго отчета о состояніи военнаго персонала и матеріала, устройства мастерскихъ для починки оружія, устройства провіантской и обозной службы, учрежденія практической стрѣльбы въ цѣль, и подало голоса противъ немедленной вылазки (Lefr. 219 и сл.). Тѣмъ неменѣе 3 апрѣля вылазка была произведена. «Большинство баталіоновъ — пишетъ Лиссагарэ (186) — не имѣло начальниковъ съ 18 марта; національная гвардія неимѣла кадровъ; генералы, бравшіе на себя отвѣтственность предводительствовать 40.000 человѣкъ, никогда не водили въ бой и одного баталіона. Они пренебрегли самыми элементарными мѣрами, не съумѣли собрать ни артиллеріи, ни обоза, ни госпитальныхъ фуръ, забыли издать приказъ, оставили солдатъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ безъ продовольствія подъ дѣйствіемъ проницающаго тумана. Вслѣдствіе этого каждый шелъ къ тому начальнику, къ которому вздумалось идти. Многіе не имѣли патроновъ, думая, что это только демонстрація». Болѣе снисходительные и сдержанные Лефрансэ и Артюръ Арну говорятъ: «Наши молодые генералы поняли дѣло иначе; уступивъ своему увлеченію почти столько же, какъ благородному нетерпѣнію арміи Коммуны, они не побоялись взять на себя самую ужасную отвѣтственность, и не обратили вниманія на только что объявленныя имъ рѣшенія исполнительной коммиссіи... Всюду военные припасы и продовольствіе пришли слишкомъ поздно, или не были направлены въ пункты, гдѣ въ нихъ нуждались.—Разстройство достигло высшей степени и Коммуна была въ этотъ день на два шага отъ своей гибели... Эта двойная неудача попытки, плохо обдуманной и дурно подготовленной, имѣла для комуналистическаго движенія самыя печальныя послѣдствія. — Кромѣ того, что она уронила военныя силы Коммуны въ глазахъ ея внѣшнихъ враговъ, она очень уменьшила число ея солдатъ, которые потеряли

довѣріе къ начальникамъ, начали дезертировать изъ баталіоновъ. Это пораженіе придало смѣлости и врагамъ внутреннимъ». (Left. 220—222). «Эта вылазка совершилась безъ вѣдома Коммуны, безъ согласія исполнительной коммиссіи. Она совершилась какъ внезапный порывъ, съ безпорядкомъ, неизбѣжнымъ при подобныхъ обстоятельствахъ, прежде чѣмъ артиллерія, доставка военныхъ припасовъ и продовольствія была обезпечена, наконецъ подъ огнемъ Mont Valerien... Эта вылазка была ошибкою со всѣхъ точекъ зрѣнія и потому, что она была приготовлена безъ предосторожностей, необходимыхъ при столь сложной операціи, и потому, что она совершилась въ ненормальныхъ условіяхъ, подъ огнемъ непріятельской крѣпости, и потому, что она подвергала съ перваго дня національную гвардію пораженію, чего должно всегда избѣгать съ молодыми войсками, въ высшей степени впечатлительными. — Существующій энтузіазмъ, двѣсти тысячъ человѣкъ требующихъ битвы—это были, конечно, значительныя силы, серьезныя поддержки для побѣдоноснаго сопротивленія, но лишь при условіи распоряжаться этими силами искусно и бережливо. Надо было внушить довѣріе этой арміи гражданъ, пріучать ее ежедневно къ войнѣ, пускать ее въ небольшія рекогносцировки, гдѣ бы она имѣла успѣхъ, а не ставить все на одну карту... Этого не поняли наши молодые генералы, допустивъ народному движенію увлечь себя, вмѣсто того чтобы придать ему стройность и направить его... Къ этой первой ошибкѣ они прибавили другую, немепѣе серьезную, пуская въ дѣло армію Коммуны безъ согласія Коммуны». (Arn. II, 146—148). Слишкомъ извѣстенъ исходъ этой вылазки. Флурансъ и Дюваль погибли. Mont Valerien, на нейтралитетъ котораго надѣялись, разгромилъ колонну инсургентовъ. Всѣ отряды вернулись въ Парижъ разстроенные, съ громадными потерями, деморализованные. Эта неудача убила первый энтузіазмъ, убила вѣру въ предводителей и была рѣшительнымъ

ударомъ для всего движенія. Можно сказать, что участь Парижа была въ эту минуту рѣшена.

Разстройство военнаго вѣдомства выказалось вполнѣ. «Штабъ былъ лишенъ направленія; офицеры были импровизированы, большею частью неспособны; интенданство не существовало; администрація не существовала»—такъ рисуетъ положеніе дѣлъ Малонъ (205). Эдъ и Бержерэ были лишены командованій. Генералы были удалены изъ исполнительной коммиссіи и замѣнены Делеклюзомъ, Вермореленъ и Курнэ. Лефрансэ счелъ нужнымъ выйти изъ ися (Lefr. 223 и слѣд). Въ рукахъ Клюзерэ были концентрированы всѣ военныя операціи. Его начальникомъ штаба сдѣланъ Россель. Это были единственные военные спеціалисты въ арміи коммуны. Лица, стоявшія во главѣ легіоновъ, «выказали вообще болѣе личной храбрости, чѣмъ военныхъ способностей». Тогда выдвинулись на первый планъ польскіе эмигранты революціонеры: Ярославъ Домбровскій, Врублевскій, а также участникъ войны противъ пруссаковъ, Ла Сесилія. Лиссагарэ, вообще рѣзкій въ своихъ отзывахъ, очень рѣзко отзывается о Клюзерэ, «этомъ военномъ памфлетистѣ, который игралъ роль китайской тѣни въ трехъ возстаніяхъ» (209), этомъ «распущенномъ фанфаронѣ, который былъ лишь неудачнымъ рутинеромъ фронта, несмотря на его новаторскія замашки» (246). Но и Лефрансэ говоритъ, что «вслѣдствіе своихъ профессіональныхъ предразсудковъ, Клюзерэ долженъ былъ играть въ Коммунѣ роль Трошю. Подобно Трошю, онъ не вѣрилъ ни въ мужество національной гвардіи, ни, особенно, въ возможность употребить съ пользою для военныхъ дѣйствій политическія убѣжденія и увлеченіе федерированныхъ баталіоновъ. Наконецъ, подобно Трошю, онъ какъ будто рѣшился выжидать, когда оба лагеря (осажденные и осаждающіе), утомившись борьбою, окончатъ ее какою либо сдѣлкой». Но всѣ историки согласны въ крупной ошибкѣ, сдѣланной имъ въ первыхъ же своихъ распоряженіяхъ. Онъ

началъ реорганизацію національной гвардіи тѣмъ, что разстроилъ ея баталіоны и, по примѣру первой осады, отдѣлилъ маршевые баталіоны, заключающіе всѣхъ гражданъ отъ 19 до 40 лѣтъ, отъ резервныхъ. Это лишило Коммуну «самыхъ энергическихъ защитниковъ, людей съ сѣдыми волосами, первыхъ и послѣднихъ въ огнѣ всѣхъ возстаній», говоритъ Лиссагарэ (219). «Это была самая гибельная мѣра» пишетъ Лефрансэ (230 и слѣд.), считая въ 100.000 уменьшеніе оборонительныхъ силъ вслѣдствіе ея и замѣчая, что съ тѣхъ поръ баталіоны не превосходили численностью 250 человѣкъ, а, въ большей части случаевъ, 100 человѣкъ. «Ничто не ослабило такъ защиту, не дезорганизировало настолько баталіоны» — подтверждаетъ и Артюръ Арну (II, 149) и развиваетъ подробно вредъ, принесенный этою мѣрою, которая разрушила только что развившееся единство баталіоновъ, отнимала у Коммуны многихъ преданныхъ защитниковъ, принуждала идти драться за Коммуну людей внутренно ей враждебныхъ, оставляла въ резервныхъ баталіонахъ вооруженными враговъ Коммуны и начинала новую организацію, новые выборы начальства подъ огнемъ непріятеля. «Не слѣдовало забывать — пишетъ онъ (II, 150) — что междоусобная политическая война, все величіе и все оправданіе которой заключается въ убѣжденіяхъ участниковъ, не солдатъ, но *живыхъ идей*, не можетъ быть ведена такъ, какъ война съ чужеземнымъ завоевателемъ». Надо прибавить къ этому, что именно молодежь Парижа —т. е. персоналъ маршевыхъ баталіоновъ—вся выросла подъ развращающимъ вліяніемъ имперіи (сорокалѣтнимъ людямъ 1871 года была 20 лѣтъ въ эпоху переворота) и, слѣдовательно, почти всѣ, хранившіе традиціи іюньскихъ дней 1848 г., были исключены изъ непосредственной защиты Коммуны. Много неудовольствій и обвиненій и очень мало пользы принесла и мѣра *обязательной* службы для всѣхъ, подъ опасеніемъ отнятія оружія. Между тѣмъ баррикадированіе Парижа было пренебре-

жено; «Коммуна создала *коммиссію баррикадъ*, публиковала по этому поводу распоряженіе за распоряженіемъ, даже истратила немало денегъ, но ничего полезнаго и осмысленнаго сдѣлано не было» (Arn. II, 153). А военное начальство встрѣчало препятствія во внутреннемъ недостаткѣ дисциплины. Клюзерэ «былъ во враждѣ съ Центральнымъ Комитетомъ, которымъ Коммуна не съумѣла воспользоваться, не умѣвъ и отдѣлаться отъ него, и который вполнѣ сохранилъ свое вліяніе на федерированныя войска» (Lefr. 251). Замѣна Бержерэ Домбровскимъ вызвала не только неудовольствіе, но и сопротивленіе. Бержерэ пришлось арестовать (Liss. 218). Домбровскій скоро пріобрѣлъ и сочувствіе и довѣріе (см. слова Жоаннара въ засѣданіи Коммуны 25 апрѣля. «Journ. Off.», № 116), но порядокъ въ распоряженіяхъ военнаго вѣдомства никогда не установился, и въ то время какъ начальники передовыхъ силъ требовали помощи, эта помощь была, большею частью, крайне недостаточна (Liss. 220 и далѣе много разъ). Весь дальнѣйшій ходъ обороны, при самыхъ блестящихъ подвигахъ героизма, при самомъ поразительномъ самоотверженіи меньшинства, представляетъ картину самой печальной дезорганизаціи. «Военная администрація—говорилъ членъ Коммуны Растуль въ засѣданіи 25 апрѣля (Journ. Off. № 116)—это—организованная дезорганизація». «Генералы—пишетъ Лиссагарэ (256 и слѣд.)—получали лишь одно приказаніе: защищайтесь! Общаго плана никогда не существовало. Ни Клюзерэ, ни Росселъ не собирали военнаго совѣта. Войска были такимъ образомъ предоставлены сами себѣ, безъ заботъ и наблюденія. Смѣны были рѣдки или ихъ совсѣмъ не было. Вся тяжесть падала все на однихъ и тѣхъ же. Одни баталіоны оставались въ траншеяхъ по 20 и по 30 дней, тогда какъ другіе были постоянно въ резервѣ... Эта беззаботность убила скоро всякую дисциплину. Люди храбрые скоро захотѣли зависѣть лишь отъ самихъ себя; другіе уклонялись отъ службы. Такъ же поступали и

офицеры; одни бросали свой постъ, чтобы идти на помощь сосѣду, выдерживавшему огонь; другіе уходили въ городъ... Съ 20 апрѣля, для всякаго опытнаго глаза дѣло обороны осуждено. Внутри города, дѣятельные, преданные люди истощаются въ утомительной борьбѣ съ канцеляріями, комитетами, отдѣленіями комитетовъ, съ претензіями тысячи механизмовъ соперничествующихъ администрацій и теряютъ цѣлый день, чтобы получить одну пушку. На брустверахъ нѣсколько артиллеристовъ громятъ версальскія линіи, и, требуя лишь хлѣба и желѣза, оставляютъ свои орудія лишь тогда, когда ихъ уносятъ бомбы. Отдѣльные форты, съ пробитыми казематами, съ разрушенными амбразурами, отвѣчаютъ смѣясь граду снарядовъ, падающихъ съ высотъ. Храбрые застрѣльщики безъ прикрытія захватываютъ солдатъ арміи въ ихъ норахъ. Самоотверженіе, героизмъ возносятся (подобно букету ракетъ) сіяющими столбами, чтобы погаснуть въ пустотѣ. Предъ вами какъ бы котелъ паровой машины, изъ котораго паръ уходитъ чрезъ сотни отверстій..... Вѣдомство военнаго министерства было какъ бы темной комнатой, гдѣ всѣ сталкивались. Канцелярія министерства была наполнена офицерами, простыми гвардейцами, которые требовали военныхъ припасовъ, продовольствія, жаловались, что ихъ не смѣняютъ. Ихъ отсылали въ комендантство... Въ нижнемъ этажѣ Центральный Комитетъ, помѣщенный тамъ Клюзерэ, волновался въ безпорядочныхъ засѣданіяхъ... Артиллерійскій комитетъ спорилъ изъ-за пушекъ съ военнымъ министерствомъ... Никогда не удалось устроить одного общаго парка, ни даже имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ орудій. Орудія дальняго бросанія лежали до послѣдней минуты у брустверовъ, между тѣмъ какъ фортамъ приходилось отвѣчать 7 сентиметровыми и 12 сентиметровыми орудіями на громадныя морскія орудія; доставленные снаряды часто не соотвѣтствовали калибру орудій. Интенданство, облѣпленное авантюристами всѣхъ сортовъ, брало поставки закрывъ

глаза. Постройка баррикадъ... была поручена фантазеру, разбрасывавшему работы безъ всякаго метода... Всѣ прочія отрасли управленія дѣйствовали также, безъ руководящихъ принциповъ, безъ разграниченія, цѣпляясь одна за другую какъ попало... Генералъ—призракъ, растянувшись на канапе, выпускалъ приказанія, циркуляры, то меланхолическіе, то докторальные, и не двигалъ пальцемъ чтобы наблюдать за ихъ исполненіемъ. Если какой либо членъ Коммуны встряхивалъ его: «Что вы дѣлаете? тамъ-то грозитъ опасность,» онъ гордо отвѣчалъ: «Я принялъ всѣ предосторожности; дайте время моимъ соображеніямъ осуществиться.»

30 апрѣля исполнительная коммиссія смѣнила Клюзерэ и арестовала его, обвиняя въ беззаботности если не въ измѣнѣ. Управленіе военнымъ дѣломъ было поручено Росселю, «молодому радикалу 28 лѣтъ, не разговорчивому пуританину... Его холодность, его техническая фразеологія, ясность его рѣчи, его маска великаго человѣка восхитили канцеляріію, но тѣ, кто изучалъ его, замѣтили его непрямой взглядъ, вѣрный признакъ неспокойной души. Мало по малу, молодой офицеръ-революціонеръ вошелъ въ моду и его фигура римскаго консула понравилась публикѣ послѣ распущенности Клюзерэ» (Liss. 246—247). На назначеніе его временнымъ делегатомъ по военному дѣлу Россель отвѣтилъ исполнительной коммиссіи: «Я принимаю эти трудныя обязанности, но, чтобы не быть подавленнымъ обстоятельствами, мнѣ нужно ваше содѣйствіе самое полное, самое безусловное (Lanj. Corr. 367). «Россель—говоритъ Артюръ-Арну (II, 155)—былъ только военный. Онъ никогда не вѣрилъ въ баррикады, такъ какъ солдатъ не любитъ и не понимаетъ этой уличной войны, которая составляетъ самый духъ народа, особенно народа парижскаго.» «Никто—пишетъ болѣе рѣзкій Лиссагарэ (272)—не понималъ такъ мало Парижа, національной гвардіи. Онъ считалъ Père Duchesne истиннымъ выраженіемъ рабочихъ. Едва назна-

ченный, онъ вздумалъ размѣстить національную гвардію по казармамъ, стрѣлять въ бѣглецовъ. Онъ хотѣлъ расформировать легіоны и образовать изъ нихъ полки, въ которые онъ назначилъ бы полковниковъ. Центральный Комитетъ протестовалъ. Баталіоны пожаловались Коммунѣ, которая призвала въ свою среду Росселя. Онъ изложилъ проэктъ ясно, какъ спеціалистъ, сжато и точно... Совѣту показался онъ человѣкомъ и прельстилъ совѣтъ. Однако его проэктъ состоялъ въ расформированіи національной гвардіи; общаго же плана обороны онъ не давалъ.. Онъ не далъ никакого отчета о военномъ положеніи. Приказалъ постройку втораго ряда баррикадъ и трехъ цитаделей въ Монмартрѣ, Трокадеро и Пантеонѣ, но самъ не позаботился объ этомъ... Никогда онъ не далъ генераламъ никакой инструкціи для нападенія или для обороны.» — Впрочемъ, періодъ управленія Росселя военнымъ дѣломъ въ Коммунѣ былъ такъ коротокъ и положеніе его было такъ затруднительно, что очень не трудно было растеряться и надѣлать ошибки и болѣе сильному уму и характеру. Уже 3 мая Центральный Комитетъ отправилъ въ Коммуну депутацію, требуя себѣ распоряженія военнымъ министерствомъ. Въ Коммунѣ поддерживалъ эти претензіи Феликсъ Піа, ненавидѣвшій Росселя (Liss. 273 и сл.). Отношеніе разныхъ властей осталось неопредѣленнымъ. Піа посылалъ приказанія Врублевскому помимо Росселя и по этому поводу поднялся снова вопросъ о томъ, «слѣдуетъ ли распустить Центральный Комитетъ, или арестовать его, или поручить ему управленіе военнымъ министерствомъ» (Liss. 282). Въ то же время Россель собирался разстрѣливать депутацію начальниковъ легіоновъ, которые пришли къ нему требовать отмѣны его распоряженій относительно національной гвардіи. Однако дѣло кончилось переговорами, въ которыхъ Россель согласился, что сила не въ его рукахъ, но отрицалъ, чтобы федеральное начальство могло бы само сдѣлать что нибудь, и для доказательства

требовалъ, чтобы ему собрали на другой день 12.000 человѣкъ на площадь Согласія. Собрать могли только между 7.000 и 10.000. Въ Коммунѣ требовали между тѣмъ ареста Росселя, который публиковалъ о занятіи версальцами форта Исси. Тогда Россель 9-го же мая написалъ членамъ совѣта Коммуны: «Я не считаю себя способнымъ нести болѣе отвѣтственность начальствованія, гдѣ всѣ обсуждаютъ и никто не повинуется. Когда пришлось организовать артиллерію, Центральный артиллерійскій комитетъ обсуждалъ, но ничего не предписалъ... Я хотѣлъ содѣйствовать централизаціи оружія, реквизиціи лошадей, преслѣдованію уклоняющихся отъ службы... Коммуна обсуждала и ничего не рѣшила... Центральный Комитетъ федераціи почти навязывалъ свое содѣйствіе военному управленію... Я принялъ это содѣйствіе... Съ тѣхъ поръ Центральный Комитетъ обсуждаетъ, но еще не успѣлъ дѣйствовать. Между тѣмъ непріятель дѣлалъ на фортъ Исси нападенія, произведенныя на удачу и легкомысленныя, за которыя я наказалъ бы его, если бы имѣлъ малѣйшую военную силу въ своемъ распоряженіи... Вчера, въ то время, какъ всѣ должны были быть на работѣ или въ бою, начальники легіоновъ совѣщались. Изъ ихъ совѣщанія получился проэктъ, когда нужны были люди, и заявленія принциповъ, когда нужно было дѣйствовать... Я не остановился бы предъ репрессивными мѣрами. и вчера, пока начальники легіоновъ совѣщались, отрядъ, готовый разстрѣлять ихъ, ждалъ на дворѣ. Но я не хочу брать одинъ на себя иниціативу энергической мѣры, взвалить на себя одного ненавистныя казни, которыя надо было бы совершить, чтобы извлечь изъ этого хаоса организацію, послушаніе и побѣду... Предо мною два пути: сломить препятствіе, которое мѣшаетъ мнѣ дѣйствовать, или удалиться. Я не сломлю препятствія, потому что препятствіе, это—вы и ваша слабость: я не хочу наложить руку на общественную власть. Я удаляюсь и имѣю честь просить для себя келью въ

тюрьмѣ Мазасъ» (Lanj. Corr., 435—437). Письмо это появилось въ журналахъ. Россель былъ смѣненъ, отданъ подъ судъ, между тѣмъ какъ иные хотѣли сдѣлать его диктаторомъ. Призванный предъ судъ Коммуны, онъ скрылся. Делеклюзъ былъ назначенъ распорядителемъ военнаго дѣла. Лиссагарэ очень обвиняетъ Росселя, который, какъ думаетъ этотъ авторъ, «по своему положенію долженъ былъ съ самого начала знать и лицъ, съ которыми онъ будетъ имѣть дѣло, и средства, которыми будетъ располагать». Лиссагарэ говоритъ о паникѣ, вызванной обнародованіемъ письма Росселя. Но положеніе дѣлъ въ военномъ отношеніи было уже такъ дурно, что ничто помочь ему не могло.

О Делеклюзѣ Лиссагарэ говоритъ (315): «Безпорядокъ, господствовавшій въ военномъ дѣлѣ, сдѣлалъ химерическою всякую оборону. Делеклюзъ принесъ лишь свое самоотверженіе. Слабохарактерный, не смотря на свою рѣзкую внѣшность, онъ зависѣлъ отъ своего штаба.» Фіо пишетъ (442): «Делеклюзъ, принявъ власть, приносилъ на службу Коммунѣ лишь популярность своего имени и авторитетъ жизни, проведенной въ борьбѣ и въ страданіяхъ за республику.» Лапжаллэ и Корьезъ замѣчаютъ (440), что «его умъ не могъ замѣнить недостатка техническихъ свѣдѣній.» Но и о немъ можно сказать, что никакія свѣдѣнія не помогли бы въ данномъ положеніи, а для чести Коммуны хорошо было, что хотя предъ концомъ ея во главѣ военнаго дѣла стоялъ человѣкъ, которому вѣрили, и который находился въ дѣйствительно-сочувственныхъ отношеніяхъ съ героическими остатками защитниковъ Парижа, разстроенными, дезорганизованными, чуждыми самыхъ элементарныхъ и необходимыхъ элементовъ военной дисциплины въ осажденномъ городѣ, но до конца стоявшими за красное знамя революціи пролетаріата съ той furia francese, которая едва ли встрѣчается у другихъ націй. «Когда Делеклюзъ вступилъ въ военное министерство—пишетъ Артюръ-Арну (II, 155

и слѣд.) — было уже очень поздно соображать и вознаградить потерянное время... Главная ошибка всѣхъ касавшихся сблизи или издали до военнаго министерства... заключалась въ желаніи вести войну правильную, *классическую... Большинство* (Коммуны) требовало постоянно революціонныхъ мѣръ. Именно въ этой области надо было приложить ихъ. Здѣсь все было дозволено, потому что здѣсь лежалъ узелъ вопроса и на почвѣ побѣдоносной обороны соглашеніе установилось бы безъ борьбы, безъ колебанія... Чего недоставало Коммунѣ, это—геніальнаго военачальника, и геніальнаго въ смыслѣ революціонномъ; такого, который понялъ бы положеніе, создалъ бы для исключительныхъ обстоятельствъ исключительный планъ. — Объ этомъ подумали, но подумали не опредѣленно, отрывочно, непослѣдовательно. Ничто не было организовано... Знаете ли, почему никто объ этомъ не подумалъ, или, если подумалъ, то не нашелъ около себя сочувствія? Потому что этого не было въ революціонной традиціи. Парижъ не былъ осажденъ въ 1793 г. Конвентъ не принялъ никакихъ мѣръ этого рода... Прошедшее тяготѣло надъ нами все время и вмѣсто того, чтобы примѣнять дѣйствія къ обстоятельствамъ, иные подумали, что, повторяя дѣйствія отцевъ, мы спасемъ Коммуну, какъ люди Конвента на минуту спасли родину и республику.»

Разсказывать военную агонію Коммуны было бы лишнее: сдѣлавшись уже неотвратимымъ послѣдствіемъ всего предыдущаго, эта агонія проходила чрезъ свои фатальные фазисы. Первое и единственное собраніе военнаго совѣта въ осажденномъ Парижѣ имѣло мѣсто 13 мая. (Liss., 314). Версальцы вступили въ Парижъ 21 мая. Оборона вся была предоставлена личной иниціативѣ. «Если бы малѣйшій общій планъ — пишетъ Лиссагарэ (358) — руководилъ могучими средствами обороны, если бы Монмартръ и Пантеонъ встрѣтили непріятеля перекрестнымъ огнемъ, версальское войско расплавилось бы

въ Парижѣ.» Делеклюзъ напечаталъ 22 мая прокламацію: «Довольно милитаризма!... Дайте мѣсто народу, бойцамъ съ голыми руками! Пробилъ часъ революціонной войны... Народъ ничего не понимаетъ въ ученыхъ маневрахъ. Но когда у него въ рукѣ ружье, подъ ногами камень улицъ, онъ не опасается никакихъ стратегистовъ монархической школы!—Къ оружію граждане!... Коммуна полагается на васъ, положитесь на Коммуну!» (Mur. Pol. II, 558). «Когда военный министръ осуждаетъ всякую дисциплину — пишетъ Лиссагарэ по поводу этой прокламаціи (346),—кто же захочетъ еще повиноваться? Если онъ отказывается отъ всякаго метода, кто захочетъ разсуждать? И вотъ сотни людей откажутся оставить свою улицу, не будутъ обращать вниманія на агонію сосѣдняго квартала, останутся неподвижны до конца и будутъ ждать, пока армія прійдетъ ихъ брать силой.»

На другой день взятъ «безъ битвы, безъ осады, даже безъ отчаяннаго протеста» Монмартръ, «эта неприступная крѣпость — пишетъ Лиссагарэ (363) — гдѣ нѣсколько сотъ рѣшительныхъ людей могли бы противиться всей арміи версальцевъ.» Въ тотъ же день былъ убитъ Домбровскій. 25 мая убитъ Делеклюзъ. Въ 11 часовъ утра 28 мая взята послѣдняя баррикада на улицѣ Рампонно, защищенная въ послѣднюю четверть часа *однимъ* человѣкомъ (Liss., 423). — Оканчивалась «кровавая недѣля,» которая едва ли была превзойдена чѣмъ либо въ исторіи такъ называемой новой цивилизаціи по бѣшенству реакціи, по безобразію и возмутительности убійствъ, совершенныхъ «представителями легальности» подъ руководствомъ «освободителя» Тьера и при аплодисментахъ всей позорной банды французскаго либерализма, радикализма и даже выдохшагося соціализма учениковъ Прудона и послѣдователей Луи-Блана, всѣхъ этихъ патріотовъ и свободныхъ мыслителей, которые, въ промежуткѣ между двумя доносами или между двумя казнями, называли себя вольтеріянцами, матеріалистами, позитивистами, масонами,

филантропами, борцами за свободу и истину. Грязь и кровь, которою запачкали свои руки *всѣ* эти сторонники Тьера, Мак-Магона, Гамбетты, *всѣ* эти участники въ привѣтѣ версальской арміи палачей, *всѣ* эти пособники «коммиссіи убійцъ», присутствовавшіе не возмущаясь и не краснѣя за Францію при всемъ процессѣ «помилованій» этой коммиссіи, никогда не смоется съ ихъ именъ, заклейменныхъ исторіею, какъ бы имена эти ни были громки въ другихъ сферахъ дѣятельности, и надо надѣяться, что *хотя бы этотъ разъ* французскій пролетаріатъ *не забудетъ* имена и дѣла этихъ людей при первой своей побѣдѣ.— «Надо обратиться—пишетъ довольно умѣренный либералъ Фіо (566)—къ проскрипціямъ Суллы, Антонія и Октавія, чтобы встрѣтить такія убійства въ исторіи цивилизованныхъ націй; религіозныя войны при послѣднихъ Валуа, Варфоломѣевская ночь, эпоха Террора были въ сравненіи съ ними дѣтскими играми. Въ одну послѣднюю недѣлю мая въ Парижѣ поднято 17.000 труповъ федерированныхъ инсургентовъ... Убивали еще около 15 іюня». Въ Манифестѣ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала находимъ еще ранѣе то же сравненіе «кровавой недѣли» съ эпохой проскрипцій тріумвировъ («Civ. War,», 29—30): «Та же хладнокровная бойня огуломъ. То же отсутствіе вниманія при убійствахъ къ возрасту и полу; та же система мучить плѣнныхъ; тѣ же проскрипціи, но охватывавшія теперь цѣлый классъ людей; та же дикая охота за скрывшимися предводителями изъ опасенія, чтобы который либо не ускользнулъ; тѣ же доносы на политическихъ и частныхъ враговъ; то же полное равнодушіе къ избіенію лицъ, совершенно чуждыхъ столкновенію. Разница была лишь въ томъ, что у римлянъ не было митральезъ, чтобы истреблять разомъ толпы подпавшихъ проскрипціи; что они убивали не «во имя закона» и не взывали къ «цивилизаціи!»— Эта «цивилизація» возмущала даже корреспондентовъ англійскихъ *консервативныхъ* газетъ, когда они видѣли, что на буль-

варахъ, въ кафе и въ cabinets particuliers шумно пили и развратничали всю ночь побѣдители въ то самое время, когда по улицамъ гнали толпами жертвъ на разстрѣляніе, отъ времени до времени гремѣли митральезы палачей и 6000 инсургентовъ бродило въ лабиринтахъ парижскихъ катакомбъ, Даже дрянная душонка журналиста Эрвэ (Hervè) разглядѣла въ этомъ праздничномъ среди крови Парижѣ — «парижанъ эпохи паденія (les parisiens de la decadence)».

Въ предъидущемъ очеркѣ я упомянулъ лишь о непосредственныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Версаля, такъ какъ мѣры для того, чтобы вызвать парижскому движенію отголосокъ внутри Франціи и обезпечить себѣ внѣшнюю поддержку, а также мѣры для подавленія внутреннихъ враговъ, тѣсно связаны съ внутреннею политическою исторіею Коммуны, съ тою дѣятельностью, помощью которой ея Совѣтъ формулировалъ и отстаивалъ свою политическую программу, какъ представителя революціи пролетаріата. Посмотримъ, что было сдѣлано и что могло быть сдѣлано въ этомъ отношеніи Совѣтомъ Коммуны въ томъ составѣ, въ которомъ онъ началъ дѣйствовать 28 марта 1871 г., когда замолкли клики восторга, громовые звуки «марсельезы», привѣтственные выстрѣлы артиллеріи и Коммуна стала лицомъ къ лицу со своею политическою задачею.

Совершившаяся революція была торжествомъ пролетаріата; какъ же могъ заявить себя побѣдоносный пролетаріатъ? Если рабочій соціализмъ, провозглашенный Интернаціоналомъ, былъ соціальною истиною, то переворотъ экономическій былъ единственный насущный, и экономической задачѣ должны были подчиниться всѣ политическія отношенія. Какъ говорили Мильеры и Верморели, надо было установить *равенство* путемъ экономическимъ и тогда только можно было осуществить политическую *свободу* для всѣхъ и каждаго. Пока эконо-

мическое неравенство существовало и тяготѣло надъ большинствомъ, невозможно было ни правильно поставить, ни удовлетворительно рѣшить многочисленные вопросы о свободѣ собраній, о правильныхъ выборахъ представителей, объ отношеніяхъ администраціи къ администрируемымъ, объ автономіи личности въ группѣ, группы въ обширномъ политическомъ цѣломъ, объ автономіи и федераціи коммунъ въ виду политическаго единства Франціи. Только рѣшительный переворотъ, который сразу поставилъ бы экономически пролетаріевъ въ уровень съ ихъ вчерашними владыками, далъ бы здоровый базисъ для построенія политическаго цѣлаго, которое осуществило бы революцію въ пользу пролетаріата. Но чтобы подобный базисъ могъ быть сразу завоеванъ, чтобы подобный переворотъ могъ совершиться, необходимо было, чтобы *заранѣе* планъ этого переворота и значеніе для него экономическаго базиса были выработаны въ своихъ главныхъ началахъ: необходимо было, чтобы въ средѣ пролетаріата и сочувствующихъ ему группъ или единицъ изъ болѣе обезпеченныхъ классовъ была *заранѣе* организована партія, рѣшившаяся дѣйствовать по этому плану ; необходимо было, чтобы въ минуту взрыва, эта партія вынесла во главу движенія представителей своей мысли, сознающихъ свою революціонную миссію, готовыхъ принять на себя отвѣтственность за шагъ, который заключаетъ въ себѣ всегда много загадочнаго и невѣрнаго, личностей, вполнѣ опредѣленно относящихся къ частнымъ задачамъ революціи; необходимо было, чтобы эти люди были въ новомъ правительствѣ достаточно многочисленны и между собою съ перваго же шага достаточно согласны, чтобы отстоять свой планъ противъ товарищей, которые не усвоили бы еще смысла борьбы пролетаріата съ господствующими силами стараго общества; необходимо было, чтобы это большинство революціоннаго правительства, вынесенное во главу своими сторонниками, явилось предъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ съ опредѣленною программою, не

навязывая массамъ декретами фантастическій строй, имъ непонятный, но привлекая къ своей программѣ массы тѣмъ пониманіемъ ихъ интересовъ, которое позволило бы программѣ, предложенной новымъ правительствомъ, съ первой же минуты быть усвоенной массами, какъ ихъ же мысли, желанія, стремленія, только выраженныя ясно, сжато, систематически, опредѣленно, и по этому позволило бы этой программѣ быть немедленно осуществимой. Представители пролетаріата въ правительствѣ должны были быть самою сильною группою, самою опредѣленною по своей теоретической программѣ новаго строя, самою рѣшительною по практическимъ мѣрамъ, ею предлагаемымъ. Только тогда они могли восторжествовать надъ рутиною сторонниковъ традиціонной политики, надъ неизбѣжнымъ отсутствіемъ политическаго пониманія у массъ, которыя всегда идутъ за тѣмъ, кто менѣе колеблется въ мысли и въ дѣйствіи.

Могъ ли Совѣтъ Коммуны 28 марта удовлетворить этимъ требованіямъ?

Тамъ были представители новаго движенія рабочаго соціализма, но они были въ меньшинствѣ; это были частью рабочіе, избранные подъ растущимъ вліяніемъ Интернаціонала (между прочимъ: Варленъ, Малонъ, венгерецъ Франкель, Дювалъ, Ранвье, Тейсъ; всего 25 рабочихъ) частью представители соціалистической прессы или народныхъ собраній (Лефрансэ, Верморель, Лонгэ, Артюръ Арну, Валлесъ) или отдѣльныя личности, примкнувшія къ Интернаціоналу и соціализму изъ господствующихъ классовъ (Белэ, Журдъ, Курбэ). Большинство группировалось около традиціонной программы революціоннаго якобинизма, представителями котораго были люди 1848 г., сѣдые борцы, имѣвшіе наибольшее вліяніе на товарищей (Делеклюзъ, Гамбонъ, Феликсъ Піа) или около диктаторіальной программы Бланки (самъ Бланки былъ арестованъ внѣ Парижа и никогда не засѣдалъ въ Коммунѣ, но наиболѣе замѣчательные представители его

идей были: Рауль Риго, Феррэ, Паскаль Груссэ, Вальянъ). *) Обѣ послѣднія группы скоро слились въ одну.— Къ этимъ революціоннымъ элементамъ, участвовавшимъ въ движеніи, которое разрѣшилось взрывомъ 18 марта, присоединился въ выборахъ политической общины—Парижа и элементъ противниковъ этой революціи. Въ немъ были консерваторы, какъ Тираръ, находившіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Тьеромъ; тамъ были непродумавшіе свои задачи соціалисты-прудонисты, какъ Мюра; книжные демократы, какъ позитивистъ Робинэ. Были тамъ и пробующіе сближеніе со всѣми элементами, балансирующіе сторонники будущаго оппортюнизма: Ранкъ, Улисъ Паранъ. Были и искренніе сторонники невозможнаго примиренія съ Версалемъ. Почти всѣ эти личности или сейчасъ или очень скоро вышли изъ Совѣта Коммуны; они могли бы быть представителями Парижа— свободнаго города подъ управленіемъ буржуазіи, но были совершенно неумѣстны въ совѣтѣ общины, которая волею или неволею, сознательно или безсознательно, полно или неполно, но все таки представляла революцію пролетаріата и хотя бы слабую попытку создать формы общества, соотвѣтствующія этой революціи.—Къ этимъ группамъ и личностямъ, выражавшимъ разнообразныя политическія тенденціи присоединялся еще хвость *случайныхъ* кандидатовъ въ Коммуну, получившихъ законное большинство голосовъ вслѣдствіе разнообразныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ Парижѣ при отсутствіи народныхъ организованныхъ партій. Значительное число кандидатуръ въ Коммуну, пишетъ Лиссагарэ (175) «возникли въ публичныхъ собраніяхъ, доведенныхъ до бѣлокалильнаго жара противодѣйствіемъ мэровъ» и давшихъ «первыхъ попавшихся фразеровъ, все имущество которыхъ заключалось въ нѣсколькихъ рутинныхъ изреченіяхъ 93-го года,

*) Въ предыдущемъ я не отличаю избранныхъ 22 марта отъ избранныхъ 16 апрѣля.

или самыхъ рѣзкихъ жестикуляторовъ, иногда даже не провѣривъ ихъ прошедшаго». «Большинство избранныхъ— говоритъ онъ далѣе о членахъ Совѣта Коммуны—принадлежало къ мелкой буржуазіи и къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ; это—счетчики, публицисты, медики, юристы. Внѣ немногихъ, серьезно изучавшихъ дѣло, это полузнаменитости журнальнаго міра, общественныхъ собраній, столь же чуждые политическому и административному механизму буржуазіи, какъ и рабочіе, но при этомъ проникнутые чрезмѣрнымъ желаніемъ выставлять всюду свою личность. Какъ господствующій элементъ, такъ и оппозиція состояла изъ революціонной партіи, затемненной романтиками и тщеславными паразитами, которыхъ могли удалить изъ ея среды лишь время и опытъ.—Но времени недостало. На долю народа никогда не приходится больше одного часа. Горе ему, если онъ тогда не готовъ, не вооруженъ вполнѣ.»—Подобные опрометчивые выборы какъ тѣ, которые оказались въ этомъ случаѣ, произойдутъ всегда, когда движеніе предоставлено случайностямъ и кандидаты не выставляются заранѣе организованными партіями съ обдуманными и ясно опредѣленными цѣлями.—Нѣкоторые выборы оказались въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ опрометчивы. Коммунѣ пришлось самой арестовать двухъ своихъ членовъ, Бланшэ (собственно Пуриля) и Эмиля Клемана, какъ бывшихъ сыщиковъ, злостныхъ банкротовъ («Journ. Off.» № 126, 141), пришлось удалить и помѣшаннаго Алликса (Arn. II, 117; «Journ. Off.» № 132). Само собою разумѣется, что не было парламента въ Европѣ, гдѣ не находился бы гораздо большій процентъ извѣстныхъ мошенниковъ, которыхъ никогда не думали исключать, но то, что проходитъ незамѣтнымъ и кажется естественнымъ въ собраніяхъ рутиннаго легализма, вызываетъ громкіе крики и нескончаемые укоры когда дѣло идетъ о собраніи, которое является представителемъ идей передовыхъ и революціонныхъ.

Конечно, въ этомъ совѣтѣ Коммуны, куда отсутствіе предварительной организаціи передовой партіи дало возможность проникнуть слишкомъ многимъ неспособнымъ и вреднымъ элементамъ, можно было разсчитывать на преобладаніе наиболѣе развитаго и энергическаго меньшинства надъ случайно-попавшими туда элементами. Но и тутъ спеціальное положеніе Коммуны и сложность ея задачъ имѣла слѣдствіемъ, что подобное сплоченіе группъ естественныхъ руководителей преніями и распоряженіями Совѣта не могло имѣть мѣста. Въ то самое время, когда Коммуна должна была дѣйствовать, какъ центральный руководитель, какъ правительственное цѣлое, ея членамъ приходилось разбрасываться на тысячи работъ и утомляться этимъ разбрасываніемъ до послѣдней крайности. Артюръ Арну такъ свидѣтельствуетъ о занятіяхъ членовъ Коммуны (II, 110 и слѣд.): «Мы были истощены работой, подавлены утомленіемъ, не имѣя для себя ни минуты отдыха, ни мгновенія, когда спокойное размышленіе могло бы имѣть мѣсто и оказать свое благотворное вліяніе... Какъ члены Коммуны, мы вообще засѣдали два раза въ сутки; въ 2 часа и вечеромъ до глубокой ночи... Кромѣ того каждый изъ насъ былъ членомъ коммиссіи соотвѣтствовавшей разнымъ министерствамъ, и которой была поручена администрація одного изъ отдѣловъ: *народное просвѣщеніе, военное дѣло, продовольствіе, внѣшнія сношенія, полиція* и т. д. *), управленіе которыми было достаточно, чтобы на него употребить всѣ силы одного человѣка. Съ другой стороны, мы были мэры, чиновники внутренняго управленія и составляли администрацію нашихъ округовъ **). Многіе изъ насъ начальствовали коммандами въ національной гвардіи и не было, можетъ быть, ни одного изъ насъ, которому не приходилось бы ежеминутно бѣжать на аванпосты, отправ-

*) Всѣхъ коммиссій было 10.

**) Декретъ 31 марта (Lanj. Corr. 175).

ляться въ форты, чтобы поддерживать духъ сражающихся, выслушивать ихъ требованія, распоряжаться по этому поводу или составлять себѣ понятіе о военномъ положеніи. И такъ каждому изъ насъ приходилось, въ этихъ ужасныхъ условіяхъ, когда малѣйшая ошибка, малѣйшее неправильное движеніе могло компрометировать все, принимать на себя и совершать тысячу разнообразныхъ работъ, которыя требовали бы восемь или десять человѣкъ... Кромѣ того, ни одно засѣданіе не проходило безъ неожиданныхъ эпизодовъ, которые внезапно отвращали умы отъ благоразумнаго и зрѣлаго разсужденія, чтобы вызвать страсти». Совершенно понятно, что именно интеллигентное, развитое меньшинство членовъ Коммуны было завалено самыми разнообразными порученіями и отвлечено отъ засѣданій въ центральномъ учрежденіи. Изъ 78 членовъ иные (какъ Клюзерэ) никогда, другіе (Брюнэль, Эдъ, Бержерэ) почти никогда не засѣдали въ Совѣтѣ; «въ дѣйствительности, всегда недоставало по крайней мѣрѣ 20 человѣкъ, отсутствіе которыхъ доводило до 50 число тѣхъ, которые обсуждали и вотировали декреты» (Arn. II, 116), а такъ какъ «естественно, съ разными порученіями, или делегатами въ разныя министерства, назначались люди, умственному значенію которыхъ наиболѣе довѣряли, то собраніе, которое засѣдало, обсуждало, вотировало, было часто лишено присутствія большинства тѣхъ, которые могли бы оказывать самое благотворное и преобладающее вліяніе на рѣшенія, принятыя подъ вліяніемъ дѣйствительнаго меньшинства личностей, болѣе ревностныхъ, чѣмъ понимающихъ дѣло» (тамъ же, 117). Совершенно понятно, что, при этихъ условіяхъ, люди традиціонной рутины имѣли много шансовъ преобладать надъ представителями передовой программы, и лишь энергическое и согласное установленіе программы передовою партіею могло придать сколько нибудь единства и цѣлесообразности дѣятельности Совѣта Коммуны, какъ центральнаго, руководящаго цѣлаго.

Но были ли люди этой передовой партіи—интернаціоналисты, рабочіе-соціалисты, представители соціалистической прессы—готовы дѣйствовать по одному плану, по одной опредѣленной программѣ? Мы видѣли, что прошедшее давало мало ручательства въ этомъ отношеніи. Въ Интернаціоналъ проникли во время первой осады крайне разнообразные революціонные элементы и наканунѣ 18 марта только что думали о преобразованіи секцій, о новой организаціи, которая придала бы парижскому Интернаціоналу болѣе силы и единства; конечно, во время Коммуны, некогда было уже этимъ заниматься. Организація рабочей партіи была далека до надлежащей выработки, когда пролетаріатъ оказался господствующимъ въ Парижѣ. Журналисты соціалистической прессы были такъ разнообразно настроены, что мы видѣли Мильера, который недавно писалъ о революціонной диктатурѣ, дѣйствующимъ въ числѣ примирительныхъ и дезорганизующихъ депутатовъ и мэровъ; этотъ одинъ изъ сильнѣйшихъ умовъ партіи держался нѣкоторое время вдали отъ Коммуны и работалъ въ « La Commune » рядомъ съ прудонистомъ Дюшеномъ, который 19 мая писалъ о «безсмыслiи и глупости шалапаевъ (polissons) и жалкихъ людей (droles),» какъ онъ называлъ членовъ Коммуны. Къ концу апрѣля Мильеръ снова совершенно примкнулъ къ движенію и пытался организовать дѣйствіе Парижа на Францію, но ему никогда не довѣряли въ ратушѣ (Liss. 264). Верморель послѣ революціи 18 марта сталъ издавать журналъ « L'Ordre » (вышло 4 номера; № 1—20 марта), который имѣлъ цѣлью предотвратить междоусобную войну и призывалъ къ дѣятельности парижскую буржуазію (!), чтобы устранить какъ версальскую реакцію, такъ и революціонное правительство, которое могли бы Парижу навязать Бельвиль и Монмартръ; уговаривалъ эту буржуазію—т. е. главнымъ образомъ сторонниковъ той самой «либеральной партіи,» которую онъ такъ энергически казнилъ еще недавно — создать «правильную

власть, признанную и уважаемую всѣмъ населеніемъ Парижа».—При этомъ разбродѣ мыслей, при этомъ отсутствіи заранѣе установившагося взгляда на задачу революціи пролетаріата, трудно было ожидать единства въ передовыхъ группахъ, присутствовавшихъ въ Совѣтѣ Коммуны.

Изъ 23 членовъ Коммуны, принадлежавшихъ Интернаціоналу, *) пять перешли въ группу большинства, слѣдовавшаго якобинской традиціи. Остальные составили съ перваго дня, по словамъ Малона (136), плотную группу,**) но имъ «недоставало знанія и опытности, необходимыхъ для политическихъ дѣятелей... Ихъ жизнь была жизнь труда и утомленія, и лишь въ свободное время, на счетъ необходимаго отдыха, они могли научиться тому немногому, что они знали» (Mal. 148). Кромѣ того, именно они, наиболѣе знакомые въ своихъ округахъ, были наиболѣе поглощены мелкою работою въ мэріяхъ, въ разныхъ мѣстахъ Парижа.—Естественнымъ элементомъ связи и руководящихъ идей должны были быть люди соціалистической литературы, но въ этомъ отношеніи результатъ предшествующаго разъединенія и отсутствіе организаціи горько отозвался въ эту трудную минуту и ясно отразился въ книгѣ Артюра Арну. «Кромѣ Бэлэ и Лефрансэ—пишетъ онъ—ни одинъ изъ насъ (соціалистическаго меньшинства въ Совѣтѣ Коммуны) не могъ дѣятельно участвовать въ событіяхъ предшествовавшихъ имперіи.... Проснувшись къ нравственной жизни подъ

---

*) Фрибургъ предъ слѣдственной коммиссіей говорилъ о 18 членахъ Интернаціонала въ Совѣтѣ Коммуны (Enq. 18 Mars, II, 570), но я слѣдую Малону, который называетъ 17 выбранныхъ 26 марта (Mal. 134—135) и 6 выбранныхъ 16 апрѣля (158).

**) Впрочемъ, не совсѣмъ плотную, такъ какъ Варлена и еще долѣе Франкеля мы встрѣчаемъ не разъ въ рядахъ вотирующихъ со сторонниками большинства.

ярмомъ, мы его ненавидѣли, боролись съ нимъ каждый по своему, кто съ перомъ въ рукахъ, кто живымъ словомъ, кто путемъ организаціи рабочаго движенія, какъ Варленъ и другіе члены Международной Ассоціаціи, которыхъ соціализмъ привелъ къ революціи, какъ нѣкоторыхъ изъ насъ революція привела къ соціализму (II, 88)..... Долго не было никакого соглашенія между тѣми, которые должны были составить меньшинство. Мы мало знали другъ друга. Всякій слѣдовалъ своему темпераменту, говорилъ и вотировалъ согласно своему политическому идеалу, согласно своимъ принципамъ, какъ ихъ случайно выдвигали на очередь ежедневные вопросы... Лично я зналъ лишь двухъ или трехъ изъ будущихъ *двадцати-двухъ*. Я былъ въ сношеніяхъ съ Лефрансэ лишь съ 4 сентября, и эти сношенія были еще очень рѣдки и поверхностны. Я зналъ также Вермореля, но въ это время я раздѣлялъ недовѣріе, которое онъ вообще внушалъ революціонной партіи и избѣгалъ всѣхъ сношеній съ нимъ.... Я имѣлъ тамъ лишь одного личнаго друга. Это былъ Жюль Валлэсъ. Кромѣ его и двухъ названныхъ бойцовъ, къ которымъ надо прибавить Малона, Пенди, Варлена, Авріаля, остальные мнѣ были совершенно чужды» (II, 94—95).— «Плотное соціалистическое меньшинство, дѣйствовавшее за одно и имѣвшее общую программу, образовалось лишь «постепенно, индивидуальными присоединеніями разныхъ членовъ, которые, одинъ за другимъ, въ присутствіи ошибокъ большинства, умудренные событіями, видя безсодержательность прославленныхъ мѣръ, отпадали отъ большинства, чтобы перейти въ другой лагерь. Такъ случилось съ Тридономъ, съ Лео Франкелемъ, съ Варленомъ» (III, 42). Замѣтимъ, что оба послѣдніе принадлежали къ самымъ передовымъ интернаціоналистамъ. Тоже говоритъ Лефрансэ (306): «Это меньшинство слишкомъ медленно сплотилось.» «Оно установилось — пишетъ Лиссагарэ (268) — какъ разъ когда Версаль обнаружилъ свои силы.» Это

позднее образованіе передовой партіи меньшинства въ Коммунѣ Артюръ Арну приписываетъ «недостатку соглашенія между членами, которые должны были впослѣдствіи образовать меньшинство и которые долго дѣйствовали въ одиночку», объясняя это «личнымъ характеромъ иныхъ изъ тѣхъ, которые могли приготовить соглашеніе, характеромъ слишкомъ склоннымъ выставлять свою личность; это были сухія индивидуальности, любившія дѣйствовать на собственную отвѣтственность, и которымъ казалось, что они теряютъ кое-что, если дѣйствуютъ въ согласіи съ другимъ» (III, 42—43). Какъ бы то ни было, но *партія* съ опредѣленною программою дѣйствія образовалась въ средѣ этихъ передовыхъ людей Коммуны «лишь въ послѣдніе дни Коммуны и получила оффиціальное существованіе лишь по поводу вотировки о *Комитетѣ общественнаго спасенія*» (II, 94), т. е. 30 апрѣля, да и тутъ еще ни имени Франкеля, ни имени Арнольда не было въ числѣ воздержавшихся, и они встрѣчаются лишь въ манифестѣ меньшинства противъ Комитета общественной безопасности 15 мая, т. е. почти наканунѣ паденія Коммуны.

И такъ, мы видимъ, что 28 марта, противъ сплошной и очень опредѣленной партіи рутинеровъ якобинизма 1793 г., противъ людей, которые были окружены ореоломъ участниковъ въ прежнихъ революціяхъ и страдальцевъ за свои убѣжденія, противъ людей, требовавшихъ опредѣленныхъ мѣръ, хотя бы мѣръ рутинной традиціи, и увѣренныхъ въ дѣйствительности этихъ мѣръ, стояли разъединенные, другъ другу почти незнакомые, другъ съ другомъ во многомъ несогласные люди новыхъ, соціалистическихъ началъ, не выработавшіе опредѣленнаго плана дѣйствія, неувѣренные въ себѣ и потому неспособные предложить какую нибудь систему новыхъ мѣръ, соотвѣтствующихъ новой задачѣ соціальной революціи. «То были люди—пишетъ Бакунинъ («Общ.» № 5)—которыхъ пламенная ревность, преданность и вѣра въ

великое дѣло, которому они служили, не подлежали никакому сомнѣнію. Но именно потому, что они были преданы цѣликомъ, они сомнѣвались въ самихъ себѣ. Передъ величіемъ того дѣла, которому они посвятили свою думу и свою жизнь, они считали себя ничтожными.» Артюръ Арну вѣрнѣе и откровеннѣе другихъ выражаетъ это состояніе духа послѣ выборовъ въ Коммуну (II, 59): «одно ужасало меня: это—доля отвѣтственности въ успѣхѣ или неуспѣхѣ, въ жизни или смерти этого парижскаго народа... До тѣхъ поръ, подобно всѣмъ людямъ поколѣнія, выступившаго въ политическую жизнь при имперіи, я былъ лишь человѣкомъ оппозиціи, теоріи. Я нападалъ на злоупотребленія, высказывалъ идеи, провозглашалъ принципы, велъ партизанскую войну противъ общественнаго зла. Теперь приходилось оставить теорію для выступленія на почву фактовъ, изъ оппозиціи перейти къ прямому дѣйствію, прикладывать принципы, которые мы такъ давно провозглашали. Это былъ новый міръ для всѣхъ насъ. Мы должны были бороться съ практическими затрудненіями... Приходилось внести въ это дѣло твердую рѣшимость, непоколебимую силу воли... Я чувствовалъ, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, глубокій страхъ. Какъ я буду раскаиваться, если я окажусь ниже своей миссіи!... Я рѣшился однако же принять выборъ... Никто не имѣетъ права проповѣдывать революцію, указывать народу цѣль, чтобы затѣмъ, когда день битвы наступилъ, отретироваться и вездержаться подъ предлогомъ, что время дурно выбрано, обстоятельства невыгодны, пораженіе вѣроятно». Къ этому можно было бы только прибавить, что проповѣдники революціи имѣютъ нравственную обязанность не только призывать къ ней, указывая дальнюю ея цѣль, но и составить себѣ заранѣе опредѣленный планъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать въ минуту удачной революціи.—Характеристично въ этомъ отношеніи положеніе, принятое именно Артюромъ Арну предъ выборами. Онъ, одинъ изъ небольшаго меньшинства наибо-

лѣе работавшихъ мыслью революціонныхъ группъ, онъ, увѣровавшій въ соціализмъ не по традиціи, не случайнымъ увлеченіемъ, но послѣ долгой литературной борьбы и долгихъ колебаній, слѣдовательно сознательно и съ пониманіемъ дѣла, выступилъ предъ избирателями не какъ пособникъ ихъ помощью болѣе выработанной мысли, не какъ совѣтникъ, которому болѣе выгодная обстановка позволила лучше видѣть истинный путь и истинныя задачи рабочаго соціализма, но, во имя принципа «обязательныхъ полномочій» (mandat impératif), отказался даже подѣлиться со своими сторонниками какимъ либо обдуманнымъ планомъ дѣйствія, высказать какую либо profession de foi, предложилъ имъ задавать ему вопросы и поставить ему программу. Само собою разумѣется, что они не могли поставить иной программы, кромѣ политической (Arn. II, 62). Политическая автономія Парижа въ виду Версальскаго собранія—таковъ былъ единственный путь, который былъ ясенъ большинству избирателей изъ журнальныхъ статей и рѣчей въ общественныхъ собраніяхъ, составляющихъ неизбѣжно единственное воспитательное средство для большинства. На старой политической почвѣ, конечно, люди традиціонной рутины революцій чувствовали себя болѣе ловко, чѣмъ проповѣдники соціальной революціи. Послѣднимъ надо было еще искать и придумывать, что̀ именно въ политической сферѣ подходитъ и что̀ не подходитъ къ ихъ программѣ, тогда какъ первые имѣли давно заученные отвѣты на всѣ вопросы.

Приходится сознаться, что соціалисты, отказавшись отъ немедленнаго рѣшенія *экономическаго вопроса*, т. е. отъ внесенія истиннаго начала *равенства* (по собственному сознанію ихъ представителей) въ новый, революціонный строй, и въ самомъ дѣлѣ *не могли* представить со своей точки зрѣнія ни одного раціональнаго рѣшенія политическимъ вопросамъ минуты. Ихъ противники были гораздо послѣдовательнѣе. Они не только не

противились соціалистическимъ предложеніямъ, но вотировали ихъ безъ спора. «Никто въ Коммунѣ,—пишетъ Артюръ Арну (II, 84),—не подумалъ бы возстать противу необходимости соціальныхъ реформъ и всѣ декреты соціалистическаго характера прошли безъ оппозиціи, вообще единогласно (ср. Lis. 270). По этому члены большинства были, съ этой точки зрѣнія, приверженцами соціализма. Только они преимущественно заботились о революціонной традиціи, какъ средствѣ для достиженія цѣли и считали скорѣе дополненіемъ то, что члены меньшинства находили главнымъ дѣломъ». Въ засѣданіи 12 мая, Бильорэ, членъ Комитета Общественнаго Спасенія, говорилъ меньшинству Коммуны: «Вы передали вашу власть Комитету, замѣняющему васъ въ дѣйствіи, и оставляющему вамъ время заняться весьма-важными соціально-законодательными и соціально-экономическими вопросами». («Journal Officiel» № 132). Но именно члены соціалистическаго меньшинства ничѣмъ не проявили того, что, по ихъ мнѣнію, «экономическое равенство» составляетъ главное дѣло, необходимое и предварительное революціонное условіе «политической свободы». Они толковали объ автономіи общинъ, о свободѣ слова, о вредѣ диктатуры—все вопросы *политическіе*—и откладывали на будущее время обсужденіе рабочими обществами отношеній труда къ капиталу, пролетаріата къ собственности; они едва рѣшались дотронуться до святыни собственности казначейства, банковъ, страховыхъ обществъ, а тѣмъ менѣе до святыни собственности частныхъ людей, ограничиваясь въ этой области самыми осторожными полумѣрами. Журдъ говорилъ въ засѣданіи 2 мая: «Для спасенія нашей Коммуны я требовалъ, чтобы мнѣ позволили успокоить кредитъ, достигнуть возстановленія монетнаго обращенія». Онъ собирался дѣлать «вполнѣ обезпеченные займы», утверждалъ, что для Коммуны «чрезвычайно важно оберегать» французскій банкъ, даже «помогать ему» («Journ. Off.» № 124). Правда, были кое-какія по-

пытки покруче отнестись къ дѣлу, но самые ярые якобинцы не мечтали о чемъ либо подобномъ реквизиціямъ Сенъ-Жюста въ Страсбургѣ 1793 года. Нѣсколько рѣзкихъ предложеній было сдѣлано: Жоаннаръ предлагалъ 28 апрѣля конфисковать собственность желѣзно-дорожныхъ компаній; другой членъ хотѣлъ наложенія военной контрибуціи на всѣхъ парижскихъ лавочниковъ, оставившихъ городъ; въ «Офиціальномъ журналѣ» 21 мая появилась ко всеобщему удивленію замѣтка, что всѣ записи ренты и большая долговая книга будутъ сожжены въ 48 часовъ и хотя это вызвало всеобщее негодованіе, однако Паскаль Груссэ потребовалъ вслѣдъ затѣмъ принятія мѣръ для сожженія всѣхъ денежныхъ обязательствъ, принадлежавшихъ версальцамъ, въ день вступленія ихъ въ Парижъ (чрезъ нѣсколько часовъ собраніе должно было узнать, что это вступленіе уже совершилось) (№ 119, 139, 142). Но, въ сущности, ни одинъ камень экономическаго строя, враждебнаго пролетаріату, не былъ сдвинутъ съ мѣста представителями *его* революціи. «Всѣ серьезныя возстанія — пишетъ Лиссагарэ (212)—начали съ того, что захватили жизненный нервъ врага — кассу. Одна Коммуна отказалась сдѣлать это. Ея совѣтъ отмѣнилъ бюджетъ вѣроисповѣданій, который зависѣлъ отъ Версаля, и преклонился съ благоговѣніемъ предъ бюджетомъ буржуазіи, который былъ у него въ рукахъ».

Изъ этого какъ бы слѣдуетъ заключить, что члены меньшинства видѣли «главное» не въ *экономическихъ мѣрахъ*. — Въ чемъ же? — Лефрансэ и Артюръ Арну утверждаютъ, на сколько можно видѣть изъ ихъ трудовъ, что это «главное» было отрицаніе диктатуры, отрицаніе государственнаго начала, слѣдовательно принципъ политической свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но сами французскіе теоретики соціализма наканунѣ революціи 18 марта доказывали совершенно основательно, что «свобода политическая» безъ соціальнаго (т. е. экономиче-

скаго) равенства есть «худшее изъ бѣдствій», значитъ, что ее можно проводить только при условіи предварительнаго установленія этого равенства. Въ грозную минуту Коммуны отрицаніе диктатуры и государственности было недостаточно. Вопросъ былъ не въ томъ: чего *не слѣдуетъ* дѣлать? а въ томъ: что *должно* сдѣлать? И въ этомъ отношеніи недостатокъ продуманнаго заранѣе плана ставилъ соціалистическое меньшинство въ самыя невыгодныя условія борьбы съ его противниками. Въ этомъ сознается самъ Артюръ Арну. «Я до сихъ поръ думаю, что мы были правы, отказываясь отъ нѣкоторыхъ мѣръ, которыя мы считали недѣйствительными, сто разъ болѣе опасными для Коммуны, чѣмъ для ея противниковъ. Но меньшинство — или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые могли сдѣлать это — было очень виновно въ томъ, что не предложило другихъ средствъ, столь же энергичныхъ, приспособленныхъ къ особеннымъ обстоятельствамъ. Критика меньшинства была вѣрна, возраженія его опирались на точные факты. Его иниціатива была недостаточна. Меньшинство было право, оставаясь на почвѣ ученій... Оно было право, желая, чтобы революція 18 марта сохранила свой характеръ народный, соціалистическій, общинный, автономный, федералистическій. Но большинство не было неправо, когда оно говорило: мы окружены опасностями со всѣхъ сторонъ, мы летимъ къ катастрофѣ. Нужно средство отклонить ее; надо испугать, остановить, оттѣснить нашихъ противниковъ.—Существовало ли подобное средство? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ оно не было тамъ, гдѣ его искали до послѣдней минуты». Можно прибавить, что, во всякомъ случаѣ, его не видѣли, его не предложили ни Коммунѣ, ни парижскому народу представители соціалистическихъ идей.

Лиссагарэ обвиняетъ ихъ (268) въ томъ, что они, «самые развитые и трудолюбивые члены Совѣта, никогда не могли приладиться къ условіямъ положенія. Они ни-

когда не могли понять, что Коммуна была баррикада, а не правленіе... Иные выставляли свои принципы какъ голову Медузы и не соглашались ни на какія уступки, даже для побѣды... Даже въ изгнаніи они вѣрили, что Коммуна погибла вслѣдствіе своихъ авторитарныхъ стремленій. Вмѣсто того, чтобы приложить свой умъ къ завоеванію большинства, вмѣсто того, чтобы войти въ сдѣлку съ обстоятельствами и со слабостями товарищей, они уединились въ своей доктринерной автономіи и не сдѣлали ничего, чтобы завладѣть руководствомъ дѣла». Это обвиненіе едва ли можно признать справедливымъ. Никогда передовая партія не торжествовала, входя въ сдѣлки относительно своихъ принциповъ, безъ которыхъ самое ея торжество не имѣетъ смысла. Но дѣло именно въ томъ, что соціалистическому меньшинству Коммуны нужно было вовсе не поступаться принципами, но лишь проводить ихъ какъ можно рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе. Программа экономическаго переворота, по своей ширинѣ и глубинѣ, по рѣзкости своихъ требованій, заставила бы поблѣднѣть предъ собою самую «ужасную» программу традиціоннаго якобинизма, но въ ней «автономія» могла составить лишь элементъ и могла имѣть смыслъ лишь какъ элементъ. Поставивъ же программу экономическаго переворота, соціалисты, для ея осуществленія, фатально были бы выдвинуты пролетаріатомъ въ руководители дѣла, такъ какъ они одни понимали экономическій вопросъ, а ихъ товарищи въ этомъ отношеніи имъ охотно уступали. Конечно, неожиданное наступленіе революціоннаго мгновенія застало соціально-революціонную партію неприготовленною, неорганизованною, состоящею изъ единицъ, дѣйствующихъ каждая «по своему темпераменту» и, кромѣ того, изъ единицъ неувѣренныхъ въ себѣ, смущенныхъ отвѣтственностью на нихъ свалившеюся. Но именно въ этомъ то и вина соціалистовъ Коммуны, вина, превосходящая вину ихъ противниковъ. Авторитаристы не видѣли и не могли видѣть ничего

далѣе своей традиціи 1793 года: они добросовѣстно прилагали къ дѣлу свои убѣжденія. Соціалисты видѣли дальше и яснѣе общественную задачу XIX вѣка. Они видѣли, какъ имперія клонится къ упадку, какъ приближается часъ революціи. Они знали, что эта революція будетъ дѣйствительна лишь тогда, когда она, не входя ни въ какую сдѣлку съ противниками, потребуетъ прежде всего экономическаго переворота. Но они *не приготовились*. Когда же минута настала, они *не рѣшились* поставить своего основнаго требованія, немедленнаго экономическаго переворота, выводя изъ этого требованія всѣ остальныя. Они стали вести борьбу на частной почвѣ вопроса политическаго, вопроса объ автономіи, и, конечно, не только не отстояли новаго строя противу его противниковъ, но и оказались безпомощными передъ традиціею якобинизма.—Артюръ Арну какъ будто видитъ эту ошибку, говоря въ своемъ историческомъ трудѣ (II, 160), что «Коммуну съ нравственной точки зрѣнія могли спасти» рядомъ съ «хорошей, внутренней администраціей» еще «широкія соціальныя реформы, которыя перевели бы въ первый разъ въ область фактовъ удивительную и радикальную программу революціи новаго времени, революціи, которая должна взять общество въ его основахъ, поразить его въ его живыхъ элементахъ: капиталѣ, привилегіяхъ, магистратурѣ, полиціи, войскѣ, духовенствѣ, финансахъ, общественномъ обученіи. Это было *должно* и было *можно* сдѣлать». Тѣмъ не менѣе въ этой широкой программѣ не видно еще самого важнаго сознанія, что *экономическій* вопросъ господствуетъ надъ всѣми другими соціальными вопросами въ наше время и что *экономическій* переворотъ долженъ служить основою всей программѣ.— Верморель какъ будто угадалъ требованіе революціи пролетаріата еще во время самой борьбы. По крайней мѣрѣ въ № 2 своего журнала «Другъ народа» (L'ami du Peuple) отъ 24 апрѣля 1871 г. онъ говоритъ между прочимъ: «Надо разрушить до основанія

старое правительственное зданіе и возсоздать его по новому плану на основаніяхъ справедливости и науки.... Мы должны господствовать надъ нашими врагами нравственною силою... Не слѣдуетъ прикасаться къ свободѣ и къ жизни личностей... Но надо ихъ поставить въ невозможность вредить, лишить ихъ силы, принудить ихъ къ справедливости, принудить къ труду... Надо принять цѣлительныя мѣры, сообразныя строгой справедливости, чтобы передать въ руки работниковъ богатства, остающіяся непроизводительными или получающія гибельное употребленіе вмѣсто того, чтобы быть приложенными къ общему улучшенію общественнаго благосостоянія. Въ правильно устроенномъ государствѣ всякій трудъ долженъ получать справедливое вознагражденіе. Вознагражденъ долженъ быть только трудъ... а тѣ, которые не трудятся, не имѣютъ права жить, не имѣютъ по крайней мѣрѣ права участвовать въ общественной жизни... Эти принципы составляютъ самое существованіе Коммуны... Она принуждена къ нимъ вернуться или она убьетъ сама себя». Верморель обѣщалъ «завтра» указать «нѣкоторыя изъ этихъ великихъ, революціонныхъ мѣръ, которыя одни способны спасти насъ, высвободивъ насъ изъ колеи прошедшаго, выказавъ въ дѣйствительности торжество народа надъ его врагами и передавъ въ его руки въ самомъ дѣлѣ его политическія и соціальныя завоеванія 18 марта». Но слѣдующій номеръ «Ami du Peuple» вышелъ лишь 28 апрѣля и въ немъ Верморель передалъ друзьямъ руководство журналомъ, совѣтуя имъ поддерживать особенно «высшій принципъ политическаго и соціальнаго возрожденія», но объ изложеніи, развитіи и тѣмъ менѣе приложеніи «великихъ, революціонныхъ мѣръ» не было больше и рѣчи. Въ концѣ апрѣля оно, по видимому, было уже и слишкомъ поздно обращаться къ нимъ.

И такъ не было осуществлено *ни одно* условіе для рѣшительнаго переворота, который поставилъ бы рево-

люцію, совершенную пролетаріатомъ, на почву соціальной революціи. «Экономическое равенство», необходимое условіе соціалистическаго переворота, оставалось одною изъ задачъ будущаго, и люди Коммуны были поставлены предъ «политическими вопросами свободы» въ такомъ же смутномъ и ненаучномъ видѣ, какъ всѣ предшествующіе революціонеры. Люди замѣчательнаго ума, неутомимой энергіи, искренно самоотверженные, но безъ всякой организаціи, съ самыми разнообразными программами, а частью рутинеры революціонныхъ формъ 1793 года, были поставлены «въ условія самыя серьезныя, которыя когда либо существовали для народовъ, самыя невыгодныя, которыя когда либо имѣли предъ собою люди» (Arn. II, 59). При этомъ нельзя удивляться ни тѣмъ ошибкамъ, которыя имѣли мѣсто, ни тѣмъ гибельнымъ результатамъ, которые получались изъ каждой подобной ошибки. Но должно удивляться, что Коммуна могла продержаться 72 дня и могла оставить послѣ своей гибели пролетаріату міра то великое завѣщаніе, которое сдѣлало изъ 18 марта торжественный день соціалистовъ всѣхъ странъ.

Какъ только Коммуна оставила съ перваго же дня въ сторонѣ экономическій вопросъ, предъ нею стали неразрѣшимые политическіе вопросы: прежде всѣхъ вопросъ объ отношеніи возставшаго Парижа къ Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ отношеніи только-что совершившагося революціоннаго движенія къ законности, предъ тѣмъ существовавшей въ странѣ. — Съ точки зрѣнія соціально-революціонной эти вопросы не возникали вовсе. Старый міръ территоріальныхъ государствъ, какъ ихъ установили старые договоры феодальныхъ и буржуазныхъ правительствъ, никогда не спрашивавшихъ мнѣнія народовъ, не имѣлъ никакой обязательности для федерацій освобожденнаго пролетаріата. Федерированные рабочіе городовъ и сельскихъ общинъ могли составить новое «народное государство» въ предѣлахъ прежней территоріи; или могли образовать нѣсколько союзовъ съ слабымъ госу-

дарственнымъ элементомъ, съ разнообразными территоріями, которыя тамъ или здѣсь переходили бы границы Франціи въ ту или другую сторону; или могли явиться въ формѣ автономныхъ общинъ и мѣстныхъ группъ, чуждыхъ обособленныхъ территоріальныхъ связей. Если рабочіе имѣли въ своихъ рукахъ естественныя и промышленныя орудія труда, то при всѣхъ этихъ политическихъ комбинаціяхъ вопросъ соціальной революціи былъ бы рѣшенъ; выборъ той или другой политической комбинаціи зависѣлъ бы отъ того, которая изъ нихъ способствовала бы при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ лучше другихъ рѣшенію вопроса соціальной революціи, и, безъ вреда основному дѣлу, эти комбинаціи могли быть впослѣдствіи замѣнены одна другою, если бы это оказалось выгоднѣйшимъ. Парижъ, Франція—при соціальной революціи, оставались лишь географическими терминами; но ихъ политическое значеніе теряло сразу всякую историческую обязательность, весь прежній историческій смыслъ, такъ какъ прежде шло дѣло о группахъ, связанныхъ господствомъ закона при различіи сословій, при громадномъ экономическомъ неравенствѣ, при трудѣ однихъ, который долженъ былъ питать и трудящихся и праздныхъ паразитовъ, а соціальная революція, совершившись, имѣла бы предъ собою лишь односословное общество трудящихся при полномъ экономическомъ равенствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ переставала существовать и вся прежняя законность. Совершившаяся революція устраняла ее въ ея основахъ, такъ какъ малѣйшій остатокъ старой законности отрицалъ бы новое безсословное, экономически-равное общество рабочихъ. Соціальная революція должна была создать *новыя* формы договорныхъ или законодательныхъ отношеній въ сферѣ трудящагося пролетаріата, на основаніи *новыхъ* экономическихъ условій жизни, но весь прежній законъ, обезпечивающій экономическое неравенство и возможность для однихъ жить трудомъ другихъ, самъ собою прекращалъ свое дѣйствіе.

Но экономическій переворотъ не стоялъ даже задачею данной минуты въ самыхъ смѣлыхъ умахъ членовъ Коммуны, и приходилось браться прямо за рѣшеніе вопроса объ отношеніи возставшаго Парижа къ Франціи, объ отношеніи революціи 18 марта къ общефранцузскому закону. Основнымъ понятіемъ для рѣшенія этого вопроса служило понятіе о *коммунѣ*, и здѣсь революціонеры имѣли предъ собою, по видимому, довольно прочную почву. Общинная жизнь имѣла за собою длинную и блестящую исторію. Но это было очень давно для Франціи. Деревенскія общины не сохранили никакой традиціи своего единства и были въ 70-хъ годахъ во Франціи лишь административнымъ терминомъ. Право самоуправленія городскихъ коммунъ восходило къ средневѣковой традиціи и потому, какъ имѣвшее за собою прежнюю рутину, было и наиболѣе доступно большинству парижанъ какъ политическое понятіе. Къ этому для Парижа присоединялось еще недавнее воспоминаніе о роли парижской Коммуны въ первую революцію. Однако вся исторія послѣдующаго времени, исторія монархіи и республики, а особенно только что пережитый періодъ войны противъ Германіи, вызывали и укрѣпляли патріотическія идеи, вызывали и укрѣпляли вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе о единствѣ Франціи. Легальность послѣдняго періода перенесла большинство законодательныхъ и административныхъ функцій на органы государственнаго единства. Правда, революція конца XVIII вѣка освятила закономъ право народнаго возстанія, даже въ «части» населенія, но практика Конвента была на сторонѣ энергическаго подавленія мѣстнаго сепаратизма. По этому вопросъ о легальныхъ правахъ Парижа, какъ политическаго цѣлаго, въ виду Франціи, какъ политическаго цѣлаго болѣе обширнаго, представленнаго выбранными версальскимъ собраніемъ, невозможно было рѣшить на основаніи историческихъ прецедентовъ. Попробовали рѣшить его революціонно, т. е. выставить новую политиче-

скую программу автономіи общинъ, какъ опирающихся на демократическое начало всеобщей подачи голосовъ, и поддержать эту программу силою.

Съ виду программа была проста, но она предполагала общественный строй, условія котораго совсѣмъ не существовали. Средневѣковая политическая община была не только сожительствомъ лицъ въ одной мѣстности; она представляла, при разнообразіи сословій, при неравенствѣ правъ гражданъ, общіе городскіе интересы, которые преобладали надъ противуположеніемъ интересовъ внутри города; она представляла нравственное единство политическихъ стремленій, политическихъ убѣжденій для всѣхъ классовъ гражданъ въ виду внѣшняго врага, одинаково опаснаго всѣмъ. Въ XIX вѣкѣ общность коммунальныхъ интересовъ совершенно исчезала предъ возрастаніемъ внутренней борьбы классовъ. Община, какъ единое нравственное цѣлое, вовсе *не существовала*. Въ каждой общинѣ стояли одинъ противъ другаго непримѣримые лагери пролетаріата и крупной буржуазіи, съ усложненіемъ борьбы, вслѣдствіе присутствія самыхъ разнообразныхъ группъ мелкой буржуазіи. На минуту Парижъ былъ объединенъ общимъ *аффектомъ*—раздраженіемъ противу Бордосскаго и Версальскаго собранія, но временный аффектъ не можетъ быть основою политическаго строя. Новыя, объединенныя группы могли образоваться лишь *по совершеніи* экономической революціи, *послѣ* экономическаго торжества пролетаріата.

Тѣмъ не менѣе программа была выставлена съ первой же минуты. При провозглашеніи Коммуны старикъ Бэлэ, первый французскій буржуа, приступившій къ Интернаціоналу, произнесъ рѣчь, гдѣ говорилъ (Lanj. Corr., 150): «Освобожденіе парижской Коммуны есть освобожденіе всѣхъ коммунъ республики... Республика укрѣпится въ нашей средѣ путемъ полной свободы Коммуны. Республика теперь не то, чѣмъ она была въ великіе дни нашей

революціи. Республика 93-го года была солдатомъ, которому, чтобы сражаться внѣ страны и внутри ея, было необходимо централизовать въ своихъ рукахъ всѣ силы отечества; республика 1871 г. есть работникъ, который нуждается преимущественно въ свободѣ, чтобы сдѣлать миръ плодотворнымъ... Всякая группа прійдетъ къ полной независимости и къ полной свободѣ дѣйствій. Коммуна будетъ заниматься вопросами мѣстными; департаментъ—вопросами края (de ce qui est régional); правительство—вопросами національности... Коммуна, которую мы основали, будетъ модельною коммуною... Не будемъ выходить изъ предѣловъ этой программы». Позитивисты Ланжаллэ и Коррьезъ въ своемъ очень дѣльномъ трудѣ выражаютъ сочувствіе этой программѣ, и со схоластическимъ педантизмомъ отмѣчаютъ всѣ отступленія отъ нея соболѣзнуя о нихъ. Но подобная программа была неосуществима именно потому, что революція 18 марта была революціею *совершенного пролетаріатомъ* въ сознательномъ противоположеніи его интересовъ интересамъ господствующихъ классовъ. Это было подтверждено и присутствіемъ членовъ Интернаціонала среди руководителей революціоннаго движенія, тогда какъ вопросъ о правахъ парижской *политической коммуны* не имѣлъ никакого значенія для Интернаціонала. Этотъ характеръ революціи 18 марта уже обозначился и выходомъ всѣхъ чисто-буржуазныхъ членовъ изъ Совѣта Коммуны. Въ сущности, дѣло шло объ отстаиваніи самоуправляющихся *общинъ рабочихъ*, а не политическихъ *общинъ вообще* и эти общины имѣли въ виду присвоить себѣ на сколько можно болѣе правъ, которыя прежде принадлежали краю или націи. Только эти задачи, какъ слишкомъ новыя, никто изъ соціалистическаго меньшинства Коммуны не рѣшился прямо написать на знамени, а никто изъ традиціоннаго якобинскаго большинства о нихъ не думалъ и онѣ вырабатывались самимъ положеніемъ, причемъ дѣйствительныя, но не выступающія ясно тенденціи, по

стоянно сталкивались и перепутывались съ программою чисто политической общины.

Объявляя себя элементомъ болѣе широкаго цѣлаго, «націи» съ ея «правительствомъ», Коммуна дѣйствовала въ то же время какъ самоустраивающееся политическое цѣлое и создала 10 коммиссій, со всѣми государственными функціями (тамъ же, 158 и слѣд.), назначала деканов въ факультеты университета (161). Изъ двухъ проэктовъ обращеній Коммуны къ народу парижскому (Lefr. 196; Lanj. Carr. 165) былъ принятъ тотъ, гдѣ Коммуна ставила наиболѣе скромныя и частныя задачи. Но въ то же время Коммуна отмѣняла общегосударственный законъ о конскрипціи, называла свой оффиціальный журналъ «Оффиціальнымъ журналомъ французской республики», принимала мѣры относительно Государственнаго Банка, относительно общественныхъ страховыхъ обществъ, провозгласила (3 апрѣля) отдѣленіе церкви отъ государства и отмѣну бюджета вѣроисповѣданій, входила въ сношенія съ иностранными посольствами (5 апрѣля) и т. п. «Оффиціальный журналъ» принималъ въ этомъ вопросѣ довольно неопредѣленное положеніе. «На Парижѣ—говорилъ онъ 22 марта—лежитъ обязанность заставить уважать суверенность народа и требовать, чтобы права его не были нарушены... Парижъ не можетъ ни отдѣлиться отъ провинціи, ни допустить, чтобы ее оторвали отъ него. Парижъ былъ, есть и долженъ окончательно остаться столицею Франціи, головою и сердцемъ единой и нераздѣльной демократической республики». Чрезъ нѣсколько дней, перейдя подъ руководство интернаціоналиста Лонгэ, этотъ журналъ говорилъ (1 апрѣля), что «люди 18 марта боролись и побѣдили... для того, чтобы завоевать и обезпечить на будущее время независимость всѣхъ общинъ Франціи, а также высшихъ группъ: кантоновъ, департаментовъ или провинцій, связанныхъ между собою въ виду ихъ общихъ интересовъ національнымъ договоромъ... Парижъ не от-

казался отъ своей роли иниціатора, онъ не отрекся отъ этой нравственной власти, отъ этого умственнаго вліянія... Освобожденный, автономный Парижъ долженъ все-таки остаться центромъ экономическаФо и промышленнаго движенія, мѣстопребываніемъ банка, желѣзнодорожныхъ учрежденій, великихъ національныхъ институтовъ». И позже (3 апр.): «Коммуна не забудетъ, что она создана не для управленія Франціею, но для ея освобожденія, приглашая ее принять инициативу этого освобожденія и подавая ей въ этомъ примѣръ». Обращаясь къ Франціи 6 апрѣля исполнительная коммиссія говорила (Lanj. Corr. 228): «Парижъ желаетъ только основанія республики и завоеванія себѣ своей коммунальной свободы, счастливый тѣмъ, что послужитъ примѣромъ для прочихъ коммунъ Франціи... Парижская Коммуна сожалѣетъ, что должна была выйти изъ своихъ нормальныхъ обязанностей и сдѣлала это лишь, чтобы отвѣчать на военное положеніе, вызванное версальскимъ правительствомъ. Парижъ желаетъ лишь вернуться въ предѣлы своей автономіи, проникнутый уваженіемъ къ равнымъ правамъ прочихъ коммунъ Франціи... Мы представляемъ общее благополучіе, осуществленное общими силами, свободу для всѣхъ и для каждаго, подъ руководствомъ добровольной и плодотворной солидарности».—Чрезъ 2 недѣли, 19 апрѣля, на стѣнахъ Парижа можно было прочесть «Прокламацію къ французскому народу» уже болѣе опредѣленнаго характера, но все-таки смѣшивавшую задачу разносословной политической Коммуны и соціалистической Коммуны трудящихся, осуществившихъ экономическое равенство (тамъ же, 310 и сл.) Въ ней говорилось, что Парижъ «приготовляетъ для всей Франціи умственное, нравственное, административное и экономическое возрожденіе». Его требованія опредѣлялись такъ: «Признаніе и утвержденіе республики... Безусловная автономія общинъ, распространенная на всѣ мѣстности Франціи и обезпечивающая каждой изъ нихъ всю полноту ея правъ и всякому

французу полную дѣятельность его силъ и способностей, какъ человѣку, гражданину и рабочему. Автономія общинъ будетъ ограничена лишь равнымъ правомъ автономіи всѣхъ прочихъ общинъ, приступившихъ къ договору, и ассоціація которыхъ обезпечитъ единство Франціи». Въ числѣ обычныхъ «правъ, присущихъ общинѣ» приводилась «безусловная гарантія личной свободы, свободы совѣсти и свободы труда», а также «организація защиты города и національной гвардіи, которая выбираетъ своихъ начальниковъ и одна наблюдаетъ за охраненіемъ порядка въ городѣ». Далѣе говорилось: «Парижъ не хочетъ ничего болѣе относительно мѣстныхъ гарантій, при условіи, конечно, что великая центральная администрація, составленная изъ делегатовъ федерированныхъ Коммунъ, будетъ реализировать и практиковать тѣ же начала. Но, во имя своей автономіи и пользуясь своей свободою дѣйствія, Парижъ предоставляетъ себѣ осуществить, какъ онъ найдетъ лучшимъ въ своей средѣ, административныя и экономическія реформы, которыхъ требуетъ его населеніе, создать учрежденія для развитія и расширенія образованія, производительности, обмѣна и кредита, для универсализаціи власти и собственности, сообразно требованіямъ времени, желаніямъ участниковъ дѣла и даннымъ доставленнымъ опытомъ». Авторы опровергали обвиненіе Парижа въ томъ, будто онъ, хочетъ «навязать свою волю или свое господство остальной націи и претендуетъ на диктатуру», или что онъ хочетъ разрушить «единство Франціи, созданное революціей». «Революція Коммунъ—говорилось далѣе — начатая народною инціативою 18 марта, осуществляетъ новую эру опытной, положительной, научной политики. Это — конецъ стараго міра правительственнаго и клерикальнаго, конецъ милитаризма, чиновничества, эксплуатаціи, ажіотажа, монополій, привилегій».

Сама по себѣ идея *политической* Коммуны Парижа была настолько независима отъ основнаго мотива борь-

бы 18 марта, отъ революціи, совершенной пролетаріатомъ въ пользу пролетаріата, что мы встрѣчаемъ эту идею во многихъ примирительныхъ проэктахъ этого времени, выставленныхъ группами чисто-буржуазными. Да и не было причины при сохраненіи прежнихъ экономическихъ основъ общественнаго строя, почему въ Парижѣ —автономной коммунѣ французской федераціи, или даже въ Парижѣ — самостоятельной республикѣ, буржуазія потеряла бы возможность эксплуатировать рабочій классъ въ свою пользу, слѣдовательно потеряла бы свое прежнее положеніе господствующаго класса. И вотъ мы видимъ, что еще 31 марта Портальсъ въ журналѣ «Vérité» настаиваетъ на необходимости автономіи Коммуны. Въ началѣ апрѣля образуется «лига республиканскаго союза правъ Парижа» (въ ней участвовали, между прочимъ, Локруа, Клемансо, Моттю), которая обѣщала даже, что, въ случаѣ упорства версальскаго правительства, «весь Парижъ поднимется»; появляется манифестъ разныхъ позитивистовъ, свободныхъ мыслителей и литераторовъ (участвовали между прочимъ Онимюсъ, Летурно, Кудро, Гюйо); появляются и другіе манифесты подобнаго рода; фурьеристъ Консидеранъ, прудонистъ Дюшэнъ, журналъ Рошфора (Mot-d'Ordre), предлагаютъ программы примиренія (Mal. 232 и сл.) Болѣе или менѣе опредѣленная общинная независимость Парижа встрѣчается во всѣхъ этихъ программахъ. Масоны дѣлаютъ крупную демонстрацію въ пользу прекращенія кровавыхъ дѣйствій. Всѣ эти попытки дѣйствовали деморализующимъ образомъ на населеніе Парижа, снова и снова питая въ немъ надежду на мирное окончаніе столкновенія, которое противники Парижа рѣшились окончить кровавою расправою во что-бы то ни стало, а потому эти попытки ослабляли энергію собственно-военныхъ мѣръ въ Парижѣ. Онѣ дѣйствовали еще болѣе деморализующимъ образомъ въ томъ отношеніи, что затемняли въ глазахъ возставшаго и на минуту побѣдоноснаго пролетаріата ту грозную истину, что для

него *всякое* примиреніе, *всякая* сдѣлка съ буржуазнымъ порядкомъ невозможна, что среди буржуазіи у него могутъ быть *только* враги, такъ что всякое соглашеніе съ ними будетъ всегда или обманомъ съ ихъ стороны или уступкою съ его стороны его основныхъ требованій. Но желаніе примиренія и недостатокъ яснаго пониманія были въ этомъ отношеніи такъ значительны, что даже «Journal Officiel», находившійся подъ руководствомъ интернаціоналиста Лонгэ, помѣщалъ рядъ руководящихъ статей, гдѣ, между прочимъ, говорилось (30 марта): «Печальное недоразумѣніе, которое въ іюньскіе дни вооружило другъ противъ друга два общественные класса, оба заинтересованные, хотя и не въ равной степени, въ великихъ экономическихъ реформахъ, эта гибельная ошибка, которая сдѣлала іюньское подавленіе столь кровавымъ, не могли уже возобновиться... Сословный антагонизмъ пересталъ существовать (!); единственнымъ поводомъ къ борьбѣ является старая война... свободы противъ власти, права муниципалитетовъ и гражданъ противъ поглощенія всѣхъ правъ правительственнымъ произволомъ. Парижъ... былъ готовъ весь встать, чтобы завоевать свою независимость, свою автономію». Или (3 апрѣля): «Теперь всякій раздоръ сгладится, потому что всѣ солидарны (!), потому что никогда не было такъ мало соціальной ненависти, соціальнаго антагонизма». И въ одномъ изъ наиболѣе серьезныхъ журналовъ этой эпохи, въ «La Commune» (гдѣ работалъ Мильеръ вмѣстѣ съ прудонистомъ Дюшэномъ) находимъ подобныя же выраженія. «Особенно не забудьте—пишетъ 28 марта Одилонъ Делималь (№ 9) —что населеніе такого города, какъ Парижъ, состоитъ изъ различныхъ элементовъ: будьте справедливы ко всѣмъ классамъ общества; охраняйте всѣ интересы». На другой день Бриссакъ печаталъ статью, гдѣ самымъ пестрымъ образомъ смѣшивались идеи о разныхъ элементахъ движенія. «Парижская Коммуна—писалъ онъ (№ 10) —имѣетъ право и обязанность идти новымъ путемъ...

Теперь государство налагаетъ цѣпи на коммуну, какъ капиталъ на трудъ, тогда какъ коммуна и трудъ должны управляться собственными законами, насколько послѣдніе не нарушаютъ необходимой ассоціаціи. Франція должна быть едина и нераздѣльна; да, но только въ ея политическомъ строѣ. Долженъ существовать союзъ между капиталистомъ и работникомъ; да, но безъ того, чтобы первый имѣлъ львиную долю въ барышахъ». И въ тысячѣ формъ высказывается въ журналѣ положеніе, что смыслъ революціи 18 марта есть «борьба между личностью и властью, между автономіею группы и центральнымъ правительствомъ» (№ 12). Подобная проповѣдь нисколько не обезоруживала враговъ пролетаріата, отлично понимавшихъ, чѣмъ грозитъ имъ его торжество, отнимала у пролетаріата энергію борьбы и ослѣпляла его какъ бы нарочно въ виду непримиримыхъ враговъ.

Какъ ни старались, впрочемъ, политическіе рутинеры разграничить въ дѣйствіяхъ возставшаго Парижа «вопросы общинные» отъ «вопросовъ національныхъ», фактическое теченіе событій заставляло инсургентовъ принимать на себя всѣ функціи воюющаго государства, но недостатокъ опредѣленной заранѣе программы соціалистической партіи помѣшалъ Коммунѣ выступить откровенно тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и что одно оправдывало исторически ея возстаніе—мѣшало ей выступить какъ *мятежный пролетаріатъ*, сознательно рѣшившій ниспровергнуть экономическое господство буржуазіи. — Многія ошибки Коммуны были слѣдствіемъ и другой неясности, связанной съ первой, неясности того, насколько глубокореволюціонно было движеніе Коммуны, и какъ мало могла она въ своихъ дѣйствіяхъ искать опоры въ старыхъ формахъ легальности. Однимъ изъ поразительныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи могли служить дополнительные выборы въ Коммуну, имѣвшіе мѣсто 16 апрѣля. Первые выборы, 26 марта, совершались еще Центральнымъ Комитетомъ, когда существовала еще иллюзія воз-

можности мирнаго, легальнаго рѣшенія вопроса объ управленіи возставшимъ Парижемъ путемъ сдѣлки. Выборы совершались при содѣйствіи (хотя и неискреннемъ) старыхъ мэровъ и депутатовъ Парижа; военныя дѣйствія еще не начинались и большинство «города иллюзій», по словамъ Артюра Арну, надѣялось на соглашеніе съ Версалемъ. Революція 18 марта еще настолько не выяснилась, какъ революція пролетаріата, что повсюду были выставлены кандидаты консервативные, либеральные, гамбеттисты, прудонисты и прошелъ 21 подобный кандидатъ. Тогда выборы въ Коммуну всѣми партіями, желавшими войти въ мирную сдѣлку, имѣли еще нѣкоторый внѣшній смыслъ. Но 16 апрѣля положеніе совсѣмъ измѣнилось. Весь элементъ сторонниковъ стараго порядка вышелъ изъ Совѣта Коммуны и тѣмъ призналъ ее фактически движеніемъ пролетаріата, революціей недопускавшей сдѣлокъ. Отчаянная битва началась, Около Парижа и въ Версали разстрѣливали плѣнныхъ коммунаровъ. Центральный Комитетъ, въ своей прокламаціи 5 апрѣля, провозгласилъ (Lanj. Corr., 214): «Не заблуждайтесь, работники: это—великая борьба; борются между собою паразитизмъ и трудъ, эксплуатація и производительность». Прежняя легальность еще существовала лишь въ воображеніи нѣсколькихъ казуистовъ. «Голосованіе не было уже вопросомъ минуты—пишетъ Артюръ Арну (III, 9 и сл.)—Положеніе стало настолько трагическимъ, что не было ни необходимаго досуга, ни необходимаго хладнокровія для того, чтобы вообще голосованіе могло дѣлать свое дѣло... Всѣ люди преданные Коммунѣ были на укрѣпленіяхъ, въ фортахъ, въ передовыхъ отрядахъ... Народъ не придавалъ нисколько значенія этимъ дополнительнымъ выборамъ... Выборы были, въ сущности, лишь парламентаризмъ. Надо было, не считать избирателей, а имѣть солдатъ; не узнавать, потеряли ли мы или выиграли въ мнѣніи Парижа, но защищать Парижъ отъ версальцевъ». «Въ этой ратушѣ, бывшей внѣ закона —

пишетъ Лиссагарэ (229) — были люди, помѣшанные на легализмѣ. Парижу приходилось душить самого себя ихъ спасительными принципами. Передъ тѣмъ, во имя священной автономіи, которая не позволяетъ вмѣшиваться въ автономію сосѣда, исполнительная коммиссія отказала въ оружіи подгороднымъ коммунамъ, которыя хотѣли идти на Версаль». Дополнительные выборы дали самые печальные, деморализующіе результаты. «Какъ было легко предвидѣть—пишетъ Артюръ Арну (III, 10)—число подавшихъ голоса было крайне мало и Коммуна не только не укрѣпилась, обращаясь ко всеобщему голосованію, но, какъ могло казаться, потеряла три-четверти своей популярности первыхъ дней». Затѣмъ все-таки пришлось выйти изъ легальности, признать избранными лицъ, не имѣвшихъ ни тѣни достаточнаго числа голосовъ. Это вызвало отказъ нѣкоторыхъ избранныхъ (между прочимъ Рожара, автора знаменитыхъ «Propos de Labienus») «вызвало раздоръ въ средѣ Коммуны, настолько громкій и настолько перешедшій въ прессу, что публика впервые узнала, что происходитъ внутри Совѣта, узнала борьбу его микроскопическихъ котерій, вызванныхъ чисто-личными привязанностями и антипатіями» (Liss. 232).

Впрочемъ эта борьба внутри Совѣта Коммуны, продолжавшаяся во время всего ея существованія и содѣйствовавшая не менѣе версальскихъ войскъ разложенію новаго строя, коренилась не только въ тѣхъ личныхъ озлобленіяхъ и въ тѣхъ маленькихъ котеріяхъ, на которыя такъ негодуетъ Лиссагарэ. Тутъ сталкивались опять два, указанныя выше, теченія: теченіе рабочаго соціализма, который еще не выработалъ себѣ опредѣленной политической программы, не организовалъ крѣпкой партіи дѣйствія, но одинъ охватывалъ въ стройной связи всѣ задачи современнаго общества, и теченіе традиціоннаго якобинизма, который, въ сущности, не имѣлъ ничего противу соціалистическихъ рѣшеній, но не чувствовалъ къ нимъ особеннаго интереса и старался лишь пов-

торить традиціонные пріемы эпохи Конвента. Для внутренней жизни парижской Коммуны яблокомъ раздора являлся особенно вопросъ о власти и ея предѣлахъ. Онъ представлялъ рядъ затрудненій. Въ Парижѣ было множество элементовъ враждебныхъ Коммунѣ, и все богатое населеніе принадлежало къ этимъ элементамъ; насколько признанное революціею 18 марта начало самой широкой свободы можно было примирить съ необходимостью сдерживать и подавлять эти элементы, которые, при предоставленіи имъ полной свободы, могли принести Коммунѣ весьма значительный вредъ по своему матеріальному вліянію? Былъ ли Совѣтъ Коммуны «диктатурою» выдвинутою революціею, которая поручила своимъ избранникамъ осуществить задачу торжества пролетаріата, или это были лишь исполнители народной воли, которые должны были каждую минуту прислушиваться къ измѣняющимся проявленіямъ воли избирателей, къ числу которыхъ фактически принадлежали всѣ разнообразные элементы парижскаго населенія? Какое отношеніе имѣли избранники парижскаго населенія къ избранникамъ парижской національной гвардіи, которые еще вчера были диктаторами и продолжали опираться на существующую военную организацію? На сколько внутри Совѣта Коммуны большинство могло не обращать вниманія на мнѣнія меньшинства, могло дозволять этому меньшинству противудѣйствіе? и т. п.

Опять таки, съ чисто соціалистической точки зрѣнія, вопросъ этотъ трудности не представлялъ. Если бы соціальная революція совершилась, «экономическое равенство» установилось, и весь матеріалъ общественной силы находился бы въ рукахъ побѣдоноснаго пролетаріата и его выборныхъ, то самая широкая личная свобода не могла бы быть нисколько вредна Коммунѣ. Лишенные личныхъ денежныхъ средствъ и матеріальнаго вліянія, враги пролетаріата, составляя едва замѣтное меньшинство, едва ли были бы въ состояніи собрать около себя убѣж-

денныя, самоотверженныя группы приверженцевъ для своихъ демонстрацій, газетъ, брошюръ, сношеній съ врагами города. Если бы революція, признавъ себя откровенно революціею *пролетаріата*, немедленно организовалась въ общину рабочаго класса, принимая въ ея среду лишь тѣхъ, которые вступили бы подъ знамя соціальной революціи, и рѣшительно устраняя изъ своей среды всѣ элементы, враждебные рабочему пролетаріату, то былъ бы устраненъ всякій вопросъ о разницѣ между военною и гражданскою властью, были бы устранены и всѣ претензіи враговъ рабочей Коммуны на равноправность, какъ гражданъ разносословнаго Парижа. Если бы Коммуна была не результатъ выборовъ, произведенныхъ случайными жителями традиціоннаго феодально-буржуазнаго города, состоящаго изъ враждебныхъ элементовъ, но состояла изъ представителей рабочаго класса, рѣшившагося раздавить господствующіе классы, поставивши это первою задачею избраннымъ и подчинивши всѣ прочія задачи организаціи этой основной задачѣ борьбы труда съ капиталомъ, то не имѣлъ бы мѣсто споръ о диктатурѣ Совѣта Коммуны или объ обязательномъ полномочіи, которое они должны были исполнить. Мильеръ былъ совершенно правъ въ томъ, что всякая революція есть «диктатура» т. е. именно потому, что она есть революція, представляетъ отрицаніе старой легальности и поддержаніе силою новой общественной программы. Но чѣмъ многочисленнѣе классъ, совершающій сознательно революцію и захватывающій такимъ образомъ диктатуру, и чѣмъ тѣснѣе съ этимъ многочисленнымъ классомъ нравственно, умственно и матеріально связаны тѣ выборныя изъ его среды лица, которыя осуществляютъ на дѣлѣ эту диктатуру, тѣмъ болѣе теряетъ свое значеніе принудительность, связанная съ этимъ понятіемъ. Немногіе диктаторы, которые, поставленные случайно у конца государственнаго рычага, навязываютъ механическою силою свои личныя фантазіи несочувствующему, непонима-

ющему и инертному большинству, суть отвратительные представители принудительной государственности и могутъ сдѣлать только зло, какъ бы, впрочемъ, ни были направлены къ общему благу ихъ намѣренія. Если же революціонный взрывъ выдвинулъ во главу движенія людей, выработанныхъ въ средѣ рабочихъ обществъ, находящихся, въ отношеніи вліянія, въ полной зависимости отъ рабочихъ группъ и неимѣющихъ возможности противуставить свой произволъ мнѣнію обширной организованной рабочей партіи, то эти *личности сами по себѣ ничего* не значатъ и не могутъ: онѣ имѣютъ значеніе лишь какъ выразители мнѣній партіи ихъ выдвинувшей, и настолько, насколько онѣ ее представляютъ; онѣ *неизбѣжно* становятся исполнителями ея программы, делегатами съ «обязательнымъ полномочіемъ». Онѣ могутъ предоставить партіи программу дѣйствій при новыхъ обстоятельствахъ; онѣ даже обязаны сдѣлать это, если случайно выгодная обстановка дозволила имъ глубже и полнѣе обдумать и изучать вопросы, которыми большинство достаточно заниматься не могло; но все-таки онѣ будутъ въ состояніи осуществлять эту программу не какъ *свой* личный планъ, а какъ программу *партіи*, формулирующую ея болѣе или менѣе ясно выработанныя требованія. Принудительность ихъ власти *относительно ихъ сторонниковъ* не можетъ имѣть мѣста и въ этомъ отношеніи это собственно не диктаторы, но делегаты. Но диктатура принадлежитъ побѣдившему большинству относительно побѣжденныхъ враговъ революціи. Вся законность, ограждавшая ихъ привилегіи, обращена въ ничто революціонною диктатурою и лишь во имя *новыхъ* революціонныхъ принциповъ, въ виду выгодъ *новаго* революціоннаго строя, возникаютъ для побѣжденныхъ новыя права путемъ ли договора или путемъ законодательства. Чтобы новое общество могло существовать, бороться съ внѣшними врагами и развиваться въ направленіи своихъ принциповъ, оно должно такъ или иначе обезпечить себя

относительно тѣхъ, которые, живя въ той же мѣстности, были и остались врагами его принциповъ. Привычки новаго времени не допускаютъ въ партіяхъ, считающихъ себя передовыми, ни поголовной рѣзни враговъ, ни заключенія и выселенія массами. Остаются различныя формы принужденія, надзора и другихъ тому подобныхъ проявленій власти. Такимъ образомъ, на другой день послѣ побѣдоносной революціи неизбѣжно образуется потребность принудительныхъ отношеній къ враждебному элементу, необходимость диктаторіальныхъ отношеній къ врагамъ новаго строя, тогда какъ внутри новаго строя принудительный элементъ тѣмъ менѣе будетъ присутствовать, чѣмъ лучше была заранѣе организована и выработана побѣдившая партія, чѣмъ тѣснѣе ея матеріальная, умственная и нравственная связь съ делегатами ея, поставленными обстоятельствами во главѣ движенія. Но и принудительность въ отношеніи враждебныхъ элементовъ можетъ быть доведена до минимума, если всѣ матеріальныя, общественныя силы перешли въ руки побѣдившей партіи, если она составляетъ громадное большинство населенія и если враги новаго строя, оставшіеся въ его средѣ, могутъ для своей дѣятельности располагать лишь своимъ личнымъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ. Но именно этотъ случай представила бы побѣдоносная, соціальная революція, совершенная рабочимъ пролетаріатомъ.

Такъ какъ экономическій переворотъ совершенъ не былъ, то задача *свободнаго,* политическаго строя въ Парижѣ, пережившемъ революцію пролетаріата и наполненномъ врагами этого пролетаріата, въ рукахъ которыхъ были *всѣ* частныя, матеріальныя средства, предстала во всей своей неразрѣшимости. Парижъ богатыхъ буржуа и нищихъ пролетаріевъ, какъ разносословная, политическая община, требовалъ во имя либеральныхъ началъ полной свободы слова, собраній, критики правительства и т. д. Парижъ, совершившій революцію въ пользу про-

летаріата и поставившій своею задачею осуществить эту революцію въ учрежденіяхъ, Парижъ, какъ община эмансипированнаго рабочаго пролетаріата, требовалъ революціонныхъ, т. е. диктаторіальныхъ мѣръ относительно враговъ новаго строя. Большинство Коммуны во имя революціонныхъ традицій склонялось къ послѣднимъ мѣрамъ, не замѣчая, что всѣ онѣ будутъ совершенно безсильны, пока Парижъ останется разносословною политическою коммуною, гдѣ большинство матеріальныхъ средствъ останется въ рукахъ враждебной буржуазіи. Меньшинство, во имя принциповъ свободы и равенства боролось противу всякой диктатуры во всѣхъ ея проявленіяхъ, забывая, что равенство можетъ быть установлено только путемъ экономическаго переворота, революціонной диктатуры, и что свободѣ можно съ пользою говорить *только тогда*, когда это равенство будетъ установлено. Ни большинство, ни меньшинство не ставило передъ собою ясно и опредѣленно первой задачи соціальной революціи, безъ которой никакая другая задача рѣшена быть не могла: отмѣны всей старой экономической легальности революціоннымъ путемъ и установленія новаго экономическаго строя. Большинство прибѣгало къ безполезнымъ диктаторіальнымъ мѣрамъ. Меньшинство обрекало себя на безсильную оппозицію.

Борьба началась съ перваго же дня. Если революція не была экономическою, то она, по приведенному выше выраженію Вермореля, стала «борьбою за власть». Мы видѣли выше, какъ Центральный Комитетъ боролся за власть съ собраніемъ мэровъ и депутатовъ. Коммунѣ встрѣтился соперникъ въ ея предшественникѣ, Центральномъ Комитетѣ. Случайно осуществленная въ Національной Гвардіи организація въ эпоху безначальственнаго Парижа позволила Центральному Комитету разыграть историческую революціонную роль. Онъ поторопился сложить съ себя отвѣтственность на выборный Совѣтъ Коммуны, но, фактически, онъ оставался единственною

организаціею, слѣдовательно—единственною силою. Распустить его было бы ослабленіемъ новаго общественнаго строя *), но поглотить его въ болѣе разносторонней организаціи рабочаго класса для всего Парижа и связать эту организацію съ совѣтомъ Коммуны было насущною задачею этого строя. «Чтобы эта общественная сила — пишетъ Лефрансэ (198) — не могла сдѣлаться орудіемъ честолюбцевъ, достигшихъ власти», необходима была «гражданская организація по кварталамъ, гдѣ гражданинъ, работникъ, распоряжающійся мѣстною организаціею и обсуждающій свои права и интересы, преобладалъ бы по вліянію надъ тѣмъ же работникомъ, сдѣлавшимся, въ слѣдствіе необходимости, солдатомъ Коммуны». Указаніе (впрочемъ очень недостаточное) на проэктъ подобной организаціи встрѣчаемъ въ первой проэктированной прокламаціи Коммуны (ее составили Лефрансэ, Валлэсъ и Ранкъ) но она была оставлена въ сторонѣ; о гражданской организаціи некогда было думать, тогда какъ военная организація осталась въ своей цѣлости и дала фактическую возможность Центральному Комитету не безъ успѣха соперничать съ Совѣтомъ Коммуны и съ военною властью, ею назначенною. Его прокламація къ парижанамъ появилась ранѣе чѣмъ прокламація Коммуны послѣ ея провозглашенія. Онъ сохранялъ свое право контроля и дѣйствія на правительство. Онъ, иногда, яснѣе ставилъ соціалистическую задачу революціи 18 марта, чѣмъ это дѣлала Коммуна. Въ засѣданіи Совѣта

*) Лиссагарэ укоряетъ Совѣтъ Коммуны (178), что онъ не распустилъ Центральный Комитетъ немедленно послѣ учрежденія Коммуны. Это несправедливо. При полномъ недостаткѣ какой либо организаціи въ населеніи Парижа въ виду враговъ приходилось дорожить существующей организаціей, но, конечно, надо было немедленно или овладѣть ею, или поглотить ее другою, болѣе обширною и тѣснѣе связанною съ избраннымъ правительствомъ.

8 мая Журдъ спросилъ товарищей: «Какъ называется правительство: Центральный Комитетъ или Коммуна»? («Journ. Off.» № 30). Мы видѣли какъ Комитетъ боролся съ Клюзерэ, съ Росселемъ, какъ это двоевластіе парализовало и деморализовало военныя дѣйствія и содѣйствовало съ своей стороны не мало паденію Коммуны. Все это было фатальнымъ слѣдствіемъ существованія въ обществѣ военной организаціи при отсутствіи гражданской ее поглощающей, какъ одну изъ своихъ функцій.

Внѣ этого соперничества, съ перваго же дня столкнулись въ Коммунѣ взгляды на Совѣтъ какъ на власть *надъ* Парижемъ и какъ на «исполнительную власть» *для* Парижа, какъ на делегатовъ Парижа остающихся «подъ наблюденіемъ народа», ограничивающихся тѣмъ, что они «формулируютъ стремленія, волю толпы, переводятъ ихъ на языкъ фактовъ» (Arn. II, 96—97). Паскаль Груссэ на первомъ же засѣданіи поставилъ Коммунѣ идеалъ венеціанскаго «Совѣта десяти». Артюръ Арну противупоставилъ ему идеалъ «управленія народа народомъ» (тамъ же, 92). Большинство было постоянно на сторонѣ перваго направленія и подъ этимъ вліяніемъ послѣдовалъ рядъ декретовъ при безсильномъ протестѣ меньшинства; отсюда вышли «угрожающія мѣры», никого не запугавшія, но бросившія тѣнь на знамя Коммуны, именно потому что онѣ были нецѣлесообразны; отсюда же вышелъ и тотъ полицейскій порядокъ въ Коммунѣ, который, не обезсиливъ враговъ, увеличивалъ ихъ число опять-таки по своей нецѣлесообразности.

Фазисы борьбы были сначала сомнительны. Авторитарная группа провела съ первой минуты декретъ о тайнѣ засѣданій, но онъ былъ отмѣненъ чрезъ двѣ недѣли и въ засѣданіи 12 апрѣля постановлено, что отчеты о засѣданіяхъ будутъ печататься въ оффиціальномъ журналѣ. Наканунѣ 2 апрѣля въ Совѣтѣ Коммуны шли пренія объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ и правилъ, ограничивающихъ свободу прессы, собраній и ассоціацій. Голосованіе под-

нятіемъ рукъ дало неопредѣленный результатъ и, вслѣдствіе поздняго времени, поименное голосованіе отложено было на другой день. На другой день началась аттака версальцевъ и проэктъ закона былъ взятъ назадъ. Съ тѣхъ поръ преобладаніе сторонниковъ диктатуры все росло; ихъ мѣры становились все рѣзче если не цѣлесообразнѣе, и въ послѣднее время Коммуны, въ засѣданіи 12 мая, Режэръ прямо говорилъ: «Нужна неограниченная власть тому, на комъ лежитъ неограниченная отвѣтственность» («Journ. Off.» № 133). 3 апрѣля въ оффиціальномъ журналѣ Коммуны помѣщено было замѣчаніе газетѣ «Paris Journal.» 5 апрѣля схвачены номера трехъ газетъ. Конечно за тѣмъ послѣдовали обыкновенныя явленія: появленіе журналовъ подъ другуми названіями, новыя преслѣдованія и захваты и т. д. Въ засѣданіи 21 апрѣля Амуру предлагалъ, на время войны, прекратить появленіе всѣхъ журналовъ, кромѣ оффиціальнаго («Journ. Off.» № 113). Все это были напрасныя усилія. Слишкомъ ясно было, что въ осажденномъ городѣ, во время битвы, не было ни малѣйшей возможности позволять существовать прессѣ, систематически клеветавшей на распорядителей битвою, на войска Коммуны, но *на почвѣ либеральной легальности* всякое запрещеніе и преслѣдованіе было бы такъ же гибельно для правительства Коммуны, какъ невозможно было существованіе этого деморализующаго начала въ средѣ осажденныхъ. Лефрансэ говоритъ (269), что надо было дать свободу слова, но подъ опасеніемъ *смертной казни* редактору за всякую статью, призывающую къ измѣнѣ. Артюръ Арну также сознается (II, 142): «Осажденный городъ не можетъ допустить, чтобы въ его средѣ открыто высказывали желаніе его паденія, чтобы призывали къ измѣнѣ бойцовъ его защищающихъ, чтобы непріятелю сообщали движенія его войска. Таково было положеніе Парижа при Коммунѣ. Въ этомъ случаѣ Коммуна, не трогая журналовъ, должна была дѣйствовать противу нѣкоторыхъ журналистовъ,

но какъ противъ измѣнниковъ и общественныхъ враговъ, какъ только они переходили предѣлы, наложенные на нихъ фактическимъ осаднымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились; какъ только они переходили отъ свободной критики къ содѣйствію осаждающимъ». Не знаю, было ли предложено что либо подобное, но можно сказать навѣрное, что подобная казуистика не имѣла бы никакого дѣйствіи, особенно потому, что правительство Коммуны состояло изъ людей, которые никогда не привели бы въ дѣйствіе такой угрозы и что этого правительства враги *не боялись*. По этому, находясь на крайне шаткой принципіальной точкѣ зрѣнія, но при весьма серьезныхъ реальныхъ обстоятельствахъ, пришлось Коммунѣ и Комитету общественнаго спасенія, безъ увѣренности въ правѣ сдѣлать это, запрещать враждебные журналы на зло принципу «свободы слова», закрывать мятежныя собранія на зло принципу «свободы собранія», дѣлать обыски для отобранія оружія у враждебныхъ національныхъ гвардейцевъ; пришлось арестовывать безъ суда и содержать арестованныхъ подъ секретомъ (Arn. II, 164); пришлось даже обращаться къ добрымъ гражданамъ съ просьбою о тайной полиціи и о доносахъ противъ тайныхъ враговъ новаго строя (Lanj. Corr. 161, 177). Все это были самыя возмутительныя нарушенія либеральныхъ началъ въ Парижѣ — свободной *политической* общинѣ съ равноправными гражданами, независимо отъ ихъ убѣжденій. Все это было бы даже едвали нужно въ Парижѣ—общинѣ *рабочихъ*, совершившихъ экономическую революцію, гдѣ былъ гражданиномъ лишь тотъ, кто примыкалъ къ новому революціонному строю.

Главными дѣятелями здѣсь были Рауль Риго и Феррэ (временно Курнэ). Всѣ сторонники Коммуны согласны въ осужденіи дѣятельности полиціи. Лефрансэ серьезно порицаетъ (267 и сл.) какъ организацію вѣдомства «общей безопасности» такъ и его личный составъ, «гражданъ, которые внесли въ это дѣло лишь жаръ юности и съумѣли

лишь компрометировать дѣло, которому посвятили себя самоотверженно. Вполнѣ лишенные спокойствія, опытности и необходимаго такта для исполненія этихъ отвратительныхъ обязанностей.... тѣ, которые приняли ихъ на себя, не съумѣли даже выполнить ихъ такъ, чтобы не напоминать возмутительныя представленія, связанныя съ ними прежними должностными лицами по этой части... Вполнѣ неспособные — къ ихъ чести—употреблять опасное и безнравственное оружіе политической полиціи, они лишь внушили отвращеніе къ тѣмъ принципамъ, которые хотѣли поддержать, неумѣя никогда серьезно противудѣйствовать подземнымъ и болѣе разсчетливымъ подходамъ нашихъ противниковъ». Малонъ смотритъ иначе на задачу революціи 18 Марта. «Въ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя пришлось переживать Коммунѣ—пишетъ онъ (173)—весьма важна была организація хорошей политической полиціи. Это было дѣло коммиссіи *общей безопасности*, вся власть которой концентрировалась въ рукахъ Феррэ и Ригò, но это дѣло было имъ далеко не подъ силу. Организованной службы тутъ вовсе не было. Но хотѣли не въ попадъ пускать въ ходъ политическій деспотизмъ и арестовывали на право и на лѣво, никогда не хватая дѣйствительно-опасныхъ людей. Между тѣмъ желавшіе низвергнуть Коммуну путемъ внутренняго возстанія безъ помѣхи составляли заговоры, чуть чуть не организовали армію недовольныхъ въ Парижѣ... А делегаты Безопасности ничего не знали... Ни одинъ изъ начальниковъ не былъ взятъ... Коммуна нуждалась, въ этомъ случаѣ, въ искусномъ, политическомъ, благоразумномъ, хотя и строгомъ наблюденіи, а у нея былъ только полицейскій кутежъ». «Съ точки зрѣнія политики—пишетъ Арт. Арну (II, 162 и сл.)—они были самые крайніе изъ тѣхъ, которые непризнавали особеннаго характера Коммуны 1871 г. и видѣли въ ней лишь болѣе или менѣе разумное продолженіе первой революціонной коммуны... Аресты дѣлались безъ разбора, почти

всегда не въ попадъ. Истинные агенты Версаля ускользали отъ преслѣдованій, или, взятые, были на другой день выпущены большею частью неизвѣстно кѣмъ и какъ... Очевидно произведено много арестовъ безполезныхъ или неоправданныхъ... Они были часто результатомъ неспособности, или измѣны, разсчитаннаго насилія со стороны импровизированныхъ агентовъ, которыхъ приходилось употреблять». Лиссагарэ кромѣ того напираетъ (247) на «мальчишество» большинства ближайшихъ помощниковъ Риго и Феррэ, на излишнюю товарищескую снисходительность Коммиссіи Безопасности, на «блудящіе огни» ея свѣдѣній, которыя «должны были бы освѣтить всѣ закоулки». Коммуна издала нѣсколько декретовъ въ огражденіе правъ арестованныхъ и споры по этому поводу, особенно противъ заключенія подъ полнымъ секретомъ, принадлежали къ самымъ горячимъ въ Совѣтѣ. Риго принужденъ былъ даже подать въ отставку. Но декреты не исполнялись. Люди, одаренные бо́льшимъ тактомъ и большею разсудительностью, чуждались полицейскаго дѣла и группа Риго и Феррэ осталась безусловною распорядительницею въ этой области. Отъ этой группы вышли, преимущественно, «устрашительные декреты» Коммуны, и мы сейчасъ увидимъ, какъ тяжело легло на память Коммуны участіе въ ней этихъ людей въ тѣ страшные дни, когда ихъ не сдерживало уже никакое вліяніе товарищей.

Многое дѣлалось въ Коммунѣ съ цѣлью устрашенія. Самое созданіе Комитета Общественнаго Спасенія имѣло для многихъ его сторонниковъ смыслъ террора. Онъ назначался для того, чтобы «рубить головы измѣнникамъ» («Journ. Off.» № 123), чтобы «поражать измѣну» (тамъ же, № 124). Спеціально къ «устрашительнымъ декретамъ» слѣдуетъ отнести распоряженіе (3 апрѣля) объ арестѣ имущества Тьера и его министровъ, о разрушеніи дома Тьера, о разрушеніи Вандомской колонны, въ особенности же декретъ о заложникахъ. Этотъ послѣдній декретъ

былъ отъ 6 апрѣля и постановлялъ, что всякій обвиненный въ сношеніяхъ съ врагомъ долженъ былъ быть въ 24 часа отданъ на судъ присяжныхъ-обвинителей, приговоръ долженъ былъ быть произнесенъ въ 48 часовъ и всякій, признанный виновнымъ, становился «заложникомъ парижскаго народа»; за всякаго разстрѣленнаго версальцами плѣннаго или сторонника Коммуны, тройное число «заложниковъ» должно было быть разстрѣлено (Lanj. Corr. 221). Декретъ этотъ, по словамъ Арт. Арну (II, 135), былъ вотированъ единогласно, но авторъ сознается, что эта мѣра была совершенно нецѣлесообразна. «Съ точки зрѣнія практики, въ революціи опасно и неблагоразумно угрожать врагу, когда онъ не въ нашихъ рукахъ», говоритъ онъ (136) и указываетъ, что Тьеръ совершилъ массовыя убійства безъ всякаго декрета, что «испугать версальцевъ» этотъ декретъ не могъ, между тѣмъ «Коммуна приняла на себя чувство отвращенія, вызванное декретомъ, который... она никогда не приложила... Она нанесла ударъ лишь самой себѣ» (136). Лефрансэ также находитъ, что, «угроза, заключавшаяся въ этомъ декретѣ и назначенная, по мысли его авторовъ, единственно для устрашенія версальцевъ, была неловкостью, такъ какъ, небудучи выполнена — и это было, вообще, къ счастію — она даромъ придавала Коммунѣ характеръ кажущейся жестокости, къ которой были совершенно неспособны почти всѣ ея члены» (227). Насколько эти слова вѣрны для правительства Коммуны доказываетъ разсказъ Арт. Арну (III, 107—109) объ одномъ изъ самыхъ «ужасныхъ» членовъ Коммуны, именно о Делеклюзѣ, который со слезами на глазахъ вымаливалъ у раздраженнаго національнаго гвардейца жизнь плѣннаго версальскаго жандарма, повторяя: «не будемъ подражать врагамъ нашимъ; не будемъ рѣзать беззащитныхъ плѣнниковъ!» И въ этомъ Делеклюза поддерживалъ, на сколько помнитъ Арну, еще болѣе «ужасный» членъ Коммуны, свирѣпый Феликсъ Піа. Подъ конецъ существованія

Коммуны, въ засѣданіи 17 мая, было высказано нѣсколько требованій привести въ немедленное дѣйствіе декретъ 6 апрѣля. Арестовано было 260 заложниковъ, но все таки декретъ въ дѣйствіе приведенъ не былъ. Когда Коммуна падала въ полномъ безначаліи и 24 мая три члена ея, Лефрансэ, Лонгэ и Валлэсъ узнали о разстрѣляніи нѣсколькихъ заложниковъ въ тюрьмѣ Ла-Рокэтъ «наше общее первое впечатлѣніе — пишетъ Лефрансэ (334) — было смѣсью изумленія и гнѣва... Дѣйствіе это возмущало насъ, точно также какъ и нашихъ друзей и присутствовавшихъ въ мэріи, *) какъ вполнѣ варварское и недостойное тѣхъ началъ справедливости, которыя должны были бы руководить Коммуною до ея послѣдняго паденія». «Какая война! какая война!» восклицалъ Делеклюзъ, закрывая лице руками, когда ему сообщили объ этой казни (Liss. 391). Приказаніе этой казни не вышло изъ послѣднихъ засѣданій Коммуны; отъ него до послѣдней своей минуты отрѣкался и спеціально въ этомъ обвиненный Феррэ, признавшій себя отвѣтственнымъ за многія другія военныя дѣйствія, которыя безспорно влекли за собою осужденіе на смерть (тамъ же 335). Впрочемъ разстрѣляніе Шодэ 23 марта въ Сент-Пелажи было дѣломъ Рауля Риго (Liss. 375). Но съ 28 марта по 21 мая, во все время, пока засѣдалъ Совѣтъ Коммуны, «не пало ни одной головы; Коммуна не пролила ни одной капли крови» (Arn. III, 106). «Я никогда не видѣлъ—говоритъ Арт. Арну — собранія людей, которое имѣло бы такое инстинктивное или сознательное отвращеніе отъ пролитія крови, такую непобѣдимую антипатію къ смертной казни». Сравнивая дѣйствія якобинскаго большинства Коммуны съ его идеалами конца XVIII вѣка, Фіо говоритъ (321): «Должно все таки сознаться, что Коммуна далеко

*) 11-го округа, куда удалились послѣдніе члены Коммуны послѣ пожара ратуши.

отстала отъ Законодательнаго собранія, которое захватило, конфисковало и пустило въ продажу движимость и недвижимость эмигрантовъ, и кажется очень робкой въ сравненіи съ Конвентомъ, который осудилъ этихъ же эмигрантовъ на гражданскую смерть, на вѣчное изгнаніе и привлекалъ ихъ предъ суды, обрекавшіе ихъ на казнь, если они возвращались во Францію». Еще 26 мая, когда десятки тысячъ труповъ разстрѣлянныхъ инсургентовъ наполняли улицы Парижа, членъ Коммуны пытался помѣшать разстрѣлянію заложниковъ (Liss. 414). Но въ эти дни, когда версальцы вступили въ Парижъ и все было предоставлено личной инициативѣ, когда не существовало ни гражданской ни военной власти, способной дѣлать распоряженія, тогда выступили отъ своего имени личности, которыя убивали и поджигали безъ цѣли, безъ необходимости, чтобы «отвести душу», чтобы удовлетворить расходившемуся аффекту, когда кругомъ была смерть и сами палачи и поджигатели каждую минуту ждали смерти. Между ними былъ Ригò, были другіе делегаты Общественной Безопасности (Liss. 388). Для этихъ людей чувство мести заглушало все остальное и они не въ состояніи были уже судить, насколько цѣлесообразны, на сколько *для ихъ знамени* полезны ихъ дѣйствія. А въ недобросовѣстныхъ разсказахъ о Коммунѣ, въ легкомысленныхъ вопляхъ объ «ужасахъ Коммуны» со стороны либераловъ разной національности всѣ эти дѣйствія отдѣльныхъ экзальтированныхъ личностей ложатся пятномъ на знамя Делеклюзовъ и Варленовъ. *)

Здѣсь, въ рядѣ безразсудныхъ дѣйствій полиціи Коммуны и въ рядѣ поступковъ отдѣльныхъ лицъ, неспособ-

---

*) Напомню, впрочѣмъ, что и въ эти дни погибло всего 64 заложника изъ 260, въ то самое время какъ происходило избіеніе версальцами *десятковъ тысячъ* жителей Парижа.

ныхъ совладать со своимъ аффектомъ и не разсуждавшихъ о томъ, какъ этотъ аффектъ отзовется на знамени, которое они взялись поддерживать, мы имѣемъ группы фактовъ, для которыхъ уже нельзя искать объясненіе ни въ недостаткѣ теоретической подготовки партіи, ни въ недостаткѣ въ ней техническихъ знаній, какъ при гибельныхъ ошибкахъ военной техники. Здѣсь предъ нами просто неосторожный выборъ личностей, которыя—какъ Риго, Феррэ и ихъ друзья—полны энергіи и самоотверженія, но совершенно неспособны исполнять дѣло, на которое поставлены. Какимъ образомъ представители революціонной французской интеллигенціи, дѣйствовавшіе въ Совѣтѣ Коммуны и въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, могли допустить присутствіе подобныхъ неспособностей на столь важныхъ для Коммуны мѣстахъ?

Едва ли объясненіе этому не приходится искать въ другомъ рядѣ фактовъ той «борьбы за власть», которая неизбѣжно характеризовала исторію Коммуны, на сколько она была продуктомъ чисто-политическаго элемента революціи. Столкновеніе между авторитарнымъ и анти-авторитарнымъ направленіемъ внутри Совѣта Коммуны влекло за собою естественное стремленіе болѣе знакомой другъ другу и скорѣе способной организоваться партіи — именно якобинцевъ-рутинеровъ — помѣстить всюду *своихъ* людей, независимо отъ ихъ умственнаго и нравственнаго достоинства, по вслѣдствіе ихъ личной связи со сторонниками большинства, и ихъ готовности поддерживать власть послѣдняго. «Кто принадлежалъ къ извѣстной группѣ—пишетъ Лиссагарэ (132)—того поддерживали во всѣхъ случаяхъ, не обращая вниманія на его ошибки. Даже чтобы служить Коммунѣ надо было принадлежать къ тому или другому братству. Предлагали искренно свои услуги многіе — испытанные демократы, умные чиновники, бѣжавшіе изъ среды государства, даже офицеры-республиканцы. Ихъ приняли свысока иныя неспособности, которыя знали дѣло со вчерашняго дня и

преданность которыхъ не должна была пережить 20 мая. Между тѣмъ недостатокъ персонала и знаній становился ежедневно болѣе тягостнымъ». Подъ этимъ же вліяніемъ мелочнаго стремленія имѣть вездѣ *своихъ* людей партія большинства выбирала въ Комитетъ Общественнаго Спасенія Бильоро вмѣсто предложеннаго Варлена (Liss. 288) и въ послѣднюю минуту борьбы удаляла Варлена, Вермореля, Лонгэ изъ занимаемыхъ ими должностей въ интендантствѣ, въ Общественной Безопасности, въ редакціи «Оффиціальнаго журнала» (Liss. 316). Внутренняя политика Совѣта Коммуны и Комитета Общественнаго Спасенія представляетъ по этому такое же печальное зрѣлище, какъ и политика всякой старой политической среды, гдѣ люди борятся за власть и вліяніе. Существенные недостатки положенія не измѣнялись отъ того что (20 апрѣля) Исполнительная Коммиссія образовала нѣчто въ родѣ отвѣтственнаго министерства въ средѣ Коммуны (Lanj. Corr. 316—317). Ихъ не исправило и традиціонное воскрешеніе (1 мая) Комитета Общественнаго Спасенія, который—опять-таки по традиціи—собирался въ свое время арестовывать и разстрѣливать членовъ меньшинства Коммуны. Имъ не помогъ и неисполнимый декретъ, вводившій (2 мая) свидѣтельства о личности (Cartes d'identité). Внутреннія интриги шли въ этой революціонной политической средѣ совершенно также, какъ и во всякомъ другомъ политическомъ центрѣ власти и избѣгнуть ошибокъ было невозможно. Піа ругалъ въ засѣданіяхъ Вермореля — «шпіономъ», Тридона — «навозомъ» (Liss. 231) и радовался когда ему удавалось «обойти» (rouler) меньшинство (Liss. 288; Lefr. 294). Малонъ называлъ Піа «злымъ геніемъ этой революціи» и говорилъ ему, что его вліяніе губитъ Коммуну (Liss. 288). Напрасно Делеклюзъ, который подъ конецъ видѣлъ всѣ ошибки якобинско-бланкистской котеріи, уговаривалъ «прекратить личные раздоры», заняться лишь «спасеніемъ страны» (Liss 286). Совѣтъ Коммуны, Комитетъ Обще-

ственнаго Спасенія, Центральный комитетъ національной гвардіи, споря за обрывки распадающейся власти, не только не могли остановить прогрессирующаго разложенія того фиктивнаго цѣлаго, которое представлялъ Парижъ — *политическая коммуна*, наполненная непримиримыми врагами, но еще ускоряли это разложеніе своими раздорами. Однимъ изъ болѣзненныхъ явленій этого разложенія былъ и знаменитый протестъ «обойденнаго» меньшинства противъ диктатуры Комитета Общественнаго Спасенія, протестъ, который, появившись 16 мая, наканунѣ паденія Парижа, былъ, по сознанію самихъ его участниковъ, вполнѣ несвоевременъ (Lefr. 306: Arn. III, 41; Mal. 318); дѣло шло уже «не о томъ, *чѣмъ* будетъ Коммуна и *какова* она будетъ, а о томъ, *будетъ* ли она вообще» (Arn. III, 42). Во всякомъ случаѣ, высказывая протестъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, слѣдовало предложить какія либо мѣры дѣйствія, но меньшинство, оставивъ почву экономическаго переворота съ самаго начала, не было въ состояніи уже предложить ничего (ср. Liss. 317).

Само собою разумѣется, что, при подобномъ поглощеніи личностей частью обыденными заботами управленія и обороны, частью мелкою борьбою за власть, жалкую роль долженъ былъ играть вопросъ о сношеніяхъ съ остальною Франціею, объ отысканіи тамъ союзниковъ, о вызовѣ движенія систематически организованнаго противу Версаля. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи было сдѣлано непростительно мало и еще менѣе для установленія правильныхъ сношеній съ организованными рабочими партіями Бельгіи, Швейцаріи, Англіи, Германіи. То и другое, впрочемъ, объясняется тѣмъ систематическимъ игнорированіемъ внѣ-парижскаго міра, которое составляетъ характеристическую черту жителей Парижа. Мы видѣли выше обращенія Коммуны къ французскому народу, рѣдкія, поздніе и далеко неопредѣленныя. Еще 15 мая, когда почти все было кончено, Паскаль Груссэ

публиковалъ довольно слабый манифестъ «къ большимъ городамъ» (Lanj. Corr. 476). Аэростаты разбрасывали и 100.000 экземпляровъ горячаго воззванія Андре Лео къ французскимъ крестьянамъ (Mal. 196). Элементы агитаціи существовали во многихъ мѣстахъ Франціи. Можно было сдѣлать многое, при знаніи мѣстности и при энергіи. «Конечно — говоритъ Малонъ (395) — внушительная диверсія могла бы имѣть мѣсто, если бы члены секцій Интернаціонала и революціонные комитеты городовъ имѣли болѣе времени окончить свою подготовку и войти въ соглашеніе». «Делегація (внѣшнихъ сношеній) — пишетъ Лиссагарэ (252) — удовольствовалась тѣмъ, что посылала изрѣдка нѣсколькихъ эмиссаровъ, лишенныхъ знакомства со средою, лишенныхъ такта, лишенныхъ авторитета. Ее даже эксплуатировали измѣнники, которые положили деньги въ карманъ и выдали ея инструкціи Версалю. Напрасно предлагали свои услуги извѣстные республиканцы, знакомые съ нравами провинціи. И здѣсь, какъ въ другихъ должностяхъ, надо было нравиться руководящему кружку. Наконецъ, чтобы поднять Францію, рискнули всего 100.000 франковъ... Эта делегація, созданная исключительно для внѣшнихъ дѣлъ, забыла совершенно остальной міръ. Во всей Европѣ рабочій классъ жадно впивалъ въ себя извѣстія изъ Парижа. Сердцемъ бился онъ съ великимъ городомъ, сдѣлавшимся его столицею, учащалъ митинги, процессіи, адресы. Его журналы, большею частью бѣдные, смѣло боролись противу клеветъ буржуазной прессы. Обязанность делегаціи была—протянуть руку этимъ драгоцѣннымъ союзникамъ. Она ничего не сдѣлала». Коммунальное движеніе внутри Франціи, неорганизованное, предоставленное самому себѣ, ограничилось мѣстными, разновременными, отрывочными и быстро подавленными взрывами (Liss. гл. IX, X и XIII). Рабочіе другихъ странъ Европы, оставленные безъ правильныхъ свѣдѣній (которыхъ не получалъ даже Генеральный Совѣтъ Интернаціонала въ Лондонѣ), не воз-

буждаемые живыми сношеніями, личными участниками событій, не могли перейти отъ сочувствія къ дѣятельной помощи, тѣмъ болѣе, что агитація Интернаціонала, направленная до тѣхъ поръ на чисто экономическіе вопросы и не выставившая никакой политической программы въ зависимости отъ своихъ экономическихъ требованій, оказывалась безсильною въ ту самую минуту, когда обстоятельства вызвали побѣдоносный взрывъ пролетаріата въ одномъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ Европы. Когда, въ серединѣ мая, при явной безнадежности для Коммуны отстоять себѣ собственными силами, добровольные эмиссары пошли искать ей помощи въ Бельгіи и у Генеральнаго Совѣта, ни бельгійскій Интернаціоналъ, ни грозный Совѣтъ, который такъ обвиняли въ централизаціи власти, не только не могли произвести вспомогательнаго соціалистическаго движенія на границахъ Франціи, но не были въ силахъ вызвать даже внушительныхъ демонстрацій въ пользу гибнущей Коммуны.

Судьба ея была рѣшена. Паденіе ея было уже лишь вопросомъ времени. «Наступилъ періодъ обморока, безграничнаго утомленія. Соперничества, споры, интриги разслабили всякую энергію. Совѣтъ (Коммуны) занимается мелочами, глупостями. Комитетъ Общественнаго Спасенія учащаетъ романтическія прокламаціи, которыя никого не трогаютъ. Центральный Комитетъ думаетъ только о захватѣ власти». (Liss. 336).

Въ 7 часовъ вечера 21 мая Комитетъ Общественнаго Спасенія получилъ телеграмму Домбровскаго, что версальцы вступили въ Парижъ. Когда Вильоре доложилъ эту телеграмму въ засѣданіи Совѣта Коммуны и прибавилъ: «Комитетъ Общественнаго Спасенія бодрствуетъ», на минуту всѣ молчали. Мысль о столь быстрой развязкѣ не могли еще усвоить. Затѣмъ предсѣдатель Совѣта, Жюль Валлэсъ, торжественно перешелъ къ порядку преній (Arn. III, 90) и въ 8 часовъ закрылъ послѣднее засѣданіе Совѣта Парижской Коммуны. «Въ слѣдующіе

дни—пишетъ Арт. Арну (III, 41)—она уже не дѣйствовала, какъ политическая власть. Дѣйствіе перешло къ самому народу и къ нѣсколькимъ личностямъ, которыя собственною силою держались на поверхности волнъ во время самой ужасной бури. Пока обстоятельства позволяли имъ что либо дѣлать, члены Совѣта могли дѣйствовать только лично, разбросанные, бѣгая отъ одной баррикады къ другой, или взятые въ плѣнъ, отрѣзанные версальскими войсками». Послѣдній номеръ «Оффиціальнаго журнала» вышелъ 24 марта (Liss. 379). Подъ версальскими бомбами, падавшими на типографію, появлялись еще журналы въ Парижѣ (Liss, 367). Еще афиши на стѣнахъ Парижа назначали на 23, на 25 мая концерты и представленія («Mur. Pol.» II, 559, 565).

Было уже сказано выше, что защита Парижа была въ это время предоставлена мѣстной, личной иниціативѣ. Ничего не было сдѣлано заранѣе для обороны такихъ пунктовъ какъ Трокадеро, Монмартръ, Пантеонъ, Buttes Chaumont. «Всюду шли препія»—пишетъ Лиссагарэ. Изъ пяти членовъ Комитета Общественнаго Спасенія Бильорэ исчезъ 21 мая. На другой день исчезъ Піа. Центромъ обороны былъ Делеклюзъ и «замогильная рѣчь» этого едва дышащаго старика одушевляла послѣднихъ бойцовъ за Коммуну (Liss. 381). Но все было кончено. Никакая энергія, никакое самоотверженіе не въ состояніи спасти въ послѣднія минуты общественный строй, не подготовившій своей побѣды, не подготовившій своей обороны. Делеклюзу оставалось только умереть. Онъ пошелъ сознательно на вѣрную смерть. «Молча, довѣрившись лишь своей строгой совѣсти, Делеклюзъ пошелъ на баррикаду, какъ старинные монтаньяры шли на эшафотъ. Долгій путь жизни истощилъ его силы. Онъ едва дышалъ; онъ отдалъ свое послѣднее дыханіе» (Liss. 402). Центральный комитетъ національной гвардіи за два дня предъ тѣмъ издалъ свою послѣднюю прокламацію (Mur. Pol. II, 571), гдѣ ставилъ условія побѣдителю, занявшему уже поло-

вину Парижа. Наканунѣ появилась послѣдняя прокламація Комитета Общественнаго Спасенія (тамъ же. 570). Ранвье сдѣлался послѣднимъ оффиціальнымъ центромъ борьбы и его именемъ подписана въ Бельвилѣ послѣдняя прокламація парижскаго возстанія пролетаріата (тамъ же 576). Риго, Варленъ и еще два члена Коммуны пали подъ пулями версальцевъ. Той же участи подвергся Мильеръ. Чрезъ нѣсколько времени умерли отъ ранъ въ Версалѣ Верморель, въ Бельгіи Тридонъ. Чрезъ полгода Коммиссія помилованія совершила юридическое убійство Росселя и Феррэ. Другіе шли въ Новую Каледонію. Наиболѣе счастливые начинали жизнь изгнанія въ Лондонѣ и Женевѣ. Короткій эпизодъ первой революціи, совершенной пролетаріатомъ *для пролетаріата*, кончился торжествомъ его противниковъ. Этотъ эпизодъ съ 18 марта по 28 мая продолжался 72 дня.

---

8. **Что сдѣлала Коммуна?**

Парижская Коммуна пала. При данныхъ условіяхъ это паденіе было фатально. Революція застала передовыя партіи неподготовленными къ тому, чтобъ захватить въ свои руки движеніе, дать ему опредѣленную программу и рѣшительно осуществить ее. Революція не нашла въ передовыхъ партіяхъ людей съ надлежащимъ знаніемъ и умѣньемъ военнаго дѣла, чтобъ создать планъ дѣйствія, приспособленный съ даннымъ обстоятельствамъ. Революція, поднявшая самое передовое знамя, по необходимости передала его въ руки людей, которые внесли въ борьбу слишкомъ много личныхъ недостатковъ, личныхъ столкновеній изъ за власти и придали внутренней исторіи Коммуны характеръ, мало достойный того дѣла,

за который билась и гибла Парижская Коммуна 1871 года. Въ избыткѣ сыпались обвиненія на этихъ людей, оказавшихся — «ниже своей задачи» и эти обвиненія не только встрѣчаются почти неизбѣжно въ произведеніяхъ противниковъ Коммуны, но высказываются не разъ и ея сторонниками—(особенно Лиссагарэ). Припомнимъ по этому поводу слова Бакунина («Общ.» № 5 стр. 9): «Люди не преображаются, не перерождаются въ одинъ день, не мѣняютъ своихъ привычекъ, когда угодно». Повторимъ слова Артюра Арну (III, 95). «Не слѣдуетъ никогда забывать, что люди, которые мечтаютъ о будущемъ обществѣ, пытаются положить ему основаніе, родились, воспитались въ настоящемъ обществѣ; что его традиціи, его примѣры, его воспитаніе пустили въ каждомъ изъ насъ корни, которые трудно совсѣмъ отрѣзать». Всѣ патологическія явленія исторіи Коммуны, столь поучительная для революціонеровъ, изучающихъ эту исторію, были прямыми и явными слѣдствіями тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ произошелъ взрывъ 18 марта,—тѣхъ условій, при которыхъ развились и выработались люди, принявшіе неожиданно на свои плечи тяжелую отвѣтственность быть представителями и руководителями парижскаго пролетаріата въ минуту его побѣдоноснаго возстанія. При этихъ обстоятельствахъ и этихъ условіяхъ не могутъ и не должны удивить никого патологическіе явленія, которыя я не думалъ ни обходить, ни скрывать, какъ не можетъ никого удивить фатальный фактъ паденія Коммуны. Но можно и слѣдуетъ изумляться, что, при столь невыгодныхъ условіяхъ, при столь печальныхъ обстоятельствахъ, Парижская Коммуна 1871 года могла еще продержаться такъ долго и сдѣлать такъ много.

Потому что лишь то, что она дѣйствительно сдѣлала, поставила ее такъ высоко въ воспоминаніяхъ всемірнаго пролетаріата, борющагося за свои права, и соединило въ ея почитаніи всѣ разнообразныя партіи, раздѣлявшія и

раздѣляющія въ послѣдніе годы приверженцевъ рабочаго соціализма.

Что же сдѣлала Коммуна? Въ какихъ элементахъ этой совокупности событій,—заключавшей въ себѣ немало печальнаго и жалкаго, содержится ея завѣщаніе будущей исторіи и тайна ея вліянія на настоящее соціальное движеніе?

Мнѣ кажется, что эти историческіе элементы всѣ обусловливаются однимъ принципомъ, присущимъ парижскому движенію, и только однимъ. На сколько это движеніе осталось вѣрно этому принципу, насколько оно тѣсно примыкало къ нему, насколько дѣйствія личностей и группъ участвовавшихъ въ Парижской Коммунѣ, были слѣдствіями и выводами изъ этого принципа, настолько Парижская Коммуна заключала жизненныхъ элементовъ для настоящаго и будущаго. Всѣ ошибки и печальныя стороны событій этихъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ произошли отъ отклоненій отъ этого основнаго принципа. Все, что въ этихъ событіяхъ не имѣло прямой связи съ этимъ принципомъ, составляетъ временную примѣсь, обрѣченную на историческое безсиліе и на историческую смерть.

Я не разъ уже упоминалъ объ этомъ принципѣ, который я нахожу самымъ существеннымъ въ революціи 18 марта 1871 года. Это была революція *пролетаріата*. Въ первый разъ онъ въ ней сознательно противупоставилъ *свои* интересы и стремленія интересамъ и стремленіямъ господствующихъ классовъ.

Прослѣдимъ же въ кратцѣ факты, въ которыхъ этотъ принципъ проявился наиболѣе ярко; посмотримъ, въ какихъ отдѣльныхъ явленіяхъ онъ отразился болѣе или менѣе ясно; отмѣтимъ въ совокупности событій разнообразнаго происхожденія тѣ событія, которыя съ нимъ имѣли болѣе или менѣе отдаленную связь. Въ этотъ именно заключается историческое *дѣло* Коммуны, ея завѣщаніе будущему. Да, какъ сказано въ приведенныхъ

выше (стр. 71) словахъ Артюра Арну «Традиція была разрушена. Нѣчто неожиданное совершилось въ мірѣ. Въ правительствѣ не было ни одного члена управляющихъ классовъ». Тому нѣсколько лѣтъ я пробовалъ («Впер.» 1875, 132) вкратцѣ характеризовать переворотъ 18 марта словами, которыя могу повторить и теперь: «Революція 1871 года, *въ первый разъ въ исторіи* рѣшилась съ самаго начала поставить въ своей главѣ «неизвѣстныхъ людей» изъ народа Парижская Коммуна 1871 г. была первою организаціею общества, во главѣ которой стояли Франкели, Варлены, Тэйсы, Пенди и другіе работники физическаго труда, и при всѣхъ ошибкахъ, при всѣхъ несовершенствахъ управленія Коммуны, они доказали, что рабочій классъ можетъ выставить для распоряженія общественными дѣлами лицъ, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чѣмъ работники интелигенціи, считавшіе до тѣхъ поръ администрацію своею спеціальностью... *Сравнительно* съ декретами, вышедшими изъ парламентовъ и министерствъ, наполненныхъ тщательно вырощенными, выхоленными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли можетъ заслужить какое либо порицаніе: переплетчики, слесаря, золотыхъ дѣлъ мастера оказались на столько же годными для этого дѣла, какъ и воспитанники различныхъ лицеевъ и спеціальныхъ школъ, выросшіе въ средѣ дѣльцовъ и политиковъ. Парижская Коммуна, въ свое короткое существованіе, *окончательно уничтожила иллюзію*, что буржуазное развитіе даетъ какое бы то ни было превосходство въ управленіи общественными дѣлами, иллюзію, что пролетаріатъ, на другой день послѣ побѣды, все таки будетъ нуждаться въ интеллигенціи побѣжденныхъ буржуа и все таки долженъ будетъ поставить въ своей главѣ тѣхъ, противъ которыхъ возсталъ... Великіе дни марта 1871 года были первыми днями, когда пролетаріатъ не только произвелъ революцію, но и сталъ во главѣ ея. Это была *первая революція пролетаріата*».

Въ совершенномъ согласіи съ этимъ началомъ Коммуна установила декретомъ равенство содержанія чиновниковъ высшей администраціи и людей физическаго труда. Члены ея Совѣта получали не болѣе хорошаго рабочаго въ выгодной отрасли ремесла, 15 франковъ въ день, и высшее содержаніе въ новой республикѣ не должно было превосходить 6000 франковъ «Начиная со службы членовъ Коммуны вся общественная служба должна была быть оплачена по размѣру заработной платы простаго рабочаго.» («Civ. War.» 17). Въ то же время содержаніе школьныхъ учителей было почти удвоено и доведено до 2.000 франковъ. (Arn. II, 129).

Хотя мы видѣли, что слишкомъ часто въ оффиціальныхъ бумагахъ и заявленіяхъ идея политически-коммунальной революціи заслоняла идею революціи пролетаріата, однако слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняя снова и снова выдвигалась на первый планъ, какъ дѣйствительное содержаніе совершившейся революціи. Преждѣ чѣмъ интернаціоналистъ Лонгэ проповѣдывалъ въ «Оффиціальномъ журналѣ» фантастическое прекращеніе сословнаго антагонизма, этотъ журналъ печаталъ (21 марта) заявленіе: «Пролетаріи столицы, среди безсилія и измѣнъ правительственныхъ классовъ, поняли, что пришелъ часъ для нихъ найдти исходъ изъ даннаго положенія, взявъ въ свои руки распоряженіе политическими дѣлами... День освобожденія пролетаріата насталъ». Чрезъ два дня прокламація Центральнаго Комитета объясняла оппозицію буржуазной прессы ея «досадою на переходъ господства въ міръ рабочихъ». («Mur. Pol.» II, 78). Тотъ же Центральный Комитетъ говорилъ 5 апрѣля въ прокламаціи, обращенной къ жителямъ Парижа: «Не обманывайтесь, работники; это—великая борьба, это—столкновеніе паразитизма и труда, эксплуатаціи и проивводительности... Всѣ вы, трудящіеся и ищущіе рѣшеніе общественныхъ задачъ, васъ приглашаетъ Центральный Комитетъ идти согласно путемъ прогресса». (Lanj. Cor. 214—215).

Мэръ 5-го округа, призывая къ выборамъ жителей этого округа, говорилъ имъ, «о развитомъ пролетаріатѣ, истинномъ народѣ, единственномъ классѣ, чистомъ отъ нашихъ ошибокъ и паденій, единственномъ, наконецъ, способномъ спасти страну». (Mur. Pol. II, 128).— Старый соціалистъ Бэлэ, защищая въ засѣданіи Коммуны 14 апрѣля свой проэктъ разсчета между кредиторами и должниками въ Парижѣ, разсматривалъ его какъ «первую ступень общественной ликвидаціи». («Journ. Off.» № 105). Вопросъ о ночной работѣ въ булочныхъ подвергался въ засѣданіи 28 апрѣля обсужденію, какъ вопросъ «соціальный и гуманитарный», при чемъ Франкель заявлялъ: «Мы здѣсь не для того только, чтобъ защищать муниципальные вопросы, но для того чтобы совершить соціальныя реформы... Единственное полномочіе, мною принятое, — защищать пролетаріатъ». (тамъ же, № 119). Тотъ же Франкель, въ засѣданіи 6 мая, ставилъ въ будущемъ цѣлью Коммунѣ «реформу экономическаго строя» нераздѣльную отъ организаціи труда (тамъ же, № 127). А въ засѣданіи 12 мая представитель якобинцевъ, Бильорэ, требовалъ, чтобы Коммуна давала подряды «лишь рабочимъ ассоціаціямъ», говоря, что это былъ бы «первый серьезный шагъ на пути соціализма» (тамъ же, № 133).— Въ журналѣ «La Commune»—едва ли не самомъ замѣчательномъ по теоретическимъ статьямъ во время Коммуны изъ *продолжавшихся* журналовъ, если оставить въ сторонѣ пестроту взглядовъ его сотрудниковъ,— Марэ, нынѣшній редакторъ «Марсельезы», говорилъ 31 марта, что въ Коммунѣ дѣло идетъ не о «республикѣ» но о «революціи» (№ 12). Наконецъ Верморель, въ томъ самомъ № 2 «Ami du Peuple», изъ котораго я приводилъ выше цитаты и гдѣ онъ обѣщалъ разработать «великія революціонныя мѣры» настоящей минуты, говорилъ своимъ избирателямъ: «Революція 18 марта, если вы съумѣете доставить ей окончательное торжество, останется однимъ изъ великихъ событій исторіи человѣчества... Она освятила достиженіе

господства пролетаріатомъ».—Вообще можно согласиться въ нѣкоторой мѣрѣ съ Артюромъ Арну, когда онъ говоритъ (III, 97): «Коммуна рѣшительно развернула знамя соціализма и была первымъ правильно-учрежденнымъ, нѣсколько послѣдовательно дѣйствовавшимъ правительствомъ, которое не противу воли приняло опорою соціалистическіе принципы, заявляя, что дѣло, которое оно совершило, было нетолько дѣломъ политической свободы, но и дѣломъ соціальнаго обновленія». Это «соціальное обновленіе» заключалось и могло заключаться исключительно въ принципѣ революціи, совершенной въ пользу рабочаго пролетаріата.

Лишь въ зависимости отъ этого основнаго принципа революціи 18 марта приходится разсматривать и тотъ принципъ коммунальной независимости и коммунальной федераціи, которому большинство сторонниковъ Коммуны придаетъ первостепенное значеніе. Мнѣ въ предыдущемъ пришлось уже достаточно говорить о происшедшемъ смѣшеніи представленій автономной коммуны политической, средневѣковаго идеала, въ борьбѣ за который выработалась и окрѣпла буржуазія въ первыхъ фазисахъ ея развитія, съ автономной коммуной пролетаріата, которая должна была возникнуть послѣ экономической побѣды пролетаріата надъ его врагами, послѣ установленія *внутри* коммунъ общественной солидарности, не мыслимой при существованіи экономической эксплуатаціи труда капиталомъ и неизбѣжной по этому вражды классовъ внутри каждой коммуны. Разсматривая требованія коммунальной автономіи, въ томъ видѣ какъ они были большею частью поставлены во время борьбы, можетъ показаться страннымъ, какую связь видѣли безспорные соціалисты Коммуны между основнымъ вопросомъ соціализма о борьбѣ труда съ капиталомъ и той свободой коммуны, которую они одну выставляли на своемъ знамени. Въ небольшихъ городскихъ республикахъ гнетъ капитала надъ трудомъ могъ быть столь же неумолимъ и гибеленъ для рабо-

чихъ, какъ и въ обширныхъ державахъ, а пока централизація богатствъ въ рукахъ меньшинства продолжалась, пока капиталистическое хозяйство имѣло мѣсто, первый шагъ къ освобожденію труда не былъ еще сдѣланъ. Эмансипація разносословной коммуны, гдѣ господствовалъ бы по прежнему капиталъ, не имѣетъ ничего общаго съ эмансипаціею труда отъ капитала. Довольно вѣроятно, что есть нѣкоторая доля истины въ мысли, высказанной мимоходомъ Дюпойе въ его отвѣтѣ слѣдственной коммиссіи (Enq. 18 Mars II, 582), что группировка рабочихъ въ Интернаціоналѣ по секціямъ и путемъ федераціи этихъ секцій была однимъ изъ элементовъ развитія коммунальной идеи во Франціи въ 1871 году. «Эта ассоціація—говорилъ Дюпойе—имѣла готовую организацію, гдѣ слово *коммуна* прикрывало слово *секція* и федерація коммунъ была ничѣмъ другимъ, какъ федераціей секцій». Дѣйствительно, какъ уже было указано выше, реальный автономный элементъ строя, къ которому должна привести соціальная революція, есть не политическая коммуна, допускающая экономическое неравенство, смѣсь паразитовъ и трудящихся классовъ и т. д., а солидарная группа работниковъ разнаго рода, примкнувшихъ къ программѣ соціальной революціи. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, коммуны и ихъ федераціи должны были повторять въ болѣе широкихъ размѣрахъ типъ секцій Интернаціонала и ихъ федераціи. Мы видѣли, выше (см. стр. 12), что такова была мысль, высказанная и Гинсомъ на Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала. Но въ минуту революціи 18 марта политическая теорія автономныхъ коммунъ, въ томъ видѣ въ какомъ онѣ находились въ данную эпоху, имѣла еще иное значеніе для соціалистовъ революціонеровъ Парижа. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ разсматривать требованіе автономіи Коммуны не отдѣльно, а въ связи съ другимъ весьма важнымъ требованіемъ, которое ставилъ революціонный Парижъ

1871 года и въ которомъ заключался собственно весь узелъ вопроса.

Оборона Коммуны исключительно національною гвардіею, иначе говоря всѣмъ вооруженнымъ населеніемъ города съ *выборными* начальниками, отдавала *силу* въ руки большинства, т. е. неизбѣжно, въ руки рабочаго класса. Автономная коммуна, гдѣ военная сила была бы въ рукахъ кондотьери или особеннаго войска, оплаченнаго городомъ, т. е. богатымъ классомъ, съ начальствомъ, назначеннымъ городскимъ совѣтомъ, была бы столь же если не болѣе печальною формою для массы рабочихъ, какъ и нынѣшнія государства, и этому не помогла бы никакая свобода въ федеративныхъ союзахъ городовъ. Дѣло шло объ автономномъ городѣ, гдѣ вооруженная сила находилась бы въ рукахъ пролетаріата и его избранниковъ. Это было продолженіе той политики, при помощи которой Варленъ и его товарищи хотѣли въ промежутокъ 3—18 марта организовать сначала національную гвардію Парижа а потомъ всю національную гвардію Франціи, какъ вооруженную силу соціалистическаго пролетаріата. Пользуясь раздраженіемъ республиканской и патріотической буржуазіи Парижа противу явно-монархической тенденціи версальскаго собранія и постыднаго мира имъ заключеннаго, соціалисты Парижа хотѣли, *вмѣстѣ* съ буржуазіей, совершить сперва *политическую* революцію, которая создала бы повсюду единственную вооруженную силу, находящуюся въ *ихъ* рукахъ, и затѣмъ уже, съ помощью этой вооруженной силы, они совершили бы революцію *экономическую*. Но подобная политика имѣла случайную возможность осуществиться частью лишь при томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находился Парижъ въ промежутокъ между двумя осадами; буржуазія же была слишкомъ проницательна, чтобы не видѣть, что, при *данныхъ* обстоятельствахъ, дѣло шло вовсе не объ автономіи коммунъ и ихъ федераціи, а о передачѣ вооруженной силы въ руки пролетаріата, каковы бы ни

были отношенія коммунъ къ болѣе крупнымъ группамъ и къ «націи». Пойдти на подобную приманку было бы со стороны буржуазіи самоубійствомъ и потому она, въ огромномъ большинствѣ, стала немедленно врагомъ Коммуны. Всѣ выборные ея члены немедленно оставили Совѣтъ города, какъ только увидѣли, что они распоряжаться *силами* этого города не будутъ и что, по этому, вопросъ объ «общественной ликвидаціи» есть лишь вопросъ времени. Между тѣмъ Совѣтъ Коммуны, на другой же день своего учрежденія — провозглашалъ весьма важный декретъ: «Конскрипція отмѣняется. Никакая военная сила кромѣ національной гвардіи не можетъ быть создана и введена въ Парижъ. Всѣ граждане, способные носить оружіе, входятъ въ составъ національной гвардіи» (Lanj. Cor. 163). «Парижъ имѣлъ возможность сопротивляться — говоритъ Манифестъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала (Civ. War, 17) — потому что, вслѣдствіе осады, онъ былъ избавленъ отъ арміи и замѣнилъ ее національной гвардіей, которая главнымъ образомъ состояла изъ рабочихъ. Этотъ фактъ долженъ былъ теперь сдѣлаться закономъ. По этому первый декретъ Коммуны устранялъ постоянную армію и замѣнялъ ее вооруженнымъ народомъ.»

Очень возможно, что Піа, который предложилъ этотъ декретъ, не видѣлъ всего его значенія, и многіе, повидимому, не ясно видятъ его и теперь (Liss. 180), но въ сущности, если бы удалось по всей Франціи осуществить одинъ этотъ декретъ, вмѣстѣ съ правомъ выборовъ начальства для національной гвардіи, то дѣло пролетаріата сдѣлала бы громадный шагъ, который почти обезпечилъ бы ему побѣду. Тѣмъ, кто допускалъ осуществимость политическаго плана произвести *вмѣстѣ* съ *буржуазіей*, пользуясь минутой, политическую революцію, которая, не касаясь еще экономическаго вопроса, передала бы вооруженную силу въ руки пролетаріата автономныхъ городовъ, приходилось допустить, что этотъ

декретъ былъ дѣйствительно самымъ необходимымъ. Удачныя коммунальныя возстанія въ разныхъ частяхъ Франціи, которыя, по примѣру Парижа, установили бы такой же порядокъ, были бы важнымъ пріобрѣтеніемъ революціи пролетаріата. Многіе представители прессы (напр. Бриссакъ въ «La Commune» № 16), не особенно глубоко вглядываясь въ этотъ вопросъ, очень энергически утверждали, что «возможны лишь тѣ условія примиренія, которыя дадутъ Парижу всѣ требуемыя имъ гарантіи». Но ошибка была въ иллюзіи, будто буржуазія могла когда либо пойдти на подобную сдѣлку. Буржуазія стала цѣликомъ поддерживать версальское правительство. Тамъ же очень быстро увидѣли, въ чемъ сущность вопроса и уже 21 марта Жюль Фавръ «просилъ прощенія у бога и у людей», что отстаивалъ предъ пруссаками существованіе національной гвардіи (Liss. 127). А первымъ дѣломъ побѣдоносной реакціи послѣ казней массами была отмѣна этого народнаго вооруженія.

Между тѣмъ именно надежда совершить это важное для пролетаріата пріобрѣтеніе *вмѣстѣ съ буржуазіей* побудила революціонныхъ дѣятелей поступать бережнѣе со своими временными союзниками и стушевывать слишкомъ рѣзкую постановку экономическаго вопроса. Въ виду предполагаемой возможности овладѣть дѣйствительною силою въ Парижѣ и въ странѣ, интернаціоналистъ Варленъ, у котораго одного изъ первыхъ въ началѣ марта созрѣла мысль объ организаціи національной гвардіи, какъ вооруженной силы рабочаго пролетаріата, готовъ былъ дѣлать въ эпоху Центральнаго Комитета всякія уступки мэрамъ и депутатамъ Парижа — лишь бы буржуазія не мѣшала *главному* дѣлу. Въ виду той же возможности интернаціоналисты Журдъ и Варленъ останавливались предъ печатями казначейства; Журдъ увѣрялъ, что Коммуна не касается частной собственности и употреблялъ всѣ свои силы, чтобы его финансовыя операціи не запугали «кредита» т. е. буржуазіи. Въ силу этого интернаціоналистъ

Лонгэ увѣрялъ въ «Оффиціальномъ журналѣ», что соціальный раздоръ не существуетъ въ Парижѣ, который будто бы поставилъ на первый планъ вопросъ о своей политической автономіи. Всѣ соціалисты проповѣдывали единство, примиреніе, хотя не могли не знать, что это примиреніе невозможно. Эта проповѣдь мѣшала ставить рѣзко вопросы соціальной революціи, деморализировала массы надеждой на соглашеніе и, какъ слѣдствіе, мечтой о ненужности очень энергическихъ мѣръ защиты. Лишь подъ самый конецъ второй осады мысль о невозможности соглашенія стала укореняться и стали раздаваться изъ массы голоса, утверждавшіе, что «всякій, кто говоритъ о соглашеніи, есть измѣнникъ» («Journ. Off.» № 125). Версаль уже гораздо ранѣе сталъ на эту точку зрѣнія. Конечно, если бы отуманенная буржуазія предоставила всю вооруженную силу пролетаріату, онъ могъ временно остановиться предъ «святынями» казначействъ, банковъ и частныхъ богатствъ. Журдъ могъ въ засѣданіи 25 апрѣля по поводу закона о ссудныхъ кассахъ (Mont de piété) напомнить, что Коммуна «еще никогда не нарушила правъ собственности». («Jour. Off.» 26 апр.). Это былъ вопросъ времени. Но еще разъ оказалось, что попытки достичь цѣлей пролетаріата *заодно* съ буржуазіею не могутъ уже удасться ни при какихъ обстоятельствахъ; что, по этому, даже политическая революція, которая передала бы вооруженную силу пролетаріату въ автономныхъ городахъ, сохраняющихъ прежній экономическій строй, есть революція, которой содѣйствовать буржуазія не будетъ. Если возставшій пролетаріатъ *можетъ* побѣдить, то ему приходится прямо совершить *одновременно* экономическую и политическую революцію; приходится заразъ отнять у противниковъ ихъ экономическія силы и сдѣлаться единственною вооруженною силою новаго строя. Коммуна сдѣлала важный шагъ для уясненія политической программы соціальной революціи именно въ послѣднемъ отношеніи. Въ безчисленныхъ возгласахъ о

коммунальной автономіи и федераціи коммунъ оставалась менѣе видною существенная часть этихъ требованій, въ которой и заключается вся суть коммунальной программы съ соціалистической точки зрѣнія. Пролетаріатъ, въ минуту побѣдоносной соціальной революціи, долженъ охранять свою экономическую и политическую побѣду вооруженною силою, состоящею изъ федерированныхъ группъ пролетаріата, выбирающихъ своихъ начальниковъ и не допускающихъ никакой военной силы внѣ этой, никакого военнаго начальства, внѣ избраннаго. Коммуна будущаго есть элементарная группа самоуправляющихся рабочихъ, вооруженныхъ для своей обороны, выбирающихъ свое начальство и свободно федерирующихся для своей защиты. Автономія группъ и ихъ федерація здѣсь важны какъ автономія группъ *установившихъ экономическое равенство* и организованныхъ для его поддержки и для его защиты съ *исключеніемъ* всѣхъ элементовъ, враждебныхъ рабочему классу или не приступившихъ къ новому строю. Лишь такая коммуна можетъ быть реальнымъ соціалистическимъ элементомъ, такъ какъ лишь въ средѣ ея можетъ существовать солидарность; лишь такая коммуна можетъ быть автономнымъ элементомъ соціалистической федераціи, такъ какъ лишь она можетъ искренно поддерживать и защищать новый строй.

Но это предполагаетъ, что экономическій переворотъ совершился. Освобожденіе и господство пролетаріата можетъ имѣть мѣсто лишь при осуществленіи этого переворота. Взять въ свои руки вооруженную силу общества пролетаріатъ можетъ лишь тогда, когда ему удастся вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить и этотъ переворотъ. Мы видѣли, что побѣдоносный пролетаріатъ Парижа считалъ возможнымъ иной путь: завладѣніе вооруженною силою какъ предварительный шагъ къ осуществленію экономической революціи. Но онъ вполнѣ сознавалъ и насущное значеніе экономическихъ вопросовъ. Самые продолжительныя пренія въ Совѣтѣ Коммуны шли о вопросахъ

этого рода (о срокахъ платежа просроченныхъ обязательствъ, о разсчетахъ между жильцами и домохозяевами, о ссудныхъ кассахъ и т. п.) Кромѣ того дѣлались и вполнѣ сознательные шаги къ подготовленію экономической революціи. Это было дѣломъ учрежденной по требованію членовъ Интернаціонала въ средѣ Совѣта Коммуны «Коммиссіи труда, промышленности и обмѣна», въ составъ которой входили Малонъ, Франкель, Тейсъ, Дюпонъ, Авріаль. Съ 21 апрѣля делегатомъ интернаціональной коммиссіи по этому отдѣлу былъ Франкель, контрольную же коммиссію составляли — Тейсъ, Малонъ, Сераль̀е, Лонгэ и Шаленъ. Оффиціальною обязанностью ея была «пропаганда соціалистическихъ ученій» и «отысканіе средствъ уравненія труда и заработной платы» (Lanj. Cor. 159). Она поставила себѣ задачею «изслѣдованіе всѣхъ реформъ, которыя надо внести какъ въ общественную службу коммуны, такъ и въ отношенія рабочихъ къ ихъ патронамъ; пересмотръ коммерческихъ законовъ, таможенныхъ тарифовъ, преобразованіе всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; установленіе статистики труда». Франкель собралъ около себя для этого Коммиссію инціативы, состоявшую изъ рабочихъ (Liss. 256—257). Эта коммиссія должна была призывать въ свою среду делегатовъ Интернаціонала, рабочихъ обществъ, промышленныхъ и ученыхъ группъ, требовать отъ нихъ отчетовъ и проэктовъ, обсуждать вмѣстѣ съ ними эти проэкты и вырабатывать декреты, которые предлагались бы Коммунѣ. «Это было—пишетъ Артюръ Арну (II, 130) — нѣчто въ родѣ Государственнаго Совѣта... долженствовавшаго придать практическую форму желаніямъ рабочихъ, которыя Коммуна обратила бы потомъ въ законъ». Конечно, все это предполагало удачу общаго политическаго плана, именно сохраненіе въ продолженіи достаточного времени власти въ рукахъ вооруженнаго пролетаріата, чтобы онъ могъ спокойно выработать себѣ законодательство въ свою пользу и затѣмъ

ввести его въ дѣйствіе. Но внѣшніе и внутренніе враги, какъ и слѣдовало ожидать, не дали ему на это достаточно времени и единственный путь *возможнаго* успѣха былъ бы при данныхъ обстоятельствахъ совсѣмъ иной: выступленіе предъ организованными рабочими группами ихъ представителей съ готовымъ, заранѣе продуманнымъ планомъ (хотя бы и весьма несовершеннымъ) экономическаго переворота и организаціи труда, производства и обмѣна; быстрое обсужденіе рабочими группами и введеніе въ дѣйствіе Коммуною этихъ революціонныхъ мѣръ, какъ *исходнаго пункта* революціи пролетаріата, и, затѣмъ, постепенный, медленный, строго обдуманный пересмотръ этого временнаго революціоннаго законодательства рабочею организаціею новаго строя, если бы послѣднему удалось упрочить свою побѣду. Подобный планъ, даже въ случаѣ пораженія и гибели Коммуны, остался бы весьма важнымъ завѣщаніемъ будущему. Но, конечно, подобный планъ предполагалъ со стороны французскихъ соціалистовъ 1871 года теоретическую и практическую подготовку, которой у нихъ не было; предполагалъ существованіе тѣсной умственной и нравственной связи въ соціалистической партіи между ея главными представителями и группами—связи, которая не имѣла мѣста; предполагалъ, наконецъ, въ самихъ представителяхъ соціализма въ Коммунѣ увѣренность въ себѣ и въ томъ, что они могутъ и должны сдѣлать — увѣренность, которой не существовало.

Тѣмъ не менѣе учрежденіе Коммиссіи труда, промышленности и обмѣна и способъ дѣйствія Коммиссіи инициативы оставлены Коммуною, какъ важное для соціально-революціонной партіи указаніе того, что ей надо сдѣлать, не *послѣ* революціи, когда настаетъ, по выраженію Малона (167), «время уже не для соціальныхъ реформъ», но *при подготовленіи* соціальной революціи. Въ это, именно, время, группы организующейся и организованной рабочей партіи, одновременно съ «дѣйствіями» противъ

враждебнаго строя, должны вырабатывать планъ экономическаго переворота въ области производства, обмѣна и распредѣленія; планъ, соображенный съ существующими мѣстными условіями, опирающійся на точное знаніе производительныхъ средствъ каждой мѣстности, чтобы быть *готовыми* въ случаѣ успѣха, который слишкомъ часто въ исторіи зависитъ отъ комбинаціи многихъ случайныхъ обстоятельствъ, и не можетъ быть предвидимъ самыми проницательными участниками движенія.

При данныхъ условіяхъ не только декреты Коммуны, которые осуществили бы соціалистическое законодательство Коммиссіи инициативы, не могли быть представлены, но самое проэктированіе ихъ подвинулось очень не далеко и Коммуна могла сдѣлать весьма немного для выработки соціалистической программы будущаго строя. Лишь отдѣльные, довольно маловажные пункты, имѣющіе соціалистическое значеніе, могли быть доведены до преній совѣта Коммуны. Малонъ въ своей «Исторіи соціализма» (369—370) приводитъ 26 декретовъ Коммуны, которымъ онъ, по видимому, придаетъ соціалистическое значеніе, но, при внимательномъ чтеніи ихъ, легко замѣтитъ, что многіе изъ нихъ могли бы имѣть мѣсто и въ программѣ либеральной буржуазіи или совершенно не зависятъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовала Коммуна. Къ этимъ категоріямъ можно отнести и такой крупный пунктъ, какъ отмѣну бюджета вѣроисповѣданій и конфискацію церковныхъ имуществъ, или отмѣну присяги, тѣмъ болѣе декретъ о разрушеніи Вандомской колонны, или о выдачѣ пенсій раненымъ за Коммуну и объ усыновленіи семей лицъ, павшихъ въ революціонныхъ битвахъ. Даже декреты о разсчетѣ между кредиторами и должниками или о неуплатѣ за квартиры, хотя возбудили долгія пренія въ Коммунѣ и вызвали даже намеки на «общественную ликвидацію», но въ сущности были временными мѣрами, которыя, въ минуту общественныхъ бѣдствій, приходилось принимать обществамъ,

наиболѣе тщательно охранявшимъ «святыню частной собственности». Болѣе связи съ идеями соціализма имѣетъ декретъ о ссудныхъ кассахъ, но и то скорѣе по своей мотивировкѣ, чѣмъ по своимъ распоряженіямъ. По этому, серьезное значеніе въ отношеніи развитія началъ соціалистическаго строя имѣли весьма немногіе декреты, да и тѣ довольно отрывочное. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ пришлось уже говорить, по этому осталось упомянуть лишь два-три, которые всѣ проведены подъ вліяніемъ Коммиссіи труда, промышленности и обмѣна.

Конечно, самый важный изъ нихъ былъ декретъ о бездѣйствующихъ мастерскихъ. Мы видѣли выше (стр. 37), что Мильеръ, въ своемъ планѣ народной революціи, намекнулъ на то, какъ слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ. Такъ какъ многія мастерскія и фабрики были брошены ихъ собственниками, то Коммуна поручила синдикальнымъ камерамъ учредить слѣдственную коммиссію, съ цѣлью описи этихъ заведеній и орудій въ нихъ заключающихся, а также съ цѣлью «представить отчетъ, который указалъ бы практическія условія быстраго приведенія въ дѣйствіе этихъ мастерскихъ, уже не бѣглецами, ихъ оставившими, по кооперативной ассоціаціей рабочихъ, въ нихъ находившихся», и вмѣстѣ съ тѣмъ «выработать проэктъ организаціи рабочихъ кооперативныхъ обществъ». При этомъ, однако же, имѣлось въ виду, при возвращеніи патроновъ, опредѣлить, путемъ особеннаго жюри, «условія окончательной передачи мастерскихъ рабочимъ обществамъ» и цифру «вознагражденія патронамъ» со стороны послѣднихъ. «Этотъ декретъ —пишетъ Лефрансэ (272)—былъ ни болѣе ни менѣе какъ дѣйствительное начало движенія соціальной революціи; это была экспропріація, въ виду общественной пользы и съ охраненіемъ права на вознагражденіе, орудій труда, сдѣлавшихся неподвижными и непроизводительными въ рукахъ ихъ настоящихъ владѣтелей». «Такимъ образомъ —говоритъ по поводу того же декрета Лиссагарэ (257),

намекая на слова Маркса—экспропріаторы были экспропріированы въ свою очередь».—Можетъ быть историки Коммуны видятъ болѣе въ этомъ осторожномъ декретѣ, чѣмъ въ немъ было, особенно если взять въ соображеніе пунктъ о «вознагражденіи», однако нельзя не признать, что этотъ декретъ находился въ тѣсной связи съ пониманіемъ революціи 18 марта, какъ революціи пролетаріата. «Къ несчастію—пишетъ Лефрансэ (275)—съ этимъ декретомъ случилось то же, что и съ другими. Его не могли привести въ дѣйствіе, такъ какъ событія пошли слишкомъ быстро.....»

Болѣе отдаленнымъ подготовительнымъ шагомъ были декреты: объ установленіи заработной платы во всѣхъ контрактахъ на подряды, заключенныхъ Коммуною, въ видахъ, чтобы пониженіе подрядной цѣны не падало на рабочаго пониженіемъ его заработка («Journ. Off.» № 133); объ отмѣнѣ штрафовъ и вычетовъ падающихъ на заработки, при отправленіи работъ или административной службы; о заведеніи при мэріяхъ регистровъ для спроса и предложенія работъ. Отмѣна ночной работы въ пекарняхъ была ошибкой, хотя сдѣланной съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ; но въ этомъ случаѣ, именно, приходилось дѣло начинать лишь по иниціативѣ самихъ рабочихъ а не издавать декретъ, который не исполнялся при содѣйствіи самихъ же рабочихъ (Arn. II, 131—132). Нѣсколько удивительно, что Франкель во время преній на засѣданіи 28 апрѣля, сказалъ объ этомъ декретѣ, что это «единственный истинно-соціалистическій декретъ изданный Коммуною» («Journ. Off.» 29 апр.)

Упомяну еще о декретѣ, который, если и относится къ важному соціальному вопросу, то уже вовсе не къ вопросу экономическому, декретъ, который можетъ показаться самъ собою разумѣющимся, но который Арт. Арну, можетъ быть справедливо, называетъ (II, 124) «одною изъ самыхъ большихъ дерзостей Коммуны, такъ какъ онъ радикально рѣшалъ нравственный вопросъ и ставилъ

вѣху на пути глубокаго преобразованія нынѣшняго семейнаго строя». Это былъ декретъ, уравнивавшій въ правахъ на пенсію «законную и незаконную» подругу убитаго сторонника Коммуны, «признаннаго и непризнаннаго» имъ ребенка. При существующей во Франціи рутинѣ взглядовъ на этотъ предметъ, декретъ этотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ области обученія и суда не только соціалистическій элементъ революціи 18 марта не заявилъ себя ничѣмъ, но и вообще сдѣлано было довольно мало. «Делегація обученія — пишетъ Лиссагарэ (255)—была обязана написать одну изъ самыхъ блистательныхъ страницъ Коммуны, такъ какъ послѣ столькихъ изслѣдованій и опытовъ, этотъ вопросъ долженъ выйдти во всеоружіи изъ истинно-революціонной головы. Делегація не оставила ни мемуара, ни труда, ни адреса, ни строчки, чтобы засвидѣтельствовать предъ будущимъ о своей дѣятельности». Реорганизація оставленныхъ школъ и удаленіе изъ школъ клерикальнаго элемента, составляли единственные шаги въ этомъ отношеніи (Lefr. 273). Впрочемъ, по видимому, имѣлось въ виду завести «образцовую школу, которая употребляла бы опытный методъ» (Mal. 167), но на это не хватило времени. Лиссагарэ нападаетъ (254) и на недостатокъ иниціативы делегата въ судебной области, Прото, по, по словамъ Малона (173), «онъ предпринималъ полную реформу судебной системы во Франціи, на основаніи избранія судей и магистратуры, и серьезныхъ гарантій для обвиненнаго». Но всего этого не осталось слѣдовъ.

И такъ, въ правительственной дѣятельности Коммуны, мы находимъ нѣсколько яркихъ слѣдовъ происхожденія революціи 18 марта изъ сознательнаго возстанія пролетаріата за свои права, но эти слѣды малочисленны. Все поглощено насущной заботою о ежедневной борьбѣ противъ кровожаднаго внѣшняго врага, противъ тысячи мелкихъ препятствій и затрудненій, возникшихъ изъ того,

что Парижъ-коммуна былъ наполненъ врагами пролетаріата, обусловленныхъ и уединеніемъ Парижа отъ остальнаго міра; поглощено и мелкими столкновеніями котерій, оспаривавшихъ одна у другой вліяніе на дѣла. Существенный соціалистическій идеалъ, заключавшійся въ возстаніи 18 Марта, идеалъ рабочаго пролетаріата, отстаивающаго свои права и требующаго перестройки общества въ свою пользу, заслоняется криками, раздающимися со всѣхъ сторонъ о свободной политической коммунѣ, какъ будто дѣйствительная свобода пролетаріата была возможна безъ радикальнаго экономическаго переворота; какъ будто солидарность въ жизни коммуны была осуществима, пока внутри ея продолжалась ожесточенная борьба между трудомъ и капиталомъ.

Само собою разумѣется, что эпоха революціи неудобна для пропаганды идей. Въ это время идетъ такъ называемая «пропаганда дѣйствіемъ», которой собственно, не совсѣмъ правильно присвоиваютъ названіе пропаганды, такъ какъ при этомъ уясненія и распространенія идей почти не происходитъ, но, подъ вліяніемъ разнообразныхъ возбужденныхъ аффектовъ, совершается рядъ явленій совершенно иного рода, скорѣе мѣшающихъ уясненію идей, чѣмъ ему содѣйствующихъ: быстро формируются, усиливаются и распадаются партіи; численность ихъ приверженцевъ подвергается громаднымъ внѣзапнымъ колебаніямъ; энергія и симпатичность личностей, которыя держатъ въ своихъ рукахъ знамена борющихся группъ, имѣютъ несравненно болѣе вліянія на ходъ дѣла, чѣмъ вѣрность и ясность принциповъ, которые написаны на разныхъ знаменахъ; герои совершаютъ подвиги и мученики гордо встрѣчаютъ удары палачей во имя рутиннаго, дурнопонятаго или неосуществимаго идеала съ такимъ же величіемъ, какъ и во имя самыхъ истинныхъ и самыхъ возвышенныхъ принциповъ будущаго. Революціонныя дѣйствія вызываютъ *агитацію* около знаменъ, которыя составляютъ центръ революціонныхъ движеній, и

выставляютъ ярче эти знамена, независимо отъ ихъ девизовъ; они возбуждаютъ къ идеѣ горячія симпатіи или непобѣдимое отвращеніе независимо отъ ея содержанія; но укрѣплять идею въ умахъ, уяснять ея неизбѣжныя послѣдствія и ея неумолимыя требованія, создавать почву для постройки общества на началахъ этой идеи едва ли могутъ революціонныя дѣйствія. Таковъ главный элементъ самого процесса революцій. Тѣмъ не менѣе революціи, совершающіяся во имя великихъ соціальныхъ идей, нуждаются, рядомъ съ пыломъ борьбы, въ уясненіи своихъ принципіальныхъ положеній, и около падающихъ жертвъ или торжествующихъ знаменосцевъ идеи напоминаніе и уясненіе истиннаго смысла кровавой борьбы и ея неизбѣбѣжныхъ задачъ можетъ внести въ бой новую силу и сдѣлать этотъ бой болѣе плодотворнымъ для будущаго.

Во время Парижской Коммуны сдѣлано въ этомъ отношеніи весьма мало: малочисленность знаменоносцевъ идей вслѣдствіе предшествовавшей неподготовленности партій и внутреннія раздоры представителей этихъ идей не давали имъ досуга для соціалистической пропаганды. Вопросъ о необходимости или вредѣ диктатуры и о политическомъ отношеніи избранниковъ народа къ ихъ избирателямъ былъ несравненно болѣе разработанъ въ эту эпоху въ рѣчахъ, мнѣніяхъ, запискахъ, статьяхъ, чѣмъ основы соціальнаго переворота, который, ставя рабочій пролетаріатъ во главу исторіи, начиналъ новый періодъ ея. Изъ немногихъ личностей, которыя могли въ данномъ случаѣ стать на уровень дѣйствительно руководящихъ идей движенія, одинъ Мильеръ былъ въ сторонѣ отъ ежедневныхъ заботъ осады и внутренней борьбы. Я уже упомянулъ выше, что онъ работалъ въ «La Commune», журналѣ, основанномъ 20 марта и просуществовавшемъ до 18 мая, когда его, вмѣстѣ съ другими, запретилъ второй Комитетъ Общественнаго Спасенія. Тутъ работали самые разнообразные радикальные

элементы, группировавшіеся въ прежнее время одни въ «Марсельезѣ», другіе около Піа, третьи остававшіеся въ сторонѣ отъ прессы, какъ прудонистъ Жоржъ Дюшенъ, или защищавшіе самымъ опредѣленнымъ образомъ соціальныя начала, какъ Андре Лео въ «République des Travailleurs», которая одно время пыталась сдѣлаться органомъ Интернаціонала. Въ первомъ же номерѣ обѣщалъ свое сотрудничество и Люлье по критикѣ военныхъ дѣйствій послѣдней войны. Мы видѣли выше (стр. 132), что большинство участниковъ (Марэ, Бриссакъ, Делималь, Добэ и др.) выступили защитниками Коммуны, какъ чисто политическаго цѣлаго и довольно смутно отнеслись къ сущности вопроса. Болѣе опредѣленный характеръ придали журналу статьи Жоржа Дюшэна, съ 30 марта начавшаго участвовать въ журналѣ съ заявленнымъ намѣреніемъ ясно поставить задачи минуты (первая его статья такъ и называлась: «Необходимость высказаться ясно»). Онъ показалъ, что понимаетъ вполнѣ экономическій вопросъ движенія, и въ своей статьѣ: «Революція или смерть» (№ 26, 27), напиралъ на то, что коммунальная свобода Парижа есть не болѣе какъ «орудіе, рычагъ» революціи. «Это — форма, но не сущность, не глубокая сущность дѣла». Сущностью онъ считалъ ниспроверженіе «кастъ» (иначе говоря, сословнаго господства), которыя проявляются въ государѣ, въ арміи, въ магистратурѣ, въ духовенствѣ, въ инженерномъ вѣдомствѣ, въ администраціи, въ собственности, въ монополіяхъ, въ адвокатурѣ и т. д.; слѣдовательно, задачею движенія 18 марта онъ ставилъ полный соціальный переворотъ. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ задачею *минуты* чисто-коммунальную свободу, «Парижъ, освобожденный своей муниципальной конституціей» (№ 26), и посвятилъ вслѣдъ за этимъ длинную статью «коммунальной хартіи» (№ 29, 30, 32). Къ концу апрѣля безпорядки внутренняго управленія и внѣшней обороны Парижа такъ возмутили его, что онъ обратился къ самой рѣзкой критикѣ правительства Ком-

муны. Эта критика и привела наконецъ къ закрытію журнала. И такъ уясненію истинной программы Коммуны Дюшенъ не содѣйствовалъ.

Имя Мильера мы встрѣчаемъ въ журналѣ съ 27 марта по частному вопросу о разсчетѣ между жильцами и домохозяевами (№ 8). Затѣмъ онъ выступаетъ въ началѣ апрѣля съ принципіальной статьей (№ 15) и, почти одновременно съ Дюшеномъ, пытается поставить «Программу парижской коммуны» (№ 30, 31, 33). Этимъ ограничилось его участіе въ журналѣ, гдѣ, послѣ 22 апрѣля, его имя не встрѣчается. Посмотримъ же, какъ отнесся къ соціальнымъ элементамъ задачи Коммуны этотъ писатель, который принадлежалъ къ наиболѣе опредѣленнымъ предвѣстникамъ послѣдняго взрыва. «Революціи — писалъ онъ 3 апрѣля, — никогда не повторяются совершенно одинаковымъ образомъ... Однако въ сущности всѣ революціи составляютъ одно и тоже общественное явленіе. Это — послѣдовательныя эволюціи человѣчества. Каждая изъ нихъ образуетъ новую форму прогресса». Революціи 18 марта, наравнѣ съ предшествовавшими ей народными движеніями, онъ приписывалъ «оборонительный характеръ», въ этомъ случаѣ относившійся къ защитѣ коммунальныхъ правъ. Въ будущемъ онъ предсказывалъ довольно неопредѣленно «слитіе буржуазіи и пролетаріата для составленія одного класса, народа», но предвидѣлъ, что цѣлямъ революціи, для которыхъ подготовлены Парижъ и большіе города, окажется значительное противудѣйствіе въ небольшихъ городахъ и въ деревняхъ. Въ «Программѣ коммуны» онъ говорилъ (№ 30): «Настоящее движеніе есть въ одно и тоже время революція политическая и новая эволюція соціальная.... Ошибочно думать, что революція 1871 г. есть только муниципальная революція.... Она есть достиженіе господства идеями, выработанными въ послѣднія 40 лѣтъ въ полемикѣ партій, и ея программа состоитъ изъ той доли этихъ идей, которая уже принята общественнымъ мнѣніемъ». Парижъ онъ

разсматривалъ по прежнему какъ «изліяніе всей Франціи», напиралъ на то, что борьба съ версальцами идетъ не только о «муниципальной свободѣ», но о «свободѣ политической» и о «соціальныхъ учрежденіяхъ». «Въ сущности—говорилъ онъ—дѣло идетъ о томъ, удержится ли во Франціи республика съ ея соціальными послѣдствіями». Вопросъ настоящей минуты онъ формулировалъ такъ (№ 31). «Коммуна не есть учредительное собраніе. Она—военный совѣтъ. У нея должна быть одна цѣль: побѣда; одно орудіе: сила; одинъ законъ: законъ общественнаго спасенія». Онъ требовалъ одновременно «единства и нераздѣльности республики» и «автономіи и независимости Коммуны».— Очевидно, что заботы минуты и въ этомъ сильномъ умѣ затемняли истинныя условія экономическаго элемента вопроса.

Если мы будемъ въ эту эпоху искать наиболѣе опредѣленную постановку соціальнаго вопроса, намъ приходится обратиться къ статьямъ Андре Лео. Она одна ни на минуту не отступила отъ основныхъ требованій соціализма для болѣе неопредѣленной—и, какъ мы видѣли, не осуществимой — задачи создать въ періодъ ожесточенной экономической борьбы Парижъ, какъ солидарную политическую коммуну. Въ статьѣ «Франція съ нами» она писала 9 апрѣля въ «La Commune» (№ 21): «Вамъ надо достойнымъ образомъ поддерживать свое вѣрованіе, выказать въ полномъ блескѣ идею, которой вы имѣете честь быть представителями..... Парижъ, возставшій противъ Собранія, это уже не *Коммуна*, это — *революція*. Онъ и долженъ откровенно быть революціей.... Пусть услышитъ его голосъ Франція и весь міръ. Гордо укрѣпившись въ своемъ *правѣ* и въ своей *идеѣ*, пусть онъ побѣдитъ съ ними и съ помощью ихъ, если это возможно, или пусть онъ падетъ оставивъ невѣжественному и бѣдному народу наслѣдство идеи, которая освободитъ этотъ народъ.... Парижъ обладаетъ соціальной идеей. Онъ долженъ высказать ее.... Онъ долженъ высказать ее громко,

опредѣленно, ясно. Въ настоящую минуту ему нечѣмъ дорожить». Въ слѣдующемъ номерѣ появилось ея воззваніе «французскимъ крестьянамъ», о которомъ было упомянуто выше. Здѣсь, около формулы: «земля крестьянину, орудіе труда рабочему, работа всѣмъ», сгруппированы соціалистическія требованія революціи 18 марта такъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными сельскому населенію: «Парижъ хочетъ, чтобы сынъ крестьянина былъ также знающъ, какъ сынъ богача, и *даромъ*.... Парижъ требуетъ, чтобы судъ не стоилъ ничего тѣмъ, которые въ немъ нуждаются, и чтобы народъ самъ избиралъ судей.... Война Парижа въ настоящую минуту это — война противу ростовщиковъ, лжецовъ и лѣнивцевъ.... Плоды земли должны принадлежать тѣмъ, которые ее обрабатываютъ; всякому свое и работа — всѣмъ. Не должно быть болѣе ни слишкомъ богатыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ. Не должно быть ни работы безъ отдыха, ни отдыха безъ работы. Это возможно.... Для этого нужны лишь хорошіе законы, которые будутъ существовать, когда работники не захотятъ болѣе, чтобы ихъ обманывали праздные люди.... Дѣло Парижа — ваше дѣло и онъ трудится для васъ, какъ и для фабричнаго рабочаго».—Андре Лео кончила статью, въ которую входило это воззваніе, словами, которые можетъ быть были одними изъ самыхъ характеристичныхъ для пониманія силы и слабости возставшаго Парижа 1871 г.: «Артиллерія Парижа, это — соціальная идея... Онъ долженъ послать призывъ бѣднякамъ». Вопросъ былъ дѣйствительно въ томъ, на сколько было подготовлена во Франціи *эта* артиллерія; на сколько партія, которая могла обратиться къ бѣднякамъ и поднять ихъ, была способна сдѣлать призывъ къ истиннымъ интересамъ пролетаріата. Мы видѣли, что *эта* артиллерія была не болѣе готова и организована, какъ и артиллерія Клюзерэ и Росселя.—Черезъ нѣсколько дней Андре Лео помѣстила въ «La Commune» еще другую статью, заключавшую обращеніе къ женщинамъ Парижа. — Съ 19

апрѣля она участвовала въ журналѣ «La Sociale», существовавшемъ съ 31 марта по 17 мая. Но положеніе сдѣлалось слишкомъ остро, заботы внутреннія и внѣшнія слишкомъ господствовали, чтобъ и Андре Лео возвратилась къ разработкѣ соціальной идеи. Мы встрѣчаемъ въ № 39 нѣкоторыя интересныя замѣтки о роли женщинъ въ революціяхъ: «Женщины покинутъ старую вѣру лишь въ томъ случаѣ, когда примутъ новую. Онѣ не хотятъ и не могутъ оставаться нейтральными. Надо выбирать между ихъ враждебностью и ихъ преданностью». Но вопросы минуты преобладаютъ. Горячо отстаиваетъ Андре Лео Росселя Горячо спрашиваетъ (№ 46) 15 мая: «Слѣпы, что ли, члены Коммуны, или рѣшились не видѣть?» Чрезъ два дня «La Sociale» перестала существовать

И такъ, сквозь пеструю комбинацію событій, относящихся къ разнообразнымъ стремленіямъ, вызвавшимъ взрывъ 18 марта, предъ нами выясняются нѣсколько опредѣленныхъ пунктовъ, которые стояли предъ Коммуною, какъ ея историческія цѣли и составили ея историческое содержаніе, ея завѣщаніе будущему.

Манифестъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала немедленно послѣ паденія Коммуны указалъ, что «окончательною цѣлью ея были не «дешевое правительство» и не «истинная республика»; это были не болѣе, какъ ея спутники.... Истинная тайна ея заключалась въ слѣдующемъ. Это было, по существу, правленіе рабочихъ, результатъ борьбы класса производителей съ классомъ, присвоившимъ себѣ продукты труда; это была найденная наконецъ политическая форма, въ которой должна осуществиться экономическая эмансипація труда.—Внѣ этого послѣдняго условія коммунальная конституція была бы невозможностью и призракомъ. Политическое господство производителя не можетъ существовать рядомъ съ продолженіемъ соціальнаго рабства. По этому Коммуна должна была служить рычагомъ для разрушенія экономиче-

скихъ основъ, на которыхъ зиждется существованіе сословій а, слѣдовательно, и сословнаго господства. При эмансипаціи труда всякій человѣкъ становится работникомъ и производительный трудъ перестаетъ быть признакомъ особеннаго сословія.... Коммуна имѣла въ виду уничтожить сословное имущество, обращающее трудъ большинства въ богатство меньшинства. Она имѣла въ виду экспропріацію экспропріаторовъ. Она хотѣла внести истинное содержаніе въ частную собственность, обративъ средства производства, землю и капиталъ, которыя теперь составляютъ главнымъ образомъ средства для порабощенія и для эксплуатаціи труда, въ орудія свободнаго коллективнаго труда» («Civ. War.» 19—20).

Пролетаріатъ Парижской Коммуны 1871 г. противупоставилъ *свои* интересы интересамъ господствующихъ классовъ и заявилъ свои права на революцію, совершенную во имя этихъ интересовъ. Онъ показалъ, что, въ случаѣ удачной революціи, онъ не нуждается ни въ какой помощи со стороны господствующихъ классовъ для поддержанія общественнаго порядка и веденія своихъ дѣлъ. Онъ поставилъ политическую программу будущаго: федерацію автономныхъ группъ работниковъ, вооруженныхъ для своей защиты, избирающихъ начальниковъ своимъ вооруженнымъ силамъ, точно также, какъ делегатовъ для всѣхъ отправленій общественной службы. Онъ представилъ планъ научнаго подготовленія соціальной революціи путемъ обсужденія въ рабочихъ группахъ вопросовъ производства, обмѣна и распредѣленія, которые, выработавшись въ опредѣленную программу экономическаго переворота, выказали бы, что рабочія группы готовы совершить этотъ заранѣе обдуманный и подготовленный переворотъ въ минуту взрыва, которому историческія комбинаціи доставили бы успѣхъ. Онъ намекнулъ, наконецъ, на нѣкоторые практическіе пріемы соціальнаго переворота, въ области экономической — на экспропріацію производительныхъ учрежденій съ переда-

чею ихъ въ руки рабочихъ группъ, въ нихъ находившихся въ минуту революціи; въ области теоретической —на полное устраненіе элемента религіи изъ школъ и нормальныхъ отношеній общественнаго строя, (что, впрочемъ, есть не болѣе, какъ единственное наслѣдство, которое рабочій соціализмъ можетъ сохранить отъ завоеваній либерально-буржуазнаго строя); въ области общежитія — на разрывъ съ рутиннымъ взглядомъ на *законную* семью.—Повторяю: при грозныхъ обстоятельствахъ, которыя составляли среду, гдѣ родилась и развивалась революція 1871 года въ $2^1/_2$ мѣсяца своего существованія; при недостаткѣ предварительной организаціи и подготовки партіи, которая сдѣлала эту революцію своимъ знаменемъ; при недостаткѣ согласія, недостаткѣ военныхъ талантовъ; при неизбѣжныхъ личныхъ столкновеніяхъ вслѣдствіе ряда столь же неизбѣжныхъ теоретическихъ и практическихъ ошибокъ, можно удивляться не тому, что Коммуна не могла отстоять себя и сдѣлала вообще мало, но тому, что она продержалась такъ долго и сдѣлала такъ много.

Но было ли возможно вообще торжество рабочаго пролетаріата? Должно ли искать причинъ его пораженія въ Парижѣ въ 1871 г. въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ я говорилъ? или не слѣдуетъ ли—какъ и думаютъ нѣкоторые противники пролетаріата — считать это пораженіе фатальнымъ явленіемъ, которое должно повторяться всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ, такъ что борьба рабочаго пролетаріата противъ господствующихъ классовъ можетъ быть героическою, но никогда не можетъ быть побѣдоносною? — Нѣтъ. Борьба эта не безнадежна, и побѣда пролетаріата не только возможна, но и необходима, если она будетъ надлежащимъ образомъ подготовлена. Я не имѣю возможности здѣсь остановиться на этомъ предметѣ и развить его надлежащимъ образомъ, но въ настоящую минуту, для того чтобы судить, чѣмъ можетъ сдѣлаться при удобныхъ обстоятельствахъ воз-

станіе рабочихъ, даже лишенное опредѣленной соціалистической программы, достаточно вспомнить о томъ, что произошло въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1877 году, и какъ легко этотъ взрывъ, разлившійся отъ одного океана до другого, передавшій въ руки рабочихъ нѣсколько городовъ и громадныя средства, могъ бы перейти въ побѣдоносную соціальную революцію, если бы подкладкою ему служила не простая стачка съ довольно ограниченными требованіями, но обширная и опредѣленная соціалистическая программа.

При удобныхъ обстоятельствахъ побѣда рабочей партіи можетъ зависѣть лишь отъ двухъ условій: отъ степени подготовленности передовыхъ соціалистическихъ группъ и отъ героической рѣшимости участниковъ рабочаго революціоннаго движенія. Для Коммуны обстоятельства были лишь отчасти удачны, но фатальнымъ недостаткомъ ея была неподготовленность къ соціальной революціи именно передовыхъ соціалистическихъ группъ. Что касается до послѣдняго условія, то соціалистическое движеніе во всѣхъ странахъ и во всѣхъ его формахъ дало и даетъ неопровержимыя доказательства, съ какимъ героизмомъ приверженцы его идутъ на ту борьбу, которую, по мѣстнымъ политическимъ, юридическимъ и культурнымъ условіямъ, они находятъ выгоднѣйшею для своихъ цѣлей. Легальная агитація нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, взрывы итальянскихъ инсургентовъ, громадныя стачки Англіи и Америки и мученичество нашихъ молодыхъ борцовъ за будущее русскаго народа доказали, что соціалисты всюду—да едва ли теперь не одни лишь соціалисты—способны выставить рядъ героевъ и героинь, готовыхъ бороться упорно, неутомимо, не обращая вниманія ни на препятствія, ни на опасности, ни на продолжительность и однообразіе медленныхъ но постоянныхъ усилій, ни на грозную силу враговъ въ виду единичныхъ знаменоносцевъ будущаго; рядъ героевъ и героинь, готовыхъ жить и умереть за свое дѣло.

Въ этой золотой книгѣ соціалистическихъ героевъ, въ мартирологѣ соціалистическихъ мучениковъ, Парижская Коммуна занимаетъ одну изъ самыхъ величественныхъ страницъ. Здѣсь исчезаетъ разница самаго развитого пониманія соціалистическихъ задачъ, и самаго рутиннаго поклоненія старымъ революціоннымъ идеямъ. Здѣсь теоретическая неподготовленность, практическая неумѣлость, борьба личностей за власть, неосторожное и вредное распоряженіе этою властью — все это блѣднѣетъ, обращается въ ничто предъ одною общею для всѣхъ характеристикою, предъ горячею преданностью пролетаріату и его стремленіямъ, предъ самоотверженнымъ убѣжденіемъ, которое не останавливаетъ никакая жертва, предъ героическою рѣшимостью дѣлать до послѣдней минуты свое дѣло. Здѣсь исчезало различіе партій предъ единствомъ и солидарностью цѣлаго. «Коммуна—пишетъ Арт. Арну (III. 93 и слѣд.) — любила народъ глубоко, безусловно, не примѣшивая къ этой любви какого либо иного чувства. Она принадлежала народу сердцемъ и дѣломъ вполнѣ, безъ ограниченія, безъ задней мысли. Она составила съ нимъ одно цѣлое, думая лишь о немъ, разорвавъ рѣшительно связи со старымъ міромъ, имѣя всегда предъ глазами исключительную—если и не всегда достаточно ясную—картину новаго общества, гдѣ не должна была существовать ни одна изъ уважаемыхъ привилегій, ни одна изъ священныхъ несправедливостей настоящаго строя.... Коммуна любила народъ съ убѣжденіемъ. Это было даже единственное въ мірѣ собраніе, гдѣ никогда, ни у одного изъ ея членовъ, не возникло чувство недовѣрія и опасенія относительно народа, гдѣ никогда никому не пришло въ голову его оттолкнуть, подвергнуть надзору, поставить ему препятствіе... Въ Коммунѣ не было ни буржуа ни рабочихъ, были только делегаты народа, которые существовали и хотѣли существовать лишь во имя народа». Когда, въ минуту битвы, Феррэ встрѣтилъ Вермореля, послѣдній сказалъ ему, улы-

баясь: «Что же, Феррэ? члены меньшинства дерутся». «Члены большинства исполнятъ свою обязанность» отвѣчалъ ему Феррэ (Liss. 362). И они исполнили ее наравнѣ со своими политическими противниками. «Эти якобинцы — писалъ о нихъ Бакунинъ («Общин.» № 5)— съумѣли умереть за Коммуну! Кто же осмѣлится потребовать отъ нихъ большаго?» Да, героически умереть на баррикадахъ, подъ пулями легальныхъ убійцъ, гордо стоять предъ судьями, гордо страдать въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, съумѣли одинаково всѣ: Делеклюзъ и Верморель, Феррэ и Мильеръ. Риго и Варленъ, полупомѣшанный Люлье и Луиза Мишель, одна изъ самыхъ чистыхъ и привлекательныхъ личностей революціи 18 марта. Парижская Коммуна, какъ идея, какъ «новая революція» врѣзала неизгладимо свой слѣдъ въ исторіи соціалистической мысли, но ея самою славною страницею въ исторіи человѣческаго героизма останутся десятки тысячъ безъименныхъ, забытыхъ героевъ и героинь, мучениковъ и мученицъ, которые дрались и гибли на баррикадахъ 20—28 мая, страдали и гибли на понтонахъ, въ тюрьмахъ, въ Новой Каледоніи, и своею кровью, своими страданіями оплодотворяли почву, на которой вырастетъ будущая побѣдоносная соціальная революція.

Тому года полтора на большомъ банкетѣ французскихъ либераловъ и радикаловъ, если не ошибаюсь—масоновъ, толковали съ жаромъ объ амнистіи коммунарамъ. Одинъ за другимъ поднимались бокалы и произносились громкіе тосты за амнистію. Очередь дошла до одного члена, пользовавшагося вліяніемъ въ этой сферѣ. «Я отвергаю амнистію — сказалъ онъ.—Мы должны не дать коммунарамъ амнистію, но просить у нихъ амнистію для себя». Этотъ ораторъ былъ русскій.

II.

ВЛІЯНІЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

Перехожу ко второму вопросу: Что дала Парижская Коммуна европейской цивилизаціи и въ особенности Россіи въ 8 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ?

Прежде всего бросается въ глаза, что всѣ рабочія партіи, независимо отъ ихъ раздѣленія и раздоровъ между ними, независимо отъ національности, видѣли и видятъ въ Парижской Коммунѣ 1871 г. *свое* дѣло. Генеральный Совѣтъ Интернаціонала и русскіе анархисты посвятили ей особыя изданія. Въ столицѣ новой Германской имперіи, какъ въ разныхъ городахъ Итальянскаго королевства, въ Швейцарской и въ Сѣверо-Американской республикѣ день 18 марта составляетъ торжественное воспоминаніе для всѣхъ, сочувствующихъ борьбѣ пролетаріата противъ господствующихъ классовъ; въ 1878 г. Коммуну привѣтствовала и группа рабочихъ въ Одессѣ («Община» № 3—4). Каждый годъ въ этотъ день привѣтъ побѣжденной, раздавленной Коммунѣ раздается на всѣхъ

языкахъ цивилизованнаго міра. Въ тѣ печальные годы, когда въ лагерѣ разбитаго соціализма кипѣлъ самый сильный раздоръ, когда учрежденіе, испугавшее было всѣ правительства Европы попыткою организовать въ единую громадную силу милліоны рабочихъ пролетаріевъ Европы и Америки, распалось и сошло съ исторической сцены при радостныхъ ругательствахъ враговъ пролетаріата, въ эти самые годы воспоминаніе о Парижской Коммунѣ и едва ли не оно одно составляло для *всего* воинствующаго пролетаріата, для *всей* соціалистической прессы безъ различія цвѣта и оттѣнка, то знамя, около котораго *всѣ* могли собираться, ту святыню, предъ которою *всѣ* преклонялись, ту мысль, въ которой оставалось непоколебимымъ единство рабочаго пролетаріата въ его борьбѣ съ экономическими и политическими врагами. —Если бы Парижская Коммуна сослужила европейскому пролетаріату только *эту* службу, то все таки ея заслуга предъ исторіею его развитія и его борьбы за будущее была бы не малая.

И это соединеніе всѣхъ группъ соціалистовъ около воспоминанія о Коммунѣ было не случайно. Коммуна, дѣйствительно, представляла соціалистамъ всѣхъ оттѣнковъ не какую либо спеціальную программу организаціи, не какой либо обособляющій догматъ, но тѣ самыя начала, которыя составляли историческую основу сознательной борьбы пролетаріата новѣйшаго времени противъ его притѣснителей. Хроническое мученичество представителей труда подъ давленіемъ высасывающей всѣ ихъ жизненные соки силы капитала здѣсь концентрировалось въ трагизмъ великаго мученичества кровавой недѣли, когда беззастѣнчиво, во имя равнаго для всѣхъ закона, во имя демократической республики со всеобщимъ правомъ голосованія, во имя девиза «свободы, равенства и братства», который красовался на стѣнахъ обрызганныхъ кровью разстрѣливаемыхъ, версальское республиканское правительство губило десятки тысячъ пролетаріевъ встав-

шихъ за свое дѣло. Это были мученики не той или другой партіи революціи, не того или другого толка соціализма; это были мученики пролетаріата въ борьбѣ съ его врагами. Кровавая недѣля углубила и расширила пропасть между политическими партіями буржуазіи съ одной стороны, съ ихъ самыми радикальными девизами, самыми пышными изреченіями, и рабочимъ соціализмомъ съ другой Всѣ чувствовали справедливость словъ Манифеста Генеральнаго Совѣта Интернаціонала («Civ. War.» 33): «Послѣ троицына дня 1871 г. не можетъ быть ни мѣста, ни перемирія между французскими рабочими и тѣми, кто присвоиваетъ продукты ихъ труда..... Битва должна возобновиться въ размѣрахъ все расширяющихся, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, кто окончательно восторжествуетъ — меньшинство ли, присвоивающее чужой трудъ, или неизмѣримое большинство рабочихъ.... Но французскіе рабочіе составляютъ лишь авангардъ современнаго пролетаріата». Для всѣхъ, кто не закрывалъ добровольно глазъ, было ясно, что положеніе рабочаго пролетаріата могъ улучшить лишь переворотъ, который унесъ бы съ собою *весь* экономическій строй стараго общества вмѣстѣ съ остатками политической и клерикальной реакціи, составлявшей предметъ гнѣва радикаловъ буржуазіи. Мечтамъ и теоріямъ о гармоніи между интересами буржуазіи и интересами рабочаго класса былъ нанесенъ окончательный ударъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ я сказалъ, именно вслѣдъ за Коммуною послѣдовало распаденіе Интернаціонала; за фактомъ, вызвавшимъ единодушное, почти религіозное сочувствіе воинствующаго пролетаріата всѣхъ странъ, послѣдовало распаденіе той организаціи, которая выразила съ такимъ блескомъ въ продолженіи восьми лѣтъ единство стремленій этого пролетаріата. И тому были достаточныя причины. Въ присутствіи историческаго факта, который долженъ былъ провѣрить дѣйствительную силу этой многомилліонной организаціи, она оказалась безсиль-

ною, не только помочь возставшему пролетаріату Парижа матеріальнымъ, вооруженнымъ содѣйствіемъ внутри Франціи и на ея границахъ, но даже вызвать въ главныхъ центрахъ скопленія европейскаго пролетаріата внушительныя демонстраціи въ пользу Коммуны. Не излишняя централизація вліянія, въ которой уже начинали обвинять Генеральный Совѣтъ Интернаціонала, составляла существенный недостатокъ послѣдняго, но недостатокъ вліянія этого совѣта не только въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ его мѣстопребыванія, но въ самомъ Лондонѣ. Самое заявленіе Генеральнаго Совѣта въ пользу Коммуны (The Civil War in France) появилось уже послѣ паденія Коммуны. Такимъ образомъ, при первой дѣйствительной провѣркѣ силы Интернаціонала, какъ цѣлесообразнаго орудія въ минуту серьезной борьбы европейскаго пролетаріата противу его враговъ, организація Интернаціонала оказалась несовершенной. При этихъ условіяхъ расколъ, возникшій въ средѣ Интернаціонала, и касавшійся правъ и круга дѣйствія Генеральнаго Совѣта, могъ имѣть уже мало интереса для массы рабочихъ соціалистовъ: при данномъ случаѣ дѣйствительной борьбы и существовавшая организація Генеральнаго Совѣта, которую обвиняли въ избыткѣ централизаціи власти, оказалась совершенно безсильною, слѣдовательно и ослабленіе этого органа могло имѣть лишь теоретическій интересъ, и усиленіе его могло принести лишь гадательную пользу. Интересъ къ существованію международнаго союза ослабѣлъ. Не встрѣчая дѣйствительной поддержки въ равнодушныхъ массахъ, ассоціація легко распалась подъ вліяніемъ раздоровъ между руководящими личностями и спора о формахъ, едва ли имѣвшаго особенно важное значеніе. Рабочимъ Европы, послѣ опыта Парижской Коммуны, показалось, по видимому, недостаточнымъ, чтобы Интернаціоналъ былъ, по выраженію манифеста его Генеральнаго Совѣта («Civ. War.» 34) «лишь международнымъ союзомъ наиболѣе передовыхъ

рабочихъ въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра». Событія Парижской Коммуны показали, что великая идея организаціи Международнаго Союза Рабочихъ, чтобы явиться вполнѣ практическою, должна была имѣть подъ собою еще крѣпкое мѣстное подготовленіе, при которомъ, внѣ общихъ началъ рабочаго соціализма, внесенныхъ въ знаменитое вступленіе въ уставъ Международной Ассоціаціи, или выработанныхъ на конгрессахъ послѣдней, взяты были бы въ соображеніе тѣ особенности мѣстныхъ юридическихъ, культурныхъ и народно-психологическихъ условій, которыя неизбѣжно вносили въ строй Интернаціонала болѣе разнообразія, чѣмъ предполагалъ общій уставъ его. Событія Парижской Коммуны устранили иллюзію фиктивной силы Интернаціонала въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ, и вызвали почти повсюду попытки выработать болѣе прочную почву для дѣйствительной силы его въ будущемъ.

Интернаціоналъ распался, но рабочіе Европы не отказались отъ главныхъ его завѣтовъ. Идея общихъ интересовъ для рабочихъ всѣхъ странъ и неизбѣжной борьбы противу общихъ враговъ рабочаго пролетаріата осталась врѣзанною въ мысль рабочаго класса. Онъ понялъ истину словъ только что упомянутаго манифеста, что вызываемая правительствами вражда между націями есть «лишь правительственное надувательство, съ цѣлью отдалить сословную борьбу, отбрасываемое въ сторону, какъ только эта борьба вспыхиваетъ въ формѣ междоусобной войны» (33); что «всѣ національныя правительства *заодно* противъ пролетаріата» (33) и что люди, проникнутые сознаніемъ этого единства интересовъ рабочихъ всѣхъ странъ, истинные интернаціоналисты, должны «естественно стоять въ первыхъ рядахъ борющихся, если гдѣ бы то ни было, въ какой бы то ни было формѣ и при какихъ бы то ни было условіяхъ сословная борьба получитъ нѣкоторую силу» (34). Въ разныхъ странахъ, гдѣ пустило корни движеніе рабочаго соціализма, закипѣла болѣе

чѣмъ когда нибудь работа организаціи партіи или революціонной борьбы противъ враговъ пролетаріата. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, приходится указать на то широкое развитіе, которое получила нѣмецкая соціально-демократическая партія въ послѣднія восемь лѣтъ, развитіе, на которое въ значительной степени повліяли только что совершившіяся событія Парижской Коммуны. На почвѣ общаго возбужденія рабочаго класса мученичествомъ парижскаго пролетаріата, на почвѣ общаго сознанія опасности, грозящей пролетаріату всѣхъ странъ отъ буржуазіи, которая всюду привѣтствовала радостными криками кровавые подвиги версальскихъ палачей, — соціаль-демократы Германіи развили обширную рабочую прессу, организовали политическое рабочее движеніе, охватывавшее нѣсколько сотъ тысячъ избирателей, и сплотились въ партію, поглотившую всѣ подраздѣленія нѣмецкихъ соціалистовъ. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что одинъ изъ нашихъ молодыхъ и самыхъ талантливыхъ соціалистическихъ писателей, въ статьѣ, помѣщенной въ послѣднемъ (№ 8-9) номерѣ «Общины», выказалъ разнообразные недостатки, присущіе тому способу организаціи партіи, которому слѣдовали въ Германіи. Я вовсе не имѣю въ виду отрицать эти недостатки, но я знаю и то, что всѣ существующіе и испробованные способы организаціи имѣютъ и, можетъ быть, должны имѣть свои особенные недостатки и неудобства, тѣсно связанные съ ихъ особенными качествами и удобствами; думаю, что способъ организаціи нѣмецкихъ соціаль-демократовъ въ значительной степени способствовалъ тому сильному и быстрому распространенію ихъ партіи, которое имѣло мѣсто, а на сколько онъ могъ ослабить силу индивидуальнаго убѣжденія и самостоятельную энергію членовъ подъ излишне-строгимъ требованіемъ дисциплины, это еще остается провѣрить въ настоящемъ кризисѣ, который переживаютъ соціаль-демократы Германіи, кризисъ, исходъ котораго предсказать было бы слишкомъ смѣло. Во всякомъ случаѣ сила

движенія соціализма въ Германіи послѣ Коммуны и послѣ того, какъ нѣмецкій пролетаріатъ пересталъ ждать своего спасенія отъ Международной Ассоціаціи, должна быть признана всякимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ; она проявилась и въ созданіи въ Германіи, рядомъ съ органами соціалистической публицистики, нѣсколькихъ органовъ научной обработки вопросовъ соціализма (Приложенія къ «Vorwaerts», «Zukunft», «Neue Gesellschaft»). Весьма характеристическимъ проявленіемъ этой силы должно признать и появленіе на каѳедрахъ университетовъ, среди представителей оффиціальной науки Германіи, даже между личностями, которымъ первостепенныя государства Европы довѣряли министерскіе портфели, людей, которые въ извѣстной степени признавали требованія рабочаго соціализма, дѣлали ему разныя теоретическія и практическія уступки и этимъ путемъ искали средствъ для устраненія неизбѣжной соціальной борьбы. Между этими полу-соціалистами и катедер-соціалистами Германіи находился и Шэфле, бывшій австрійскій министръ, брошюру котораго о соціализмѣ нашли возможнымъ распространять даже соціаль-демократы Германіи; находился и слѣпой философъ, политико-экономъ и полиграфъ Дюрингъ, совершенно открыто защищавшій Парижскую Коммуну во второмъ изданіи своей исторіи политической экономіи и соціализма. Появленіе этой переходной литературы и ея безспорное вліяніе на ходячія экономическія понятія есть едва ли не столь же рѣшительный признакъ роста соціализма въ Германіи, какъ сотни тысячъ голосовъ, поданныя въ пользу соціаль-демократическихъ кандидатовъ въ Рейхстагъ при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, или тѣ мѣры противъ соціализма, къ которымъ теперь прибѣгаетъ князь Бисмаркъ*).

---

*) Когда я говорилъ это, изданіе «Freiheit» было въ самомъ началѣ, и нельзя было предвидѣть того раскола,

Чрезвычайно рѣзко и прямо было дѣйствіе Коммуны въ Италіи. Вслѣдствіе грознаго памфлета, полнаго проклятіями, который Santo Maestro итальянской революціи направилъ противъ Коммуны, произошелъ рѣшительный расколъ между мацциністами и интернаціоналистами Италіи. Бакунинъ отвѣчалъ брошюрою (La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale); Гарибальди провозгласилъ, что «Интернаціоналъ—солнце будущаго». Быстрое и широкое соціалистическое движеніе охватило всю Италію. Появилось (правда не на долго) нѣсколько десятковъ журналовъ. Создавались повсюду секціи. Борьба между мацциністами и интернаціоналистами быстро вызвала кровавыя столкновенія. Мѣстный конгрессъ въ Римини 6 августа 1872 года нанесъ первый ударъ единству Интернаціонала. Конгрессы принимали все болѣе революціонный характеръ. Задуманное въ августѣ 1874 г. движеніе чуть не увлекло даже мацциністовъ, но было повсюду подавлено правительствомъ. Впрочемъ, процессы, какъ всегда, усилили лишь значеніе соціалистическаго движенія. За то съ тѣхъ поръ расколъ между пропагандистами и партіею бунтовъ ослабилъ движеніе, вызывая въ то же время болѣе критическое отношеніе къ наибо-

---

который вызвала и еще вызываетъ среди нѣмецкихъ соціалистовъ та болѣе рѣзкая постановка соціально-революціонной программы, которую счелъ нужнымъ этотъ журналъ. Поэтому я не могъ упомянуть объ этомъ движеніи тогда. Считаю лишнимъ и теперь распространить сказанное въ текстѣ, останавливаясь на совершенно новомъ элементѣ, которому придаю большую важность и который, какъ мнѣ кажется, обѣщаетъ много хорошаго для будущности нѣмецкаго движенія, доказывая, между прочимъ, что прежній характеръ этого движенія зависѣлъ не отъ національнаго склада мысли, но отъ условій исторической среды (сент. 1879).

лѣе дѣйствительнымъ средствамъ для подготовленія революціи. Ни та ни другая партія не могла пока надлежащимъ образомъ выполнить своей программы. Соціалистическая пресса ослабѣла и вспышки, подобныя Беневентской, имѣли болѣе значенія по процессамъ, ими вызваннымъ, чѣмъ сами по себѣ. *) Тѣмъ не менѣе появленіе и въ Италіи полусоціалистической литературы и парламентской партіи (радикальныхъ реформистовъ) доказываетъ, что буржуазный міръ, преслѣдуя соціалистовъ, тѣмъ не менѣе принужденъ былъ признать въ значительной мѣрѣ необходимость рѣшить въ соціалистическомъ смыслѣ многіе современные вопросы общественнаго строя. Недавно еще столь вліятельная партія мацциністовъ почти, совершенно разложилась въ послѣднія 8 лѣтъ.

И въ Испаніи событія Коммуны дали сильный толчокъ соціалистическому движенію, которое собственно началось съ революціи 1868 г., такъ что въ 1870 г. тамъ существовало нѣсколько соціалистическихъ органовъ и на іюньскомъ конгрессѣ въ Барцелонѣ присутствовали делегаты отъ 40.000 рабочихъ. Въ концѣ года это движеніе примкнуло къ Интернаціоналу. Вслѣдъ за Парижской Коммуной, испанское правительство поставило Интернаціоналъ внѣ закона и это именно дало какъ бы сигналъ къ его широкому развитію въ Испаніи. Конгрессы собирались явно на зло правительству (напр. въ Сарагоссѣ въ 1872 г.). Федераціи и секціи считались сотнями. Но 1873 годъ долженъ былъ выказать и силу и недостатки соціалистическаго движенія въ Испаніи. Парижская Коммуна, вслѣдствіе сложности элементовъ, участвовавшихъ

*) Въ самое послѣднее время произошло сближеніе фракцій италіанскихъ соціалистовъ; оно выразилось немедленно усиленіемъ соціалистической прессы и обѣщаетъ значительное усиленіе самого соціалистическаго движенія въ будущемъ (май, 1880).

въ ея движеніи, была для рабочаго пролетаріата самымъ крупнымъ заявленіемъ его требованій, какъ самостоятельнаго общественнаго начала, но она, въ то же время, была для федералистовъ буржуазіи яркимъ заявленіемъ и ихъ идеи. И вотъ, подъ этимъ вліяніемъ, началось одновременно сильное движеніе федералистовъ-республиканцевъ съ одной стороны, интернаціоналистовъ съ другой, при взаимномъ недовѣріи и парализированіи усилій, между тѣмъ какъ въ средѣ самихъ интернаціоналистовъ, вслѣдствіе несчастнаго Гаагскаго конгресса 1872 г., расколъ, соперничество и взаимное противудѣйствіе въ виду общаго врага достигли высшаго предѣла. Рядъ возстаній городовъ и героическая оборона инсургентовъ свидѣтельствуетъ о силѣ толчка, вызваннаго здѣсь событіями Парижской Коммуны, но печальный исходъ фатально долженъ былъ послѣдовать за раздоромъ враговъ существующаго общественнаго строя. Взаимныя обвиненія до сихъ поръ такъ страстны, что всего вѣрнѣе, кажется, и теперь еще воздержаться отъ суда надъ различными участниками этихъ событій. Позволительно думать, что чисто рабочимъ элементамъ возстанія и тогда было и теперь осталось неяснымъ, изъ-за чего происходили роковые раздоры между ихъ предводителями. Во всякомъ случаѣ исходъ былъ печаленъ: республиканскіе федералисты, интернаціоналисты приверженцы Гаагскаго конгресса и интернаціоналисты-анархисты были одинаково раздавлены республикою Кастеллара, которая очень скоро превратилась въ королевство Альфонса XII. Соціалистическое и коммунально-федералистическое движеніе, вызванное въ столь широкихъ размѣрахъ событіями Парижской Коммуны, ослабѣло, и до сихъ поръ не можетъ еще излечиться отъ нанесенныхъ ему ранъ.

Усиленіе нѣмецкаго соціалистическаго движенія, вслѣдствіе обширности нѣмецкой эмиграціи въ Америку, неизбѣжно отозвалось и тамъ. Хотя именно тамъ произошли въ 1873—1876 годахъ самыя печальныя явленія

разложенія централистическаго Интернаціонала, но тѣмъ не менѣе сильное возбужденіе рабочаго вопроса на почвѣ, гдѣ право ассоціаціи и собранія еще представляетъ кое-что реальное, произвело свое неизбѣжное дѣйствіе. Именно 1877 годъ далъ міру въ Соединенныхъ Штатахъ примѣръ вооруженнаго рабочаго возстанія, которое въ нѣсколько дней развилось отъ одного океана до другого, показало, какъ безсиленъ современный строй противъ серьезной комбинаціи силъ пролетаріата, и лишь недостатокъ ясной и опредѣленной экономической и политической программы помѣшалъ этому движенію получить историческое значеніе.

Если въ другихъ странахъ въ эти годы движеніе было менѣе значительно, а въ иныхъ, (какъ въ Англіи и въ Бельгіи) положительно ослабѣло или вслѣдствіе особенно рѣзкаго разочарованія въ пользѣ международной связи (какъ въ Англіи), или вслѣдствіе столкновенія на почвѣ одной и той же національности двухъ противоположныхъ плановъ организаціи и дѣятельности Интернаціонала (какъ въ Бельгіи), тѣмъ не менѣе нигдѣ событія Коммуны не прошли безслѣдно для рабочаго пролетаріата. Именно они вызвали болѣе опредѣленное отношеніе къ задачамъ рабочаго движенія. На вопросѣ объ отношеніи къ движенію Парижской Коммуны англійскія Trade-Unions отдѣлились отъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала; вслѣдствіе этого ихъ движеніе за послѣдніе годы стало уже и мертвеннѣе; эта узкость и мертвенность должна неизбѣжно привести къ кризису, къ обновленію, которое, неизбѣжно, выкажется *инымъ* отношеніемъ къ событіямъ Парижской Коммуны. — Точно такъ же именно событія Коммуны вызвали въ Бельгіи растущее сознаніе, что прежняя система дѣйствія Бельгійскаго Интернаціонала не была достаточно цѣлесообразна. Неудачная и едва ли умѣстная въ данную минуту попытка тайной революціонной организаціи въ 1873 году потрясла и деморализировала существовавшія прежъ-

де группы; въ противоположность ей выдвинулась другая попытка перенести въ Бельгію способъ дѣйствія нѣмецкихъ соціаль-демократовъ въ то самое время, когда этотъ способъ и въ Германіи переставалъ уже соотвѣтствовать реальной политической почвѣ. *)

Можно сказать, что въ Англіи и въ Бельгіи, какъ въ Германіи и на югѣ Европы событія Коммуны явились сильнымъ элементомъ броженія соціалистическихъ идей. Вездѣ разлетѣлись иллюзіи; вездѣ пришлось избрать иной путь. Только въ однихъ странахъ онъ быстро опредѣлился безъ колебаній и выказался болѣе или менѣе крупными результатами. Въ другихъ наступилъ именно періодъ колебанія, шатанія, отысканія новаго пути со всѣми печальными проявленіями подобнаго періода.

Что касается до Франціи, гдѣ совершились тѣ самыя событія, которыя явились повсюду столь могучимъ элементомъ броженія, конечно, Франція не могла проявить активно дѣйствія этого фермента. Ослабленная тройнымъ кровопусканіемъ казней и убійствъ массами, ссылокъ и эмиграціи самой энергической части населенія, подъ трусливымъ наблюденіемъ кровавой республики Тьера, клерикально-монархической республики Макъ-Магона и оппортюнистской республики Гамбетты, Франція не могла ни двинуться, ни дохнуть свободно. Но не даромъ прошли и для нея эти годы. Они принесли рабочему классу разочарованіе въ громкихъ именахъ, въ лицемѣрныхъ друзьяхъ народа. И для новой рабочей партіи, понемно-

---

*) Мой взглядъ на бельгійское движеніе не совсѣмъ сходится съ тѣмъ, который высказанъ объ этомъ движеніи самою компетентною въ этомъ дѣлѣ личностью въ первой книжкѣ «Jahrbuch fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Но и прочтя эту весьму интересную статью (одну изъ лучшихъ въ изданіи) я не считаю нужнымъ измѣнить что либо изъ высказаннаго. (Сент. 1879).

гу организующейся среди прежняго израненнаго организма, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя статьи «Egalité», «Proletaire», отношеніе къ Коммунѣ 1871 года является шиболетомъ, отдѣляющимъ *своихъ* отъ *чужихъ*, *друзей* отъ *враговъ*. Луи-Блану, идолу пролетаріата въ 1848 г., едва ли повѣритъ пролетаріатъ 1879 г. съ тѣхъ поръ какъ онъ подписалъ привѣтъ палачамъ Коммуны. Новый претендентъ на руководительство судьбами Франціи, Клемансо, можетъ быть похититъ власть и вліяніе въ средѣ французскихъ оппортюнистовъ у Гамбетты, но должно надѣяться, что рабочій народъ Парижа никогда не забудетъ роль монмартрскаго мэра въ 1871 г. Въ полемикѣ о полной и неполной амнистіи дѣятелямъ Коммуны участники этой полемики опредѣляли свое будущее мѣсто въ симпатіяхъ парижскаго пролетаріата. Какъ призракъ Коммуны стоитъ все грознымъ привидѣніемъ предъ оппортюнистами и реакціонерами палаты и администраціи, такъ этотъ же призракъ, разукрашенный воображеніемъ, возвеличенный мученичествомъ, заслоняетъ теперь въ глазахъ энергической доли французскаго пролетаріата старую святыню 1793 года, и во имя *его*, подъ *его* краснымъ знаменемъ совершится неизбѣжно первое народное движеніе, которое увидитъ Франція въ будущемъ.

И такъ всѣ народы Западной Европы имѣютъ основаніе смотрѣть на Парижскую Коммуну 1871 года, какъ на крупнаго двигателя въ своей собственной внутренней исторіи. Соціалисты всѣхъ странъ имѣютъ право и обязанность привѣтствовать день, который обозначилъ ришимость рабочаго пролетаріата сдѣлаться самостоятельнымъ дѣятелемъ исторіи. И соціалисты всѣхъ странъ понимаютъ это. Въ ту минуту, когда мы ведемъ нашу бесѣду, предо мною два заявленія, одно — исходящее отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, которые еще недавно такъ чуждались явнаго заявленія революціонныхъ стремленій соціализма, другое—появившееся въ томъ самомъ Парижѣ,

гдѣ казалось, «кровавая недѣля» могла бы на долго запугать народные умы. То и другое привѣтствуютъ завтрашній день революціоннымъ кликомъ. Лондонская нѣмецкая «Freiheit» (№ 11) красными, кровавыми буквами пишетъ въ своемъ спеціальномъ номерѣ: «Мы взяли въ руки старый испытанный барабанъ подавленнаго слова для вербовки; мы ударили тревогу революціи, чтобы она зазвучала въ хижинахъ и во дворцахъ, утѣшая однихъ и укрѣпляя ихъ мужество, вселяя ужасъ въ другихъ... Безцеремонно провозглашали мы истину, безжалостно выставляли тирановъ и ихъ лакеевъ къ позорному столбу современной исторіи; энергически призывали мы рабочій народъ къ революціи; на сколько умѣли и могли, проповѣдывали красную республику, радикальный соціализмъ; короче, во всѣхъ нашихъ призывахъ къ народу мы повторяли: полный бунтъ! новый бунтъ! — и наше слово нашло отзывъ внизу и вверху. Въ то время какъ слуги и сторожа рая и ада варварскихъ деспотовъ, укрѣпленныхъ за парламентомъ, измѣнившимъ народу, старались вызвать возмущеніе противъ насъ и окончательно тратили свое бѣшенство въ безсильныхъ запрещеніяхъ, въ это время выражали намъ свое сочувствіе пролетаріи, истинные солдаты революціи... потому что мы говорили ихъ языкомъ, выражали то, что они думаютъ и чувствуютъ».—Въ этотъ же день парижскій «Le Proletaire» (№ 24) писалъ: «Мы апеллируемъ къ суду исторіи, которая, болѣе милосердная и болѣе безпристрастная, объявитъ, что приверженцы Коммуны 1871 г. заслужили благодарность родины и революціи». И въ другомъ мѣстѣ: «пока не будетъ существовать равновѣсія въ производствѣ, въ обмѣнѣ и въ распредѣленіи имущества, будутъ повторяться іюньскіе дни и дни 18 марта». *)

*) Прибавлю теперь и нѣсколько словъ изъ привѣта, посланнаго Парижу 18 марта русскими рабочими изъ

Но едва ли для какой либо страны годы, прошедшіе послѣ Парижской Коммуны, имѣли столь важное значеніе какъ для Россіи. Лица, оставлявшія Россію въ 1870 г., имѣли предъ собою страну, гдѣ оппозиціонное движеніе какъ бы замерло или значительно ослабѣло со времени ссылки Н. Г. Чернышевскаго и особенно послѣ реакціоннаго террора, вызваннаго каракозовскимъ дѣломъ. Можетъ быть слишкомъ рѣзко выразился г. Аксельродъ въ своей талантливой статьѣ, помѣщенной въ послѣднемъ (№ 8—9) номерѣ «Общины», говоря, что «современъ Чернышевскаго, Добролюбова», до 1873 г., «ни одинъ энергическій протестъ не раздавался изъ среды общества и литературы». Промежуточныя звѣнья существовали. Если распространеніе «Колокола» въ Россіи очень ослабѣло въ это время, если «Народное Дѣло» всегда мало расходилось тамъ, если и дѣятельность Интернаціонала въ лучшіе его годы оставалась очень мало извѣстною въ Россіи, то внутри самой страны имѣли мѣсто явленія, на которыя было бы несправедливо совсѣмъ не обращать вниманія. Конечно, въ литературѣ эпоху господства вліянія Писарева приходится признать шагомъ назадъ въ развитіи оппозиціонной общественной мысли сравнительно съ эпохою дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова, но рядомъ съ этимъ были факты и иного

Одессы («Община» № 3—4, стр. 4—5). «Мы работаемъ на своей родинѣ для той же великой цѣли, для достиженія которой погибло въ 1871 году на баррикадахъ Парижа столько вашихъ братьевъ, сестеръ, отцовъ, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждемъ наступленія той исторической минуты, когда и мы сможемъ ринуться въ бой за права трудящихся противъ эксплуататоровъ, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы.... Вы правы были, когда въ 1871 году вы говорили, что сражаетесь за все человѣчество» (сент. 1879).

рода. Довольно назвать извѣстную книгу Флеровскаго, Самоучитель Худякова, романы Рѣшетникова, а легко было бы указать и нѣкоторыя другія явленія, не оставшіяся совсѣмъ безъ вліянія, и относящіяся къ тѣмъ же годамъ. Припомнимъ, что въ это самое время появился русскій переводъ «Капитала» Маркса, первая передача на иностранномъ языкѣ этого руководящаго произведенія теоретическаго соціализма. Въ общественномъ развитіи этихъ годовъ нельзя забыть тѣхъ кружковъ, которые выработали Худякова, Ишутина, Каракозова, позже — людей, имена которыхъ связаны съ Нечаевскимъ процессомъ. Тѣмъ не менѣе, безспорно, что, несмотря на существованіе этихъ промежуточныхъ звѣньевъ между эпохою дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова въ Россіи, наиболѣе вліятельнаго періода «Колокола» на западѣ и эпохою возрожденія русскаго соціалистическаго движенія въ 1873 году, десятилѣтіе 1863—1873 г. было вообще говоря, время глухое, томительное и безжизненное. Въ 1870 году трудно было имѣть надежду на быстрое возникновеніе сильнаго оппозиціоннаго движенія. Тѣмъ не менѣе оно произошло, и мнѣ нечего напоминать моимъ слушателямъ о его разливѣ въ послѣдніе годы. Русская соціалистическая литература толстыхъ томовъ, періодическихъ изданій, брошюръ для народа развилась значительно въ немногіе годы, и многіе десятки тысячъ экземпляровъ этой «подпольной» литературы разошлись въ предѣлахъ Россіи несмотря на опасности, которыя угрожали распространителямъ. Рядомъ съ этимъ въ 1874 г. проявилось неслыханное и совершенно неожиданное по своимъ результатамъ «движеніе въ народъ» съ цѣлью соціально-революціонной пропаганды. Русскіе соціалисты выставили изъ своихъ рядовъ цѣлыя сотни *людей дѣла*, мужчинъ и женщинъ, которые шли смѣло проповѣдывать истины соціализма, вербовать имъ приверженцевъ среди народа, приготовлять въ русскомъ рабочемъ классѣ ту соціально-революціонную почву, которая одна можетъ

обезпечить ожидаемому перевороту успѣхъ и осуществленіе началъ справедливаго общественнаго строя. Русскій соціализмъ имѣлъ своихъ героевъ и своихъ мучениковъ. Въ немногіе годы своей дѣятельности онъ заставилъ трепетать теперешнее правительство за собственную безопасность, принудилъ это правительство прибѣгнуть къ тѣмъ безумнымъ мѣрамъ реакціи, которыя всегда обличаютъ отсутствіе солидарности между правительствомъ и обществомъ, указалъ во очію безнадежное раззореніе русскаго крестьянина, лживость прославленныхъ реформъ начала шестидесятыхъ годовъ и насущную потребность для всѣхъ мыслящихъ русскихъ обратить немедленное вниманіе на тѣ экономическія опасности, которыя угрожаютъ во всѣхъ отношеніяхъ нашей родинѣ. Въ своихъ герояхъ и мученикахъ русскій соціализмъ доказалъ, сколько энергіи еще хранится въ сонномъ царствѣ Россіи, когда въ немъ поднимается знамя, способное воодушевить искреннихъ и мыслящихъ людей. Выдвинувъ группу молодыхъ талантливыхъ писателей соціалистической прессы, онъ доказалъ, сколько литературныхъ дарованій остаются неизвѣстными лишь потому, что не могутъ пригнуться до уровня трусливыхъ намековъ и цензурнаго оскопленія, которыя принижаютъ мысль и чувство въ дозволенной прессѣ: авторы обзоровъ рабочаго движенія во «Впередъ», «Переходнаго момента», и «Итоговъ соціально-демократической партіи» въ «Общинѣ», авторы «Хитрой Механики» и «Внушителя словили», авторы «Записокъ Южно-русскаго соціалиста» и украинской «Паровой машины» завоевали себѣ видное мѣсто въ русской публицистической литературѣ, независимо отъ взглядовъ ими проводимыхъ, и указали, какія замѣчательныя литературныя силы скрываются въ рядахъ молодыхъ соціалистовъ послѣднихъ годовъ.

Но вліяніе соціализма не ограничилось этимъ. Если добросовѣстные романисты сороковыхъ годовъ, во имя художественной истины должны были признать, можетъ

быть и неохотно, что единственные честные и искренніе типы политическихъ дѣятелей въ Россіи въ настоящее время приходится брать въ рядахъ соціалистовъ-революціонеровъ, то и вся серьезная литература общественныхъ знаній въ Россіи носитъ на себѣ явную печать соціалистическихъ задачъ. Конечно я, по весьма понятнымъ причинамъ, не назову ни одного имени, не сдѣлаю даже ни одного указанія, но надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть въ серьезной русской литературѣ явленіе, параллельное нѣмецкому катедеръ-соціализму, но можетъ быть еще болѣе многозначительное. Въ этой серьезной русской литературѣ точно также отсутствуетъ революціонный и агитаціонный элементъ, точно также видно стремленіе предотвратить кровавый и бурный взрывъ, найдти средства примирить то, что соціалисты-революціонеры прежде всего признаютъ непримиримымъ, найдти исходъ путемъ мирныхъ уступокъ и соглашеній тамъ, гдѣ мы не видимъ никакой возможности ничего подобнаго. Но русская серьезная литература, какъ мнѣ кажется, болѣе искренно и болѣе безпристрастно относится къ этимъ жгучимъ вопросамъ, чѣмъ нѣмецкіе ученые примирители и гармонисты. Во всякомъ случаѣ для меня безспорно одно: подъ вліяніемъ возрожденія соціалистическаго движенія 1873 года, русская экономическая и историческая наука фатально и неизбѣжно поднимаетъ вопросы соціализма и, позволяю себѣ думать, столь же фатально и неизбѣжно всѣ искреннѣе ея представители должны будутъ придти къ соціалистическимъ рѣшеніямъ этихъ вопросовъ.

Но мнѣ скажутъ, что это соціалистическое движеніе въ Россіи произошло само собою, вслѣдствіе обстоятельствъ и побужденій, нисколько не зависѣвшихъ отъ событій Парижской Коммуны и что потому едва ли правильно связывать возрожденіе русскаго соціализма съ фактами Коммуны. Я признаюсь, что не могу прослѣдить точно связь между этими двумя группами фактовъ, и не стану пытаться доказывать путемъ натяжки то, что до-

казать убѣдительно не могу. Но для меня лично сотни мелкихъ фактовъ и впечатлѣній сливаются въ несомнѣнное убѣжденіе, что эта связь существуетъ и что русское соціалистическое движеніе 1873 и слѣдующихъ годовъ было косвенно вызвано впечатлѣніемъ, произведеннымъ и на русскіе умы событіями Парижской Коммуны. Во всякомъ случаѣ фактъ ея появленія вызвалъ необыкновенное вниманіе къ существующимъ экономическимъ явленіямъ и къ историческому процессу ихъ подготовленія. Фактъ ея паденія подъ разлагающимъ вліяніемъ революціонно-якобинской рутины почти на столько же, на сколько и подъ оружіемъ версальцевъ, вызвалъ болѣе здравое отношеніе къ идеаламъ первой революціи и также къ возможности гармонировать идеалы болѣе или менѣе радикальныхъ партій буржуазіи съ задачами рабочаго пролетаріата. Это событіе, наконецъ, научило и насъ русскихъ многому тому, что, безъ него, осталось бы, можетъ быть, незамѣченнымъ.

III.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Какое же поученіе могутъ извлечь изъ фактовъ Парижской Коммуны для себя, для укрѣпленія или для исправленія своей программы, тѣ различные оттѣнки друзей русскаго народа, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ своей бесѣды?

Прежде всего, конечно, я имѣю въ виду тѣхъ, которыхъ считаю своими товарищами, которые видятъ единственный исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ въ соціальной революціи, которые посвятили свою дѣятельность ея подготовленію тѣмъ или инымъ способомъ.

Во первыхъ, соціалисты-революціонеры могутъ, наравнѣ со всѣми другими партіями дѣйствія, извлечь изъ этой мрачной исторіи поученіе: мало быть энергичнымъ и преданнымъ дѣлу; надо быть къ нему *готовымъ*. Организовать партію подъ выстрѣлами непріятеля, при буряхъ борьбы на площади, во время политическихъ столкновеній съ другими готовыми и организованными пар-

тіями, — обыкновенно бываетъ слишкомъ поздно, и соціалисты Коммуны 1871 г. главнымъ образомъ пострадали отъ этого. Они не были готовы, когда Седанъ свалилъ 4 сентября имперію, хотя казалось бы, со времени мексиканской экспедиціи можно было достаточно ясно видѣть признаки разложенія имперіи, и въ громадномъ распространеніи «Propos de Labienus» и «Lanterne», въ рѣчахъ, которыя раздавались со времени допущенія публичныхъ собраній, въ рѣзкихъ статьяхъ «Марсельезы» и «Reveil» трудно было не замѣтить приближенія распаденія власти Наполеона III. Соціалисты не были готовы и 31 октября, когда обстоятельства временно дали имъ возможность парализовать противника. Они не были готовы даже 18 марта и, когда начавшееся движеніе само отдавало ходъ событій въ ихъ руки, они еще колебались, на сколько имъ слѣдовало вмѣшаться въ это движеніе. Когда же Интернаціоналъ рѣшился принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ Коммуны, какъ въ *своемъ* дѣлѣ, сплачиваніе личностей съ соціалистическою программою происходило медленно и постепенно (см. стр. 112 и слѣд.) и совершилось окончательно лишь къ маю, т. е. когда почти все было уже потеряно. Да и въ чемъ выразилось тогда, по словамъ самихъ участниковъ, происшедшее наконецъ сплоченіе партіи?—въ *отрицательномъ* дѣйствіи; въ томъ, что ея приверженцы *отказались* отъ участія въ дѣйствіяхъ Комитета Общественнаго Спасенія.

Мы видѣли, откуда вышелъ этотъ недостатокъ сплоченія, этотъ недостатокъ положительнаго вліянія соціалистовъ Коммуны на ея дѣятельность, и намъ приходится теперь, для полученія надлежащихъ выводовъ, резюмировать сказанное уже въ очеркѣ фактовъ исторіи Коммуны.

Мы видѣли, что соціалисты не рѣшились провести сейчасъ же своей экономической программы и были настигнуты революціей не образовавъ партіи, не выработавъ *своей* политической программы дѣйствія. Это сдѣ-

лало ихъ безсильными въ борьбѣ съ ихъ противниками, якобинцами-рутинерами, которые имѣли готовую программу дѣйствія, хотя и негодную, такъ какъ она черпала всѣ свои данныя изъ традиціи Конвента, вполнѣ чуждой экономическихъ вопросовъ новаго времени и новаго распредѣленія политическихъ силъ въ націи. Якобинцы предлагали положительныя мѣры, хотя и рутинныя, а соціалисты ограничивались отрицательнымъ противодѣйствіемъ этимъ мѣрамъ, не предлагая ничего въ замѣнъ. Это все повело къ безсилію соціалистической партіи въ Коммунѣ, и, въ значительной степени, къ разстройству всего движенія. Изъ этихъ фактовъ соціалисты всѣхъ странъ, — слѣдовательно, и соціалисты русскіе — могутъ извлечь немаловажныя поученія.

Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ соціалисты не имѣютъ права забыть, что въ настоящую эпоху исторической борьбы экономическій вопросъ примируетъ надъ всѣми прочими; что пока экономическій переворотъ не совершенъ во всѣхъ главныхъ основахъ — *ничего не сдѣлано*; пока рабочій пролетаріатъ не перестанъ быть пролетаріатомъ, продающимъ свои силы за заработную плату и имѣющимъ предъ собою и надъ собою подавляющую силу капитала, до тѣхъ поръ «революція пролетаріата» не совершилась. Въ настоящее время нѣтъ почвы ни религіозной, ни національной, ни политической, на которой рабочіе пролетаріи могли бы и имѣли бы нравственное право пойти на сдѣлку съ господствующими классами или съ какою либо ихъ долею. Какъ только историческія комбинаціи доставятъ пролетаріату хотя бы временную побѣду, онъ долженъ совершить прежде всего *экономическую революцію*. Какъ бы ни была недостаточна и нестройна первая попытка новаго порядка, уже то одно, что она совершится сознательно и рѣшительно, будетъ важнымъ завоеваніемъ. Артиллерія пролетаріата, это — «соціальная идея». Если побѣда пролетаріата упрочится, то онъ будетъ имѣть достаточно времени чтобы улуч-

шить эту первую попытку рядомъ реформъ болѣе или менѣе мирныхъ или крутыхъ: ничто не появляется зрѣлымъ съ перваго момента существованія; все должно пройти чрезъ рядъ фазисовъ развитія и созрѣванія; но дѣйствительныя революціи полагаютъ начало новымъ органическимъ типамъ, и развитіе, происходящее въ новомъ типѣ, не имѣетъ уже ничего общаго съ развитіемъ стараго. Если бы даже революція пролетаріата была подавлена, то потрясеніе въ самыхъ его основахъ стараго экономическаго строя, даже временное, не можетъ остаться безъ важныхъ послѣдствій. За революціей противу представителей стараго преданія, старыхъ общественныхъ формъ могутъ слѣдовать, какъ прежде бывало, и цезари-диктаторы и даже реставраціи. Но ни возвратившіеся Стюарты и Бурбоны, ни диктатуры новыхъ Кромвелей и Наполеоновъ не въ состояніи возстановить прошлое *какъ оно было*. Всякая реставрація будетъ носить въ себѣ слѣды совершившейся революціи и зародыши новыхъ революцій *въ томъ же направленіи* какъ первая. Ниспровергнутый, хотя бы временно, порядокъ экономической собственности и монополіи уже не возстановится *совсѣмъ какъ былъ*, когда его потрясетъ *настоящая* революція пролетаріата, и послѣ своей починки онъ будетъ хранить въ себѣ трещины, которыя неизбѣжно поведутъ его къ разрушенію. Дѣло не въ крутыхъ или въ кроткихъ мѣрахъ, не въ террорѣ или въ любвеобиліи къ врагамъ. Дѣло—въ мѣрахъ *дѣйствительныхъ*. Артюръ Арну сказалъ совершенно вѣрно (II, 159): «Ни насиліе, ни умѣренность не составляютъ принциповъ... *Надо дѣлать, что нужно*. Вотъ все». Въ минуту, когда историческія комбинаціи позволятъ рабочимъ какой либо страны, хотя бы временно, побороть враговъ и овладѣть теченіемъ событій, рабочіе должны тѣми средствами, которыя будутъ цѣлесообразны, *каковы бы ни были эти средства*, совершить экономическій переворотъ и обезпечить его прочность,

на сколько это будетъ возможно. Все остальное должно находиться въ зависимости отъ этой *главной* задачи.

Для этого приходится имѣть свою *готовую* организацію и *готовую* программу политическаго дѣйствія. Мы видѣли, что отсутствіе предварительнаго соглашенія, предварительнаго сплоченія, сдѣлало соціалистовъ Коммуны безсильными въ борьбѣ съ соперниками. Не буду повторять сказаннаго уже о недостаткѣ организаціи, но остановлюсь теперь лишь на слѣдствіяхъ недостатка программы политическаго дѣйствія.

Соціализмъ Интернаціонала представлялъ въ эпоху Парижской Коммуны 1871 года высшую точку развитія общественной идеи, и ограничивался требованіемъ, чтобы рабочій классъ *самъ* завоевалъ себѣ господство надъ существующимъ экономическимъ строемъ. Но вопросъ о томъ, какъ на *практикѣ* достичь этого господства, оставался по необходимости неопредѣленнымъ. Карлъ Марксъ развилъ великую теорію фатальнаго экономическаго процесса, вызывающаго капитализмъ на смѣну низшихъ ступеней хозяйства, и создающаго затѣмъ, руками самаго капитализма, рабочій пролетаріатъ, въ которомъ растетъ для капитализма неизбѣжный врагъ а, въ будущемъ, и побѣдитель. Интернаціоналъ выработалъ убѣжденіе, что рабочая партія не должна имѣть, при обыкновенномъ ходѣ своей дѣятельности, ничего общаго съ политическими партіями буржуазнаго строя; что она должна поставить себѣ *свои* цѣли, должна имѣть *свою* политику. Но какъ поступать въ случаѣ фактическаго возстанія Парижскіе интернаціоналисты колебались. Многіе изъ нихъ считали, что политическая борьба должна быть чужда Интернаціоналу. Они концентрировали и хотѣли концентрировать свою дѣятельность на экономическихъ вопросахъ. Они не имѣли политической программы для даннаго случая. Что же вышло? За неимѣніемъ яснаго, практическаго пониманія, выступила на сцену рутина, съ ея тысячу разъ повторенными клише. Полная свобода для рабочаго класса

устроиться, какъ ему угодно; полная свобода мысли и прессы; семья, основанная на фактѣ привязанности и сочувствія, а не на фактѣ обряда и юридическаго заявленія; таковы были общія, давно уже повторяемыя положенія, «идеи, выработанныя въ полемикѣ партій и принятыя общественнымъ мнѣніемъ» по приведенному выше (стр. 178) выраженію Мильера. Но приходилось осуществлять новый строй среди борьбы, которая шла тутъ же; приходилось разрушать и строить сейчасъ же при разнообразныхъ условіяхъ этой борьбы. Враги были не только въ Версали, но и тутъ подлѣ, въ богатыхъ кварталахъ, въ рядахъ избирателей; въ рядахъ чиновниковъ Коммуны, при помощи которыхъ приходилось осуществлять ея распоряженія; въ рядахъ національной гвардіи, которая составляла единственную матеріальную поддержку новаго порядка. Надо было имѣть готовую программу дѣйствія на подобный случай, возможность котораго легко было предвидѣть. Надо было быстро создать эту программу, связавъ ея практическія мѣры принципіально съ задачами рабочаго соціализма, и энергически, во имя этихъ принциповъ, какъ начала высшей соціальной справедливости, указать практическій путь колеблющейся массѣ, которая нисколько не была обязана, въ своей безвыходной борьбѣ за существованіе, выработать сама себѣ рѣшенія для трудныхъ вопросовъ, представляемыхъ комбинаціями теоретическихъ принциповъ съ историческими условіями даннаго времени. Представители началъ Интернаціонала были нравственно обязаны выставить эту программу дѣйствія, какъ представители въ данную минуту самой высшей ступени развитія соціальной идеи. Они нравственно обязаны были предложить готовую систему практическихъ мѣръ, которыя могли быть исправлены, приспособлены къ обстоятельствамъ автономіею и суверенымъ рѣшеніемъ парижскаго пролетаріата, но которыя, какъ *система*, имъ выработаны быть не могли. Въ подобныхъ случаяхъ партія, которая выработала—

или, по крайней мѣрѣ, убѣждена, что она выработала — передовые взгляды на организацію общественной силы, не имѣетъ нравственнаго права оставаться при отрицательныхъ началахъ всеобщей свободы и всеобщаго права обсужденія существенныхъ вопросовъ минуты. Во имя того, что обстоятельства благопріятствовали *ей*, что они позволили *ей* выработать болѣе высокое развитіе, она нравственно обязана выступить съ программою дѣла, чтобы обезпечить отъ враговъ почву дальнѣйшаго развитія. Люди, борющіеся за осуществленіе лучшаго будущаго для человѣчества, не имѣютъ права колебаться и «сомнѣваться въ себѣ» въ минуту, когда они призваны къ дѣйствію. Велики или малы ихъ силы, они должны смѣло нести всѣ эти силы на дѣло, которому служатъ. Совершенны или несовершенны ихъ программы, за неимѣніемъ лучшихъ они должны рѣшительно осуществлять эти программы, предоставляя будущему исправить ихъ недостатки. Дѣло идетъ не о декретированіи, не о навязываніи какой либо программы, но о предложеніи ея въ опредѣленныхъ, практическихъ формахъ, и объ употребленіи всѣхъ усилій на ея проведеніе въ дѣло, какъ перваго, хотя бы несовершеннаго кадра для организаціи силы. Если бы Мильеръ, Варленъ, Лефрансэ, Артюръ Арну, Верморель выступили, согласившихъ между собою, въ народныхъ собраніяхъ съ готовою практическою программою соціальнаго переворота; если бы—какъ оно вѣроятно, и случилось бы — къ ней немедленно примкнуло большинство рабочихъ Парижа, большинство національной гвардіи, они бы разомъ отняли главную долю силы у своихъ противниковъ, либераловъ-примирителей и якобинцевъ, поклонниковъ традиціи 1793 года. Но у нихъ не было согласія, не было увѣренности, не было достаточно знанія, не было общей программы. Въ минуту дѣйствительнаго столкновенія, партія безъ программы безсильна. Она можетъ восторжествовать, можетъ стоять у кормила движенія; но она никогда не будетъ въ состоя-

ніи дать ему направленіе. Когда приходится дѣйствовать и нѣтъ людей, которые, во имя болѣе передового и болѣе смѣлаго развитія своей мысли, указали бы новый путь дѣйствія, то неизбѣжно, фатально, дѣйствіе должно совершаться по всегда готовой, привычной рутинѣ старыхъ пріемовъ. Въ рѣшительные историческіе моменты массы всегда пойдутъ за тѣмъ знаменемъ, на которомъ написана наиболѣе опредѣленная программа, наиболѣе простыя, ясныя и опредѣленныя цѣли; массы пойдутъ за тѣми, кто готовъ и не колеблется. Если же никто не удовлетворяетъ этому условію, если сильные, искренніе люди изъ такъ называемой интеллигенціи колеблются, то фатально и неизбѣжно масса пойдетъ по какому либо старому рутинному указанію, отвернется отъ новыхъ рѣшеній, новыхъ идей, и самые героическіе подвиги, самая самоотверженная энергія не предотвратитъ возвращенія къ старому злу въ нѣсколько измѣненной формѣ. Пусть помнятъ это наши *народники*.

Но для вѣроятности успѣха въ минуту дѣйствительной борьбы недостаточно яснаго пониманія экономическихъ и политическихъ задачъ соціализма, недостаточно опредѣленной общей программы дѣйствія. Борьба имѣетъ свои техническія условія, и партія дѣйствія должна заботиться о томъ, чтобы въ ея рядахъ были люди, способные побѣдить техническія препятствія, которыя представитъ минута дѣйствительной борьбы. Экономическій переворотъ, который долженъ лежать въ основаніи всякой общественной перестройки, не можетъ ограничиваться принципами и общими пріемами: въ каждой мѣстности онъ долженъ совершиться взявъ въ соображеніе дѣйствительное положеніе дѣлъ въ его частностяхъ, приспособляя основные принципы и общіе пріемы къ существующему распредѣленію матеріальныхъ средствъ и рабочихъ силъ; иначе говоря, экономическій переворотъ въ каждой отдѣльной мѣстности можетъ совершиться съ наименьшимъ количествомъ страданій и съ наибольшею выгодою для массы

рабочаго населенія лишь на основаніи самаго точнаго знанія экономической статистики данной мѣстности. Но нельзя сомнѣваться, что самый успѣхъ переворота, въ особенности же прочность этого успѣха, зависятъ отъ того, чтобы онъ совершился при наименьшемъ количествѣ страданій и съ наибольшею выгодою для рабочаго класса, поддержка котораго составляетъ единственную силу всякаго соціалистическаго строя. Поэтому необходимо, чтобы въ средѣ соціалистическихъ партій находились въ каждой мѣстности люди, вполнѣ усвоившіе экономическое положеніе этой мѣстности, во всѣхъ его подробностяхъ. Необходимо, чтобы, въ каждой мѣстности люди, посвятившіе себя на подготовленіе соціальной революціи, составили, подъ руководствомъ личностей, наиболѣе усвоившихъ это экономическое положеніе, спеціально-примѣненный къ данной мѣстности планъ перераспредѣленія экономическихъ силъ и немедленнаго ихъ приведенія въ дѣйствіе вслѣдъ за совершившимся переворотомъ. То, что хотѣла дѣлать «Коммиссія инициативы» Парижской Коммуны (см. стр. 169) во время самой бури революціи и междоусобной войны, должно быть повсюду подготовительною работою соціальной революціи, если ея подготовители хотятъ, чтобы она совершилась безъ громадной и совершенно ненужной растраты экономическихъ силъ и не при безчисленныхъ страданіяхъ большинства того самого рабочаго класса, въ пользу котораго и силами котораго эта революція совершится.

Но еще настоятельнѣе для успѣха борьбы представляется, можетъ быть, потребность въ людяхъ съ техническимъ знаніемъ военнаго дѣла, и факты исторіи Коммуны служатъ самымъ положительнымъ подтвержденіемъ этой насущной потребности. Если бы соціалисты Коммуны могли выставить съ самаго начала искуснаго въ своей спеціальности и въ то же время искренне преданнаго ихъ идеямъ руководителя военнымъ дѣломъ, то самыя грозныя опасности для Коммуны могли бы быть

устранены или значительно уменьшены. Такъ какъ, при всѣхъ возможностяхъ хода соціальной революціи, фактически, матеріальная борьба въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, при той или при другой обстановкѣ, есть не только самое вѣроятное, но почти неизбѣжное явленіе, то соціалистамъ приходится къ ней готовиться, приходится накоплять военное знаніе, пониманіе военной техники, вырабатывать въ своей средѣ въ направленіи военной техники тѣхъ личностей, которыя чувствуютъ къ этому способность. Опять таки и въ этомъ направленіи приходится *готовиться* къ борьбѣ, пріобрѣтать *знанія*.

Ограничусь еще только однимъ пунктомъ. Исторія Коммуны, въ запискахъ ея крупныхъ дѣятелей, показываетъ не разъ, какъ значительны были уступки, которыя приходилось дѣлать товарищамъ; какъ, вслѣдствіе этого, неосторожность однихъ безпрестанно парализовала всѣ усилія другихъ, вредила и имъ и общему дѣлу, подрывала нравственное вліяніе личностей и нравственное значеніе всего хода событій. И чѣмъ, вслѣдствіе этого, меньше внутренней силы чувствовали въ своей партіи ея замѣтные представители, тѣмъ крупнѣе были еще другія уступки, которыя приходилось имъ дѣлать — эти уже были неизбѣжны — уступки, вызванныя фактическою обстановкою, въ которой совершалось движеніе: уступки буржуазному элементу, тѣсно смѣшанному съ возставшимъ пролетаріатомъ, уступки патріотическому чувству, раздраженному предшествовавшей войной, уступки общественнымъ предразсудкамъ. И такъ, въ корнѣ этого ряда вредныхъ явленій, мы находимъ тѣ уступки, которыя приходилось дѣлать товарищамъ по дѣлу, и подобныя явленія должны неизбѣжно повторяться при крупномъ историческомъ движеніи: въ присутствіи враговъ, въ самомъ процессѣ борьбы очищать партію отъ вредныхъ элементовъ крайне трудно и опасно; слишкомъ часто это приводитъ окончательно къ 9 термидору, къ директоріи и къ цезаризму. Когда разъ окончательная борьба нача-

лась, исторія сковываетъ всѣхъ ея представителей общею солидарностью и отвѣтственностью, отъ которой оторваться почти невозможно. Недостатокъ готовности, недостатокъ организаціи, недостатокъ правильнаго выбора, недостатокъ сближенія наиболѣе искреннихъ, понимающихъ и энергичныхъ, на общемъ планѣ дѣйствія неизбѣжно отзовется при самой борьбѣ роковыми потрясеніями. Всего болѣе, можетъ быть, бросилъ тѣнь на Коммуну неосторожный выборъ въ ея среду недостойныхъ людей, неосторожныя и неразсудительныя дѣйствія нѣкоторыхъ ея членовъ, помѣшать которымъ ихъ товарищи или не могли или не рѣшались. Если безуміе Люлье и несчастная вылазка 3 апрѣля рѣшили, можно сказать, съ первыхъ же дней фактическую судьбу Коммуны, то кто можетъ взвѣсить удары, нанесенные ея нравственному значенію неосторожною дѣятельностью Рауля Риго и Феррэ, или тѣми взрывами аффекта, которые ихъ группа позволила себѣ въ послѣдніе дни существованія Коммуны? Мы видѣли (стр. 74) какъ высоко цѣнилъ Бержерэ нравственный ударъ, нанесенный движенію разстрѣляніемъ генераловъ Леконта и Тома, когда еще въ Парижѣ не существовало никакого организованнаго строя. И всѣ эти событія, всѣ эти матеріальные удары и нравственные подрывы зависѣли отъ того, что составъ группы личностей, поставленныхъ во главу движенія сначала въ Центральномъ Комитетѣ, потомъ въ Коммунѣ, былъ не результатомъ развитія и торжества одной партіи съ опредѣленной программой, но результатомъ сближенія совершенно чуждыхъ другъ другу личностей, выдвинутыхъ лишь однимъ побужденіемъ, господствовавшимъ при выборахъ, именно общимъ недовольствомъ противу господствующихъ классовъ и смутнымъ убѣжденіемъ избирателей, что тотъ или другой членъ Коммуны выражаетъ лучше другихъ кандидатовъ это недовольство. Между тѣмъ эти люди, выбранные въ столь важную и опасную минуту, несли общую отвѣтственность, были коллективно

солидарны и должны были *вмѣстѣ* дѣйствовать. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, къ отсутствію гармоніи и общности ясныхъ цѣлей въ цѣломъ составѣ Коммуны, еще прибавилось то неудобство, что каждая группа, сближенная общими цѣлями, имѣла въ своей средѣ личностей крайне разнообразныхъ по умственному и нравственному достоинству и развитію; между тѣмъ каждая группа еще въ большей мѣрѣ несла отвѣтственность за дѣйствія каждаго изъ своихъ членовъ, а въ борьбѣ группъ за вліяніе на дѣло и за преобладаніе, каждой группѣ приходилось сильно дорожить каждымъ изъ своихъ членовъ, слѣдовательно быть снисходительною къ тѣмъ его ошибкамъ, которыя, прямо или косвенно, подрывали силу и значеніе всей группы, всей Коммуны и общаго дѣла.

Эти факты могутъ напомнить соціалистамъ-революціонерамъ весьма избитое правило, но тѣмъ не менѣе крайне рѣдко соблюдаемое: осторожность при выборѣ товарищей. Его громадное значеніе обнаруживается особенно въ ту минуту, когда уже поздно имъ руководствоваться; въ минуту, когда надо *дѣйствовать*, и когда приходится дѣйствовать съ тѣмъ персоналомъ, который на лицо. Потому-то въ періодъ составленія этого персонала нельзя быть достаточно осторожнымъ и внимательнымъ. Когда партія выступаетъ на историческую арену, на рѣшительную борьбу подъ внимательнымъ наблюденіемъ враговъ, соперниковъ и индифферентистовъ, когда она должна завоевать своей программѣ мѣсто среди руководящихъ принциповъ общества, тогда самые жестокіе, самые опасные удары, которые могутъ быть нанесены партіи, — суть удары, наносимые ей нравственною несостоятельностью ея членовъ. Опасны не только измѣнники; опасенъ всякій, кто своими общественными или даже частными дѣйствіями кладетъ пятно на партію. Каждый изъ насъ долженъ помнить, что, какъ членъ партіи, онъ вредитъ ей всякимъ своимъ необдуманнымъ поступкомъ; что каждое частное дѣло его можетъ пасть на ея отвѣтствен-

ность. Каждый долженъ помнить, какъ членъ партіи, что своимъ сближеніемъ съ тѣми или другими личностями, своими личными связями, онъ можетъ или вредить своему знамени или поддерживать его. Тамъ, гдѣ, какъ отдѣльная личность, какъ частный человѣкъ, онъ могъ бы быть снисходительнымъ, ему приходится быть строгимъ, какъ члену партіи. Ему приходится преслѣдовать тѣхъ паразитовъ соціализма, которые, живя на счетъ чужаго труда, говорятъ о созданіи царства труда; приходится отталкивать тѣхъ безобразниковъ соціализма, которые въ пьянствѣ, въ кулачныхъ расправахъ и въ развратныхъ оргіяхъ топчутъ въ грязь имя соціализма и его знамя. Враги наши зорко слѣдятъ за нами, жадно ловя всякій случай, который далъ бы имъ поводъ съ какимъ нибудь дѣйствительнымъ правомъ обрушить на насъ обвиненіе или насмѣшки. И мы должны быть зорки. Мы должны другъ друга подкрѣплять въ тѣхъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ, слабыхъ сторонахъ каждаго, которыя въ опасную минуту могутъ быть гибельны для общаго дѣла. Мы должны искоренять въ нашихъ кружкахъ взаимнымъ товарищескимъ вліяніемъ то, что̀ можетъ бросить тѣнь на партію, можетъ уронить въ грязь наше знамя, можетъ повредить общему дѣлу.

Въ то же время мы должны строго и внимательно слѣдить за тѣмъ, кто *нашъ* и кто *не нашъ*. Мы должны ясно сознавать, гдѣ кончается лагерь соціалистовъ и гдѣ начинается лагерь хищниковъ. Всякая уступка хищникамъ, всякая, хотя бы косвенная служба хищническому дѣлу, есть не только нравственная распущенность; это— вредъ нашему дѣлу. Мы можемъ побѣдить лишь тогда, когда поставимъ рѣзкую границу между нашимъ и чужимъ лагеремъ. Одно изъ главныхъ завоеваній Интернаціонала въ отношеніи политики соціализма заключалось въ усвоеніи убѣжденія, что невозможенъ союзъ между партіею рабочихъ соціалистовъ и всѣми другими партіями, которыя называютъ себя болѣе или менѣе демокра-

тическими, болѣе или менѣе радикальными, болѣе или менѣе преданными интересамъ массы, оставаясь тѣмъ не менѣе на почвѣ старыхъ политическихъ или экономическихъ задачъ. Наше дѣло — просто и ясно: мы должны всѣ подготовлять соціальную революцію какъ бы мы ни расходились между собою во взглядахъ на способы ея подготовленія. Мы должны бороться всѣми нашими силами со всѣми ея врагами, гдѣ бы они ни находились и какое бы названіе на себя ни принимали. Здѣсь, говоря о сдѣлкахъ съ лицами и началами, уже не принадлежащими къ соціально-революціонному направленію, мнѣ всего умѣстнѣе и обратиться къ группамъ, отличнымъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Перехожу, прежде всего, къ людямъ, болѣе или менѣе горячо сочувствующимъ требованіямъ рабочаго пролетаріата, болѣе или менѣе ясно сознающимъ то разложеніе, къ которому идетъ современное общество, слѣдуя нынѣшнимъ его экономическимъ и политическимъ принципамъ; но это сочувствіе, это сознаніе еще не дошло въ нихъ, можетъ быть, до опредѣленнаго убѣжденія,—къ которому всѣ мы, полагаю, пришли не разомъ, а постепенно, помимо собственной воли, вслѣдствіе слишкомъ ясной невозможности противнаго—до убѣжденія въ невозможности примиренія, соглашенія, уступокъ, какой либо гармоніи между двумя соціальными лагерями, которые поставила одинъ противъ другаго исторія. Эти надѣющіеся на путь для насъ уже невозможный, на рѣшеніе для насъ немыслимое, могутъ также найти поученіе въ судьбѣ Парижской Коммуны. И тамъ, какъ мы видѣли, были примирители, которые хотѣли уладить борьбу рабочаго возстанія; и тамъ были буржуа, которые, оставаясь въ другомъ лагерѣ, выражали свое сочувствіе Коммунѣ, свое порицаніе дѣйствіямъ версальскаго правительства. Но каковъ былъ результатъ дѣятельности этихъ примирителей, этихъ сочувствующихъ? Одни изъ нихъ оказались или измѣнниками или явными врагами парижскаго про-

летаріата; другіе—самыми вредными его друзьями. Мэры и депутаты Парижа своею примирительною, деморализующею дѣятельностью лишь дали возможность версальцамъ опомниться, собраться съ силами, устроить армію, въ первую минуту вполнѣ деморализованную. Въ минуту опасности и серьезной борьбы не оказалось въ Парижѣ этихъ «друзей», а впослѣдствіи ихъ имена украшали дривѣтствіе арміи, совершившей подвиги «кровавой недѣли». На ихъ совѣсти, на совѣсти тѣхъ, которыхъ имена какъ блистательно фигурируютъ теперь въ самыхъ радизальныхъ журналахъ Парижа, лежитъ отвѣтственность за эту «кровавую недѣлю». Ихъ примирительныя попытки, ихъ утопическія надежды парализовали дѣятельность парижской революціи въ тѣ самые дни, когда быстрая рѣшимость, неуклонная энергія въ дѣйствіи одна могла дать шансы торжества движенію, неожиданному для большинства участвовавшихъ въ немъ настолько же, какъ и для его противниковъ; движенію, которое лишь быстротою развитія, энергіею своей экспансивности и рѣшительностью въ минуту деморализаціи враговъ могло завоевать себѣ симпатію Франціи, болѣе изумленной этимъ фактомъ, чѣмъ усвоившей себѣ его значеніе. Что произошло бы, если бы въ первые же дни, вмѣсто примирительныхъ попытокъ, фатально обреченныхъ съ самаго начала на неуспѣхъ, эти Луи-Бланы, Клемансо и какъ ихъ тамъ зовутъ, стали бы, подобно Делеклюзу, во главѣ этого новаго народнаго движенія; если бы, не колеблясь ни минуты, всѣ «друзья народа» примкнули къ самому крайнему знамени, хотя бы оставляя за собою въ душѣ право впослѣдствіи вліять въ направленіи уступокъ и соглашенія? Что произошло бы, если бы, въ эти первые дни, въ эпоху деморализаціи и ужаса въ Версали, при отсутствіи сколько нибудь надежной арміи у Тьера, экспансивная сила парижскаго движенія разогнала версальскихъ представителей «мира во чтобы то ни стало», оскорбителей Гарибальди, идіотическихъ адептовъ невоз-

можнаго легитимизма и архаическаго клерикализма и скрѣпила бы связь Парижа съ другими большими центрами Франціи? — Отвѣтить положительно на этотъ вопросъ было бы слишкомъ смѣло. При данномъ персоналѣ старѣющихъ представителей соціализма 1848 г., будущихъ соперниковъ оппортюнизма 1879 г. и всякихъ фразеровъ радикализма, конечно, рѣшеніе фатально должно было выпасть такъ, какъ оно выпало. Но, при нѣсколько большей искренности сочувствія къ пролетаріату, при нѣсколько большемъ пониманіи дѣйствительнаго отношенія враждующихъ партій, рѣшеніе *могло бы* выпасть иное и тогда «кровавая недѣля» не имѣла бы мѣста и исторія послѣднихъ лѣтъ во Франціи была бы иная. — Соціальная борьба слишкомъ серьезна, чтобы допустить соглашенія, примиренія, уступки. Между міромъ старой эксплуатаціи трудящихся тѣми, которые живутъ чужимъ трудомъ, и новымъ міромъ всеобщаго труда, примиренія нѣтъ, не можетъ и не должно быть. Всякій, кто пришелъ только къ тому, что рабочій соціализмъ есть, какъ теорія,—истина, какъ планъ будущаго строя—желательный и справедливый общественный строй, не имѣетъ уже права колебаться въ своей жизненной дѣятельности. Всякій, кто знаетъ, что въ грозномъ столкновеніи пролетаріата съ капиталомъ правда—на сторонѣ пролетаріата, не имѣетъ уже нравственнаго права ограничиться словами поэта «невѣдомому богу»:

Противъ тебя отнынѣ я не воинъ!

Онъ долженъ *положительно* служить богу, котораго божественность призналъ; долженъ рѣшительно отречься отъ старыхъ симпатій и привычекъ, долженъ измѣнить свою жизнь, долженъ стать въ ряды борющихся, или онъ долженъ ясно сказать себѣ: я буду жить на перекоръ собственнымъ своимъ убѣжденіямъ.

Но другимъ страшенъ не рѣшительный разрывъ рабочаго соціализма со всѣмъ старымъ міромъ, не самоот-

верженіе, требуемое новымъ ученіемъ, а революціонный путь, начертанный соціализмомъ въ его настоящемъ фазисѣ, призывъ къ борьбѣ, къ крови. — Пусть и они внимательно вглядятся въ исторію Парижской Коммуны. Развѣ ея представители хотѣли крови? Развѣ они не прибѣгали ко всѣмъ казавшимся возможными средствамъ для устраненія столкновенія мирнымъ путемъ? Съ 19 марта по 21 мая, какъ мы видѣли, «не пало ни одной головы, не пролито ни одной капли крови» внутреннихъ враговъ Коммуны. Много ли она выиграла отъ этого? Развѣ такъ называемые историки, публицисты и ораторы противной партіи принимаютъ сколько нибудь въ разсчетъ это мирное настроеніе, эти мирныя попытки, такъ долго и упорно длившіяся! Развѣ въ воспоминаніи противниковъ Коммуна не осталась нераздѣльно связана съ рѣзкими рѣшеніями, никогда не перешедшими въ дѣло, со взрывами страсти, имѣвшими мѣсто прежде установленія въ Парижѣ какого бы то ни было организованнаго строя или во время отчаянной борьбы послѣднихъ часовъ существованія Коммуны?—Желаніе мирнаго исхода, отвращеніе отъ насильственныхъ мѣръ, отъ кровавыхъ катастрофъ совершенно естественно во всѣхъ мыслящихъ людяхъ, тѣмъ болѣе, что кровавые эпизоды всегда усиливаютъ раздраженіе въ обществѣ, нисколько не облегчая рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Но исторія безпрестанно ставила и ставитъ лицомъ къ лицу интересы, аффекты, убѣжденія, которыя примирены быть не могутъ и всѣ попытки къ примиренію которыхъ лишь увеличиваютъ число жертвъ а не уменьшаютъ его. Въ извѣстныя историческія минуты страсти человѣческія совершенно сдержаны быть не могутъ. Раздраженіе, вызванное прошедшимъ, слишкомъ напряжено. Всегда найдутся въ партіи единицы, которыхъ аффектъ поведетъ къ насилію, къ убійству, и въ глазахъ враговъ, въ глазахъ постороннихъ, личный поступокъ неизбѣжно падетъ на общую отвѣтственность. Если наши враги защищаютъ интересы

или убѣжденія, отъ которыхъ мирнымъ путемъ отступиться, по всей вѣроятности, не могутъ, то именно тѣ люди, которые дорожатъ человѣческою жизнью, человѣческою кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и рѣшительной побѣды и затѣмъ дѣйствовать какъ можно быстрѣе и энергически для подавленія враговъ, такъ какъ лишь этимъ путемъ можно получить минимумъ неизбѣжныхъ жертвъ, минимумъ пролитой крови. Въ настоящемъ общественномъ строѣ выгоды, которыми пользуется господствующее меньшинство, слишкомъ значительны, чтобы существовала для предстоящей соціальной борьбы хотя малѣйшая надежда добровольной уступки этихъ выгодъ: ихъ будутъ отстаивать всѣми силами; мы должны знать это и должны къ этому готовиться. Да развѣ когда либо обладатели господства въ обществѣ уступали это господство не отстаивая его кровью? Развѣ можно было ожидать, что версальское собраніе уступитъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ Парижа если не будетъ къ этому принуждено? Развѣ можно было думать, что собраніе самыхъ тупыхъ и упрямыхъ представителей всѣхъ отсталыхъ партій Франціи пойметъ требованія парижскаго пролетаріата? Развѣ не Версаль началъ борьбу? А если борьба, кровавая, насильственная борьба была неизбѣжна, развѣ она не ограничилась бы меньшимъ числомъ жертвъ, если бы была ведена энергически и быстро съ самаго начала? Если бы Версаль былъ занятъ 20 марта, если бы послѣ побѣды парижанъ—а она тогда была возможна—и послѣ совершившагося въ Парижѣ радикальнаго экономическаго переворота, явились въ города Франціи эмиссары Парижа съ «призывомъ къ бѣднякамъ» и быстро собрался конвентъ, опирающійся на вооруженныя коммуны рабочаго пролетаріата по всей Франціи — развѣ больше пролилось бы крови для осуществленія постановленій этого конвента, чѣмъ пролито ея въ «кровавую недѣлю»? Всякій переворотъ, совершающійся во имя

прогрессивной идеи, выгоднѣе совершать путемъ наступленія на врага, чѣмъ путемъ самозащиты. Воображеніе противниковъ, какъ воображеніе посторонннихъ зрителей, еще не затронутыхъ движеніемъ, должно быть поражено энергіею и быстротою дѣйствій сторонниковъ новаго порядка прежде чѣмъ убѣжденія послѣднихъ могутъ представиться логическою истиною и нравственною правдою тѣмъ, которые еще колеблются. Когда разъ мы убѣдились, что между нами и врагами нашими мира быть не можетъ, что они не могутъ намъ уступить добровольно то, чего мы требуемъ, и когда мы увѣрены, что будущность человѣчества зависитъ отъ успѣха нашихъ начинаній, то во имя человѣколюбія, въ виду доведенія числа неизбѣжныхъ жертвъ до минимума, мы должны наносить удары смѣло, быстро и рѣшительно, именно потому, что мы боремся за будущность человѣчества.

Я обращаюсь теперь къ тѣмъ, которые еще ищутъ истины, еще колеблются признать ее въ программѣ рабочаго соціализма. Старый либерализмъ имѣетъ такую длинную, такую блестящую исторію, такихъ чистенькихъ героевъ, такія привычныя уже формулы. Новый соціализмъ такъ враждебенъ, по видимому, тому, что̀ мы привыкли считать блескомъ цивилизаціи; его приверженцы часто грубы и невѣжественны; его поступки далеко не всегда отличаются благоразумною и разсчетливою политикою; въ числѣ его крупныхъ представителей мы встрѣчаемъ часто имена совсѣмъ неизвѣстныя; выборъ ихъ бываетъ иногда весьма неудаченъ; между ними встрѣчаются и люди недостойные. Съ насмѣшкою или съ укоромъ перебираютъ въ своихъ комфортабельныхъ кабинетахъ имена погибшихъ, побѣжденныхъ, заклейменныхъ коммунаровъ равнодушные или раздраженные продукты старой цивилизаціи. Не мудрено, что многіе свѣжіе и искренніе умы, выработанные этой самой цивилизаціей, останавливаются въ недоумѣніи и спрашиваютъ себя: не ужели же *здѣсь* истина? — «Прочь вар-

варовъ!» восклицалъ обвинитель въ процессѣ Пассананте. И давно уже грозятъ этимъ нашествіемъ варваровъ тѣ, которые пользуются всѣми прелестями капиталистической цивилизаціи. И у насъ пугачевщину обыкновенно выставляютъ лишь съ ея кровавой стороны. Сравненіе съ варварами, низвергнувшими античный міръ, имперію цезарей, давно уже употребляется въ примѣненіи къ современному соціалистическому пролетаріату.— Да; капиталистическій строй долженъ пасть. Но вы, искренно ищущіе истины, вглядитесь внимательно въ него. Не онъ ли самъ выставилъ на видъ свое собственное обличеніе? Не онъ ли обратилъ всѣ отрасли жизни цивилизованнаго міра въ борьбу спекуляторовъ за обогащеніе, въ борьбу всѣхъ имѣющихъ что либо за наживу, въ борьбу трудящихся за существованіе? Развѣ соціализмъ вызвалъ явленіе пролетаріата, фатально разростающагося? Развѣ соціализмъ вызвалъ безобразную биржевую спекуляцію, колоссальное биржевое мошенничество, позорные и гибельные биржевые кризисы? Развѣ ненависть рабочаго къ капиталисту не развивалась фатально изъ того положенія, въ которое сталъ капиталистъ относительно рабочаго? Развѣ самыя ученія соціализма, сначала утопическія, потомъ болѣе и болѣе научныя, не питались и не питаются фактами, доставленными этимъ ученіямъ самимъ капитализмомъ? Развѣ проповѣдь революціоннаго соціализма имѣла бы малѣйшую возможность успѣха въ массахъ, если бы ненависть къ эксплуататорамъ не подготовила для нея удобную почву? Развѣ іюньскіе дни 1848 года, развѣ Коммуна 1871 года были бы мыслимы безъ той пропасти, которую капитализмъ рылъ всего лубже и глубже между господствующими классами и рабочимъ пролетаріатомъ? Развѣ соціализмъ вызвалъ продажность въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ отношеніяхъ, составляющихъ самую интимную жизнь человѣка? Посмотрите на этихъ спекулирующихъ и грабящихъ депутатовъ, министровъ, великихъ князей; посмотрите на

бракъ, обращенный въ куплю и продажу; на проституцію, которая сдѣлалась общественнымъ учрежденіемъ. Отвѣтьте сами себѣ искренно на вопросъ: можетъ ли излечить современное общество капитализмъ, который съ каждымъ годомъ вызываетъ новое разростаніе этихъ болѣзней? Спросите себя: есть ли у него средства устранить изъ общества ту фатальную рознь и конкуренцію, которыя мы замѣчаемъ всюду? И послѣ того прислушайтесь къ соціализму съ его ученіемъ солидарности между всѣми трудящимися, съ его требованіемъ, обращеннымъ къ каждому его сторонніку: «отдай всѣ твои силы труду для общественнаго блага и ты имѣешь право получать отъ общества все необходимое для твоего существованія и для твоего развитія». Вникните въ ту тѣсную, реальную связь, которая существуетъ между этимъ ученіемъ солидарности трудящихся и дѣйствительными условіями труда съ его многочисленными, взаимно-зависящими развѣтвленіями. Припомните тѣ многочисленные примѣры, относящіеся къ самому послѣднему времени: примѣры самоотверженія полуголодающаго рабочаго, который изъ своей скудной платы выдѣлялъ долю на помощь еще болѣе голодающимъ товарищамъ, на помощь стачникамъ за «общее рабочее дѣло», на помощь агитаціи, результатами которой онъ лично имѣлъ очень мало шансовъ воспользоваться; примѣры самоотверженія задавленнаго налогами и притѣсненіями русскаго крестьянина, который готовъ былъ страдать съ «міромъ» и стоять за «міръ» до послѣдней возможности. Если вы точно искренни, когда говорите, что ищете *правду* логическую и нравственную, то послѣ этого сравненія капитализма, безсильнаго при своемъ всемогуществѣ предъ растущимъ общественнымъ разложеніемъ, съ рабочимъ соціализмомъ, уже теперь, въ элементарномъ, частью безсознательномъ своемъ состояніи, проявляющимъ силу солидарности, спросите смѣло свою совѣсть: гдѣ истина? — Ваша совѣсть отвѣтитъ вамъ.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ тѣмъ, которые уже не колеблются, прямо объявляютъ себя противниками соціализма, но провозглашаютъ смѣло свою любовь къ народу и свою рѣшимость помочь его бѣдствіямъ тѣми средствами, которыя представляетъ нынѣшній общественный строй въ его экономическомъ и политическомъ развитіи. Они объявляютъ насъ еретиками, врагами и обманщиками народа. Они утверждаютъ, что, оставаясь вѣрны своей традиціи экономическаго и политическаго либерализма или авторитета, они выведутъ страждущія массы изъ страны мученія и дадутъ имъ возможность человѣческаго существованія, сохраняя всѣ основныя начала стараго міра. Они—демократы-славянофилы, демократы-западники, но они смѣются и возмущаются, когда слышатъ о претензіи соціалистовъ измѣнить самыя основы существующаго общественнаго строя. — Я не стану прилагать къ нимъ тѣ названія разбойниковъ, мошенниковъ, безумцевъ, которыми они такъ охотно осыпаютъ противниковъ, въ особенности же коммунаровъ. Я нахожу совершенно естественнымъ, что «старый міръ корчился въ конвульсіяхъ бѣшенства при видѣ краснаго знамени, символа республики рабочихъ, развивающагося на ратушѣ» («Civ. War.», 21). Я не стану и аргументировать противъ нихъ. Я даже охотно укажу имъ путь, которымъ они доказали бы—если могутъ—исторически, что они правы, провозглашая себя истинными людьми народа. Я и передъ ними разверну мрачную исторію Парижской Коммуны. Пусть они попробуютъ сравниться съ тѣми, которыхъ осыпаютъ ругательствами. Пусть съумѣютъ внушить народу довѣріе къ себѣ. Пусть около нихъ встанетъ, какъ встало 2 апрѣля, наканунѣ перваго нравственнаго удара, нанесеннаго движенію 18 марта, 200.000 вооруженнаго народа около неизвѣстныхъ переплетчиковъ, сапожниковъ и ювелировъ, которые были выдвинуты во главу движенія. И пусть они дадутъ въ настоящее время такой списокъ героевъ и мучениковъ,

какой дали ихъ дѣды въ концѣ XVIII вѣка, такой списокъ героевъ и мучениковъ, какой дала Коммуна. Пусть у нихъ хватитъ энтузіазма, чтобы пасть какъ Делеклюзъ, какъ Варленъ, какъ Мильеръ, какъ Феррэ. И эти люди заблуждались, ошибались, я не скрылъ этого; не скрылъ, насколько они своими заблужденіями и ошибками вредили общему дѣлу. Но они умѣли положить душу за свое знамя. И теперь, среди партіи русскаго соціальнаго движенія, не мало людей съ неяснымъ убѣжденіемъ, неспособныхъ побѣдить слабости своего характера; не мало заблуждающихся и ошибающихся, которые гніютъ въ казематахъ, которыхъ уже схватила или ждетъ каторга, которые станутъ или уже стали подъ пули палачей, подъ веревку висѣлицъ. Дѣло ихъ товарищей, дѣло ихъ партіи — указывать на ихъ недостатки, на ихъ заблужденія, на то, чѣмъ и насколько они вредятъ собственной партіи. Но для нашихъ противниковъ, для нашихъ либераловъ, трепещущихъ предъ презрительнымъ словомъ министра, для нашихъ кабинетныхъ демократовъ, чурающихся названія соціалистовъ, эти люди — недоступные герои. Попробуйте, сосчитайте ихъ, скажемъ мы, и затѣмъ найдите въ своихъ рядахъ хотя бы десятую долю этого числа такихъ людей, которые готовы жертвовать всѣмъ, готовы погибнуть за свое убѣжденіе; тогда мы помѣряемся. Въ борьбѣ партій за представительство историческаго будущаго лишь той принадлежитъ будущее, которая умѣетъ приносить жертвы. Сторонники Парижской Коммуны ошибались и заблуждались во многомъ. Много укоровъ могло бы быть сдѣлано имъ со стороны приверженцевъ рабочаго соціализма, но только со стороны ихъ. Предъ такъ называемыми «друзьями народа», неспособными принести ему никакой жертвы, неспособными даже поставить на карту свое себялюбивое *я* во имя того, что̀ они смѣютъ называть своимъ убѣжденіемъ, предъ этими каррикатурами демократизма, Парижская Коммуна 1871 года есть нѣчто на-

столько великое и могучее, не смотря на всѣ ея ошибки, недостатки и заблужденія, что эти люди обращаются предъ нею въ историческое *ничто.*

Я кончилъ и преклоняюсь не предъ кумиромъ Парижской Коммуны, но предъ тѣмъ крупнымъ историческимъ явленіемъ, когда пролетаріатъ впервые рѣшился быть *собою* въ минуту успѣшнаго возстанія; предъ явленіемъ, въ которомъ рабочіе соціалисты всѣхъ странъ, независимо отъ всѣхъ различій и раздоровъ, могли признать и признали свое *общее* дѣло, повторяя, съ манифестомъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала («Civ. War.», 34): «Во всѣ времена будутъ превозносить рабочихъ Парижа съ ихъ Коммуною, какъ славныхъ предшественниковъ новаго общественнаго строя. Ихъ мученики включены въ святыню великаго сердца рабочаго класса. Ихъ убійцъ исторія уже пригвоздила навѣки къ позорному столбу, отъ котораго не въ состояніи избавить ихъ никакія молитвы ихъ священниковъ».

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛ. ОТДЕЛА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ

Нѣсколько словъ читателямъ III

Наше собраніе 1

I. Факты Парижской Коммуны 5

1. Матеріалъ 5

2. Имперія и Интернаціоналъ 8

3. Соціалистическая литература. 23

4. Сентябрьская республика 38

5. Канунъ взрыва. 55

6. Центральный Комитетъ. 67

7. Коммуна 81

8. Что сдѣлала Коммуна?. 156

II. Вліяніе Парижской Коммуны 187

III. Поучительные выводы 206

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
24	11 сверху	1871	1870
25	15 —	ясности, въ	ясности въ
28	6 —	года, онъ признавалъ	года онъ признавалъ,
78	5 снизу	контролировалъ	контролировать
138	15-16 сверху	предоставить	представить
155	14 снизу	старина	старика
157	21 —	поучительная	поучительныя
157	3 —	ставила	ставило
158	3 —	этотъ	этомъ
189	11 сверху	мѣста	мира

Извлеченіе изъ Объявленія объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки:

.....«Изданія Русской Соціально-Революціонной Библіотеки предназначаются:

1. *Для интеллигенціи*, т. е. для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ.

2. *Для народа*, т. е. для читателей, по недостатку времени или подготовки не могущихъ воспользоваться трудами первой категоріи. Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и т. д. Народныя изданія Русской Соціально-Революціонной Библіотеки по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи.

Болѣе или менѣе полное достиженіе поставленной, такимъ образомъ, задачи зависитъ отъ той поддержки, какую окажутъ нашему предпріятію различные соціально-революціонные кружки въ Россіи.

Для покрытія издержекъ изданія образуется *фондъ* Русской Соціально-Революціонной Библіотеки.

Дѣла изданія Русской Соціально-Революціонной Библіотеки находятся въ завѣдываніи *Редакціонной Коммиссіи*, состоящей изъ трехъ лицъ, и *Кассира*.

Способы избранія коммиссіи и кассира и ихъ функціи будутъ установлены на первомъ собраніи всѣхъ лицъ

согласныхъ содѣйствовать изданію. Оно должно быть созвано чрезъ полгода по выходѣ первой книжки Русской Соціально-Революціонной Библіотеки.

Въ настоящее время избрано по большинству голосовъ лицами, согласившимися участвовать своими трудами въ изданіи, (см. на оборотѣ) *временная Редакціонная Коммисія* и ею избранъ кассиръ». *)

. . . . . .

«Первое собраніе всѣхъ русскихъ соціалистовъ, согласныхъ участвовать трудами или взносами въ изданіи, окончательно установитъ всѣ подробности веденія дѣла, при чемъ лица, не находящіяся на мѣстѣ, передаютъ свой голосъ другимъ.

Во временную Редакціонную Коммиссію избраны слѣдующія лица: Л. Н. Гартманъ, П. Л. Лавровъ и Н. А. Морозовъ.

Редакціонная Коммисія избрала кассиромъ В. М. Палія, которому и проситъ адресовать всю корреспонденцію по адресу: Mr. Paliy, Genève, Terrassière, 31, imprimerie du « Rabotnik » et de la « Hromada ».

---

*) Г. Драгомановъ проситъ заявить, что онъ участвуетъ въ «Русской Соціально-Революціонной Библіотекѣ» только своими литературными трудами, но ни въ какихъ учредительныхъ и распорядительныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ этой Библіотеки онъ не можетъ принять участія.